ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 5/2018

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

✧

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

✧

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Дерябина М.А., канд. экон. наук
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

✧

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С. председатель
член-корреспондент РАН, научный руководитель
Института экономики РАН

Ленчук Е.Б.
доктор экономических наук, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.
доктор экономических наук, профессор, зам. руководителя
департамента финансовых рынков и банков Финансового университета
при Правительстве РФ

Александрова О.А.
доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.
доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Архипов А.И.
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН

Бахтизин А.Р.
член-корреспондент РАН, профессор, временно исполняющий
обязанности директора Центрального экономико-математического
института РАН

Буторина О.В.
доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора Института Европы РАН

Валентей С.Д.
доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Глинкина С.П.
доктор экономических наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Головнин М.Ю.
член-корреспондент РАН, первый заместитель директора Института
экономики РАН

Городецкий А.Е.
доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Дорошенко М.Е.
доктор экономических наук, профессор,
зам. зав. кафедрой прикладной институциональной экономики
экономического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова

Иващенко Н.П.
доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики инноваций экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, заместитель декана по межфакультетскому взаимодействию и инновационной деятельности экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.
доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Караваева И.В.
доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН

Лаврикова Ю.Г.
доктор экономических наук, профессор, временно исполняющая обязанности директора Института экономики УрО РАН

Музычук В.Ю.
доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.
академик РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Московской школы экономики Московского государственного университате им. М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.
доктор экономических наук, директор Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.
доктор философских наук, профессор, руководитель научного направления Института экономики РАН

Сорокин Д.Е.
член-корреспондент РАН, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ

Цветков В.А.
член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

Черных С.И.
доктор экономических наук, профессор, зав. сектором исследований финансового обеспечения науки Института проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.
доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского научного центра Российской академии наук

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 5/2018

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по группе
научных специальностей 08.00.05 «экономические науки»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
ISSN 2073-6487

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП
Редакция журнала
«Вестник Института экономики Российской академии наук», 2018

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 10.10.2018.
Формат 70×100/16. Усл.-печ. *л.* 10. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № Е-4564

Отпечатано в типографии ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
115093, г. Москва, Партийный переулок, *д.* 1, корп. 58, стр. 1, эт. 1, часть помещ. 1

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Ленчук Е.Б., Власкин Г.А.
Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы 9

Смотрицкая И.И., Черных С.И.
Современные тенденции цифровой трансформации государственного управления 22

Андрюшин С.А., Рубинштейн А.А.
Денежно-кредитная политика Банка России в условиях новых финансовых технологий 37

Ахапкин Н.Ю., Волкова Н.Н., Иванов А.Е.
Развитие цифровой экономики и перспективы трансформации российского рынка труда 51

Бараненкова Т.А., Соболева И.В.
Структурные дефициты российского рынка труда и риски миграции 66

Соболев Э.Н.
Оплата труда в российской экономике: тенденции и проблемы . . . 79

Митрович С.
Эволюция применения информационных технологий в экономическом анализе хозяйственной деятельности организаций (конец XX – начало XXI вв.) 97

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Хейфец Б.А.
Перспективы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН 107

Оболенский В.П.
Мировые цены: влияние на внешнюю торговлю России 121

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Караваева И.В., Иванов Е.А.
Стратегические риски трехлетнего бюджета 133

Гуров И.Н., Бобков Г.А.
Премии за риск инфляции в структуре процентных ставок в России в 2003–2018 годах 144

ЭКОНОМЕТРИКА

Сафиуллин М.Р., Абдукаева А.А., Ельшин Л.А.
Разработка прогностической модели динамики курса криптовалют с применением инструментов стохастического анализа 161

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Мерекина Е.В.
Факторы инвестиционной привлекательности альтернативных инвестиционных фондов. 174

Зайцев В.Е.
Государственные программы Российской Федерации и Республики Корея: сравнительный анализ 187

Швелидзе Д.А.
Развитие опорной сети магистралей и скоростных автомобильных дорог как фактор экономического развития России. 201

CONTENTS

ECONIMICS AND MANAGEMENT

Lenchuk E.B., Vlaskin G.A.
Formation of the Digital economy in Russia: Problems, Risks, Prospects 9

Smotritskaya I.I, Chernykh S.I.
Modern Trends in the Digital Transformation of Public Administration 22

Andryushin S.A, Rubinshtein A.A.
Monetary Policy of the Bank of Russia in the Context of New Financial Technologies 37

Akhapkin N.Yu., Volkova N.N., Ivanov A.E.
The Development of the Digital Economy and the Prospects for the Transformation of the Russian Labor Market 51

Baranenkova T.A, Soboleva I.V.
Structural Deficiencies of the Russian Labor Market and Migration Risks 66

Sobolev E.N.
Remuneration of Labor in the Russian Economy: Trends and Challenges 79

Mitrovich S.
Evolution of the Application of Information Technologies in the Economic Analysis of the Economic Activities of Organizations (the End of the 20th Century and the Beginning of the 21st Century)..... 97

WORLD ECONOMY

Heifets B.A.
Prospects for the Creation of a Free Trade Zone between the EAEU and ASEAN 107

Obolensky V.P.
World Prices: the Impact on Russia's Foreign Trade..... 121

FINANCE, MONETARY CIRCULATION AND CREDIT

Karavaeva I.V., Ivanov E.A.
Strategic Risks of the Three-Year Budget 133

Gurov I.N., Bobkov G.A.
Premiums for the Risk of Inflation in the Structure of Interest Rates in Russia During the Years from 2003 through 2018 144

ECONOMETRICS

Safiullin M.R., Abdukaeva A.A., Elshin L.A.
Development of a Predictive Model for the Dynamics of the Exchange Rates of the Crypto-Currencies Using Stochastic Analysis Tools 161

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

Merekina E.V.
Factors of Investment Attractiveness of Alternative Investment Funds 174

Zaitsev V.E.
State Programs of the Russian Federation and the Republic of Korea: Comparative Analysis 187

Shvelidze D.A.
Development of a Core Network of Highways and High-Speed Motor Roads as a Factor of Economic Development of Russia 201

Вестник Института экономики Российской академии наук
5/2018

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Е.Б. ЛЕНЧУК
доктор экономически наук,
директор ФГБУН Институт экономики РАН

Г.А. ВЛАСКИН
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центра инновационной экономики и промышленной политики
ФГБУН Институт экономики РАН

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, РИСКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ[1]

В статье исследуются ключевые аспекты процессов цифровой трансформации, развертывающихся в современном мире, оценивается достигнутый уровень развития отечественных цифровых технологий в сравнении со странами-лидерами. Отмечается, что общая технологическая отсталость страны создает серьезные преграды на пути цифровизации экономики и увеличивает риски нарастания технологической зависимости. В статье предлагаются пути по их преодолению. Анализируются основные направления новой стратегии цифровизации экономики России, заявленные в рамках программы «Цифровая экономика Российской Федерации», ее основные цели и задачи. Формулируются предложения по ускорению процессов цифровизации в связи с трансформацией программы в формат национального проекта. Подчеркивается, что обеспечить ускоренное и эффективное развитие цифровой экономики возможно лишь при условии внедрения и использования цифровых технологий во взаимосвязи с развитием реальной экономики и переходом к инновационной модели развития.

Ключевые слова: *цифровая экономика, программа, национальный проект, цифровые технологии, конкурентоспособность, экономическая безопасность.*

JEL: O00, O14, O31, O32, O33, O38.

[1] Статья подготовлена в рамках финансовой поддержки Программы фундаментальных исследований РАН п. 20 «Многофакторные вызовы и риски перехода к новому этапу научно-технологического и экономического развития России: фундаментальные и прикладные проблемы».

Мировые тенденции развертывания процессов цифровизации

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось вступлением мира в новую технологическую эпоху, характеризующуюся стиранием границ между физическими, биологическими и цифровыми технологиями. В этих новых реалиях цифровые технологии становятся ядром постиндустриальной инновационной экономики. Весь комплекс высоких технологий, о которых идет речь, включает в себя искусственный интеллект, интернет вещей, беспилотный транспорт, 3D-печать, нанотехнологии, биотехнологии, квантовые компьютеры. Развитие новых технологий, особенно цифровых (digital technologies), сопровождается системными изменениями во всех сферах бизнеса, общества и политики, а также появлением более современных форм организации работы власти, государственного и частного секторов экономики, гарантирующих прозрачность общественной среды. По существу, происходит форсированное рождение нового поколения экономики, получившей название «цифровая экономика» и базирующейся главным образом на внедрении и использовании цифровых технологий на всех участках экономической деятельности.

Вместе с тем, несмотря на то, что термин «цифровая экономика» сегодня прочно закрепился в нашей жизни и широко используется в научной литературе, в программах и разного рода документах, разрабатываемых как государством, так и бизнесом, общепринятого определения «цифровой экономики» пока не существует. Дискуссия по этому поводу продолжается [1]. Но сама цифровая экономика как объект управления, и тем более как объект стратегического управления, даже в своих основных чертах, не описана и не определена в достаточной мере [2, с. 31]. Несомненно, что эти вопросы требуют дальнейшей конкретизации. Мы в данной работе рассмотрим процесс цифровизации экономики с позиций широкомасштабного внедрения цифровых технологий, их преимуществ, ограничений и рисков.

Цифровизация экономики в первую очередь ориентирована на повышение ее эффективности и конкурентоспособности. Подсчитано, что благодаря цифровизации сокращаются расходы на обслуживание производства продукции (на 10–40%), время простоя оборудования (на 30–50%), сроки вывода на рынок (на 20–50%) и затраты на обеспечение качества продукции (на 10–20%), затраты на хранение запасов (на 20–50%) и т. п. [3]. Использование цифровых технологий при производстве и реализации товаров и услуг, при оказании государственных услуг, в сфере образования дает возможность всему обществу получать так называемые «цифровые дивиденды», под которыми понимается как рост национального благосостояния и материальная прибыль, так и прозрачность процессов государственного управления.

По данным международной консалтинговой компании International Data Corporation (IDC), расходы на цифровую трансформацию на глобальном уровне в 2017 г. по сравнению с предыдущим годом выросли на 16,8% и превысили 1,3 трлн долл., и по прогнозу IDC, эти расходы и далее будут расти в среднем на 17,9% ежегодно вплоть до 2021 г. К 2021 г. цифровой рынок практически удвоится и достигнет оборота в 2,1 трлн долл. [4]. The Boston Consulting Group (BCG) прогнозирует, что цифровая экономика в мире к 2035 г. по объему превзойдет производственный сектор и будет составлять 16 трлн долл. США [5].

Лидером «цифровой гонки» выступают США, где объем цифровой экономики достигает 10,9% ВВП, а существующие мощности позволяют американским компаниям контролировать отдельные сегменты мирового рынка в этой сфере. В 2015 г. в США была принята Государственная программа, получившая название «Повестка дня цифровой экономики» (Digital Economy Agenda), целью которой провозглашено создание благоприятных условий для деятельности американских высокотехнологичных компаний и продвижение их интересов за рубежом.

Бурный технологический цифровой форсаж наблюдается сегодня в экономике Китая. С целью дальнейшего стимулирования этого процесса в 2017 г. был принят «План развития искусственного интеллекта (ИИ) нового поколения», в котором поставлена задача не только ускоренного развития ИИ, но и внедрения других сквозных цифровых технологий (большие данные, нейросети, квантовые вычисления, новые производственные технологии, промышленный интернет, робототехника, технологии виртуальной и дополненной реальности и т. д.). Сегодня доля основных секторов цифровой экономики в Китае держится на уровне 6–7% ВВП. Прогнозируется, что к 2020 г. объем цифровой экономики Китая превысит 32 трлн юаней и будет составлять 35% ВВП, а к 2030 г. ее доля в ВВП превысит 50% [6].

Европейский Союз в 2015 г. провозгласил курс на создание «единого цифрового рынка», в рамках которого должны быть ликвидированы законодательные и административные барьеры, препятствующие развитию цифровой экономики, в частности организации электронной торговли, выработаны совместные правила ее ведения, обеспечен доступ потребителей и компаний к онлайн-сервисам. Экономический эффект от реализации этой идеи, по подсчетам Европейской Комиссии (ЕК), может составить 415 млрд евро в год. К 2020 г. откроется 3,8 млн новых рабочих мест. Кроме того, в 2016 г. ЕК объявила об объединении соответствующих национальных программ стран – участниц ЕС в общую стратегию «Цифрового европейского пространства» [7].

В последние годы процессы цифровизации развертываются и в России. Однако наша страна отстает от лидеров развития цифровой экономики по многим показателям – уровню цифровизации, доле

цифровой экономики в ВВП, уровню капитализации цифровых компаний, темпам роста производительности труда, средней задержке в освоении технологий, применяемых в странах-лидерах и т. д.

В 2016–2017 гг. показатели развития цифровой экономики в России демонстрировали сдержанную динамику. Так, ее доля в ВВП в 2016 г. вернулась к росту (после снижения в 2015 г.) и составила 2,1%. Вклад цифровой экономики в ВВП с 1,7 трлн руб. в 2016 г. вырос до 1,8 трлн руб. в 2017 г. [8].

О месте России на общемировом фоне процессов цифровизации дает представление Мировой рейтинг цифровой конкурентоспособности (World Digital Competitiveness Ranking), составляемый ежегодно швейцарским Международным институтом управления и развития в Лозанне (International Institute for Management Development, IMD) (см. табл. 1). Рейтинг цифровой конкурентоспособности 2018 г. рассчитывался для 63 стран мира на основе анализа 50 показателей, учитывающих уровень готовности стран к цифровой трансформации, состояние регуляторной среды, инвестиции в НИОКР и образование, потенциал цифровых технологий, капитализацию ИТ отрасли и т. д. Россия расположилась на 40 строчке рейтинга между Таиландом и Италией, поднявшись за год на 2 пункта. Возглавляют рейтинг США, Сингапур, Швеция, Дания и Швейцария. Казахстан обошел Россию на две позиции, заняв 38 строчку рейтинга. Из стран БРИКС лучшие показатели у Китая – 30 место [9].

Сдерживающими цифровизацию факторами для отстающих стран являются: низкий уровень развития технологий и слаборазвитая цифровая инфраструктура, что объясняется неэффективностью использования факторов производства, неквалифицированностью человеческих ресурсов (несовершенство системы подготовки исследовательских, инженерно-технических кадров и IT-специалистов), низким уровнем конкурентоспособности, производительности и эффективности.

С точки зрения обеспечения экономической безопасности, для России становится принципиально важным идти в ногу с развитыми странами и ускорить внедрение цифровых технологий. Особенно актуален этот вопрос для реального сектора экономики, от уровня цифровизации которого будет зависеть конкурентоспособность выпускаемой продукции, позиции страны на мировых высокотехнологичных рынках, формирующих предпосылки для устойчивого развития.

В этой связи закономерно возникает вопрос: насколько быстро можно совершить такой разворот в условиях общего технологического отставания России от развитых стран мира, в том числе в области информационных технологий, электроники и элементной базы, когда страна импортирует около 90% аппаратного и 60% программного обеспечения [10, с. 92)]? Не секрет, что сегодня Россия является импортером технологий из-за рубежа, так как собственные технологии не всегда

Таблица 1

Позиции стран-лидеров, а также России, Китая и Казахстана в глобальном рейтинге цифровой конкурентоспособности за 2018 г. (DIGITAL COMPETITIVENESS RANKING 2018)

Итоговые ранги рейтинга 2018 г., в скобках – 2017 г.	Страна	Значение индекса, в %	Ранги стран по основным составляющим рейтинга		
			Знания	Технологии	Готовность к будущему
1 (3)	США	100	4	3	2
2 (1)	Сингапур	99,422	1	1	15
3 (2)	Швеция	97,453	7	5	5
4 (5)	Дания	96,764	8	10	1
5 (8)	Швейцария	95,851	6	9	10
6 (10)	Норвегия	95,724	16	2	6
7 (4)	Финляндия	95,248	9	4	8
8 (9)	Канада	95,201	3	12	9
9 (6)	Нидерланды	93,886	12	8	4
10 (10)	Великобритания	93,239	10	13	3
30 (31)	Китай	74,796	47	34	28
38 (38)	Казахстан	65,504	35	39	40
. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .
40 (42)	Россия	65,207	24	43	51

Источник: [9].

соответствуют мировому уровню. В 2015 г. лишь 12% разработанных технологий являлись принципиально новыми и могли быть конкурентоспособными на внешних рынках, причем в области производственных информационных систем таких технологий было всего 7,6%.

Если продолжать ориентироваться на западные технологии, то страна всегда будет выступать в роли догоняющего и вторичного игрока, увеличивая при этом свою технологическую зависимость. Цифровая экономика разовьется, но будет принадлежать не нам [11]. Уже сегодня страны и компании, «подсевшие» на технологии и продукты таких крупных компаний, как Майкрософт, Оракл, Сименс, ощущают высокую степень зависимости, что делает их чрезвычайно уязвимыми в эпоху обострения всеобщей геополитической обстановки в мире. Так, практически все современные интернет-сервисы, смартфоны, планшеты, телевизоры, автомобили, самолеты, ЧПУ-станки и др. связаны с Интернетом, скачи-

вают обновления и управляются извне. Если это американские и европейские технологии, то управляются они из США и Европы [11].

США, обладая огромным технологическим потенциалом, могут претендовать на «цифровое доминирование» в современном мире. Беспрецедентное усиление рыночной власти американских транснациональных компаний, контролирующих доступ к программному обеспечению, к сетям и аутсорсингу, уже привело к росту общественной зависимости от их функционирования и к реальной проблеме сохранения суверенитета государств. Контролируя мировое адресное пространство Интернета, власти США используют это преимущество для продвижения своих ценностей и интересов по всему миру.

На этом фоне все более заметным становится стремление американских крупных компаний цифрового сектора монополизировать глобальные рынки, в том числе в смежных областях, связанных с цифровыми продуктами. Так, в 2014 г. General Electric, AT&T, Cisco, IBM и Intel создали Консорциум промышленного интернета (Industrial Internet Consortium/IIC). Среди задач IIC значатся выработка единых информационных стандартов цифровой экономики, ее будущая финансовая архитектура и система управления активами. Центр управления новой архитектурой мира находится в Бостоне (штат Массачусетс), куда будут стекаться все необходимые данные для массового внедрения в производство киберфизических систем (Индустрии 4.0) [12]. С целью формирования банка данных о состоянии процессов цифровизации Консорциум заключает соглашения с национальными организациями – участниками рынка промышленного интернета.

Безусловно, проблема цифровизации экономики может решаться только в контексте всеобщего технологического подъема, возрождения промышленности и перехода к инновационной модели развития, обеспечивающей широкомасштабное внедрение передовых производственных технологий. Не следует также забывать, что основу экономики глобального лидерства составляют фундаментальная наука и высокотехнологичное интеллектуальное производство [13, с. 8].

Основные контуры новой стратегии цифровизации России

Задача совершить рывок в развитии цифровизации в целях повышения эффективности экономики на базе информационных технологий была поставлена Президентом РФ в послании Федеральному Собранию РФ еще в 2016 г. Уже на следующий год Правительству РФ было дано указание подготовить программу «Цифровая экономика Российской Федерации», которая была разработана за полгода и утверждена 28 июля 2017 г. [13].

Принятие такой Программы свидетельствует о понимании высшим руководством страны неотложности и безотлагательности цифровой трансформации российской экономики и о его стремлении выработать структурированный официальный план действий по решению этой задачи [2, с. 30]. При этом важно подчеркнуть, что документ предполагает создание «цифровой среды доверия» не только в России. Так, на территории Евразийского экономического союза планируется формировать общие подходы к цифровой экономике, гармонизировать в соответствии с ними российское законодательство и снимать ограничения на пути развития цифровой экономики, содержащиеся в праве ЕАЭС.

В Программе определены следующие цели:

- создание экосистемы цифровой экономики, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечено эффективное взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан;
- создание необходимых и достаточных условий институционального и инфраструктурного характера, устранение имеющихся препятствий и ограничений для создания и (или) развития высокотехнологичных бизнесов и недопущение появления новых препятствий и ограничений как в традиционных отраслях экономики, так и в новых отраслях и высокотехнологичных рынках;
- повышение конкурентоспособности на глобальном рынке как отдельных отраслей экономики Российской Федерации, так и экономики в целом.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» рассчитана на период до 2024 г. и потребует на свою реализацию порядка 522 млрд руб., из них средств госбюджета – 150 млрд. Предполагается, что остальную сумму выделят компании информационной отрасли. Вложения должны быстро окупиться: по оценкам McKinsey&Company, потенциальный экономический эффект от цифровизации экономики России увеличит ВВП страны к 2025 г. на 4,1–8,9 трлн руб. (в ценах 2015 г.), что составит от 19 до 34% общего ожидаемого роста ВВП [15, с. 7].

Программа определяет пять базовых направлений развития цифровой экономики:

- нормативное регулирование;
- кадры и образование;
- формирование исследовательских компетенций и технических заделов;
- информационная инфраструктура;
- информационная безопасность.

Для каждого направления определены конкретные показатели успешного выполнения задач к 2024 г. (см. табл. 2)

Таблица 2

Показатели успешного выполнения задач программ «Цифровая экономика Российской Федерации» (по базовым направлениям)

Базовые направления	Показатели успешного выполнения задач к 2024 г. по базовым направлениям
1. Нормативное регулирование	• успешное функционирование не менее 10 компаний-лидеров (операторов экосистем), конкурентоспособных на глобальных рынках; • успешное функционирование не менее 10 отраслевых (индустриальных) цифровых платформ для основных предметных областей экономики (в том числе для цифрового здравоохранения, цифрового образования и «умного города»); • успешное функционирование не менее 500 малых и средних предприятий в сфере создания цифровых технологий и платформ и оказания цифровых услуг.
2. Кадры и образование	• количество выпускников образовательных организаций высшего образования по направлениям подготовки, связанным с информационно-телекоммуникационными технологиями, – 120 тыс. человек в год; • количество выпускников высшего и среднего профессионального образования, обладающих компетенциями в области информационных технологий на среднемировом уровне, – 800 тыс. человек в год; доля населения, обладающего цифровыми навыками, – 40%.
3. Формирование исследовательских компетенций и технологических заделов	• количество реализованных проектов в области цифровой экономики (объемом не менее 100 млн руб.) – 30 единиц; • количество российских организаций, участвующих в реализации крупных проектов (объемом 3 млн долл.) в приоритетных направлениях международного научно-технического сотрудничества в области цифровой экономики, – 10.
4. Информационная инфраструктура	• доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети «Интернет» (100 мбит/с), в общем числе домашних хозяйств – 97%; • во всех крупных городах (1 млн человек и более) устойчивое покрытие 5G и выше.
5. Информационная безопасность	• доля субъектов, использующих стандарты безопасного информационного взаимодействия государственных и общественных институтов, – 75%; • доля внутреннего сетевого трафика российского сегмента сети «Интернет», маршрутизируемая через иностранные серверы, – 5%.

Программа подразумевает не только поддержку развития существующих сквозных цифровых технологий – «большие данные» (Big Data), нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра, квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный интернет, компоненты робототехники и сенсорика, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальностей, но и создание условий для возникновения новых платформ и технологий.

От программы к национальному проекту

Отмечая в целом разумность принятия программного документа по цифровизации, ряд авторов тем не менее считают, что во многом эта программа носит слишком риторический характер [2; 13]. Более глубокой проработке программы помешали сжатые сроки ее формирования и та волна ажиотажа, которая была поднята в последнее время вокруг цифровой трансформации. В результате она не дает четкого представления об ожидаемой конкретной направленности политики в цифровой сфере, не ясно обозначены приоритеты, что на самом деле является непременным условием эффективности реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации». До сих пор не определено, каким отраслям и направлениям нужна господдержка, а каким – нет. Пока же налицо расфокусировка приоритетов, «попытка размазать кашу тонким слоем по тарелке», вместо того, чтобы поддерживать цифровую трансформацию там, где рынок не может преодолеть инвестиционные барьеры [16; 17].

Поскольку в России нет ни общей долгосрочной стратегии социально-экономического развития, ни четко сформулированных структурных приоритетов промышленного развития, разработка которых постоянно затягивается, принятая цифровая программа зависает в воздухе. Какие отрасли будет затрагивать цифровая экономика? Непонятен субъект: кто, что и для кого будет производить? в каком состоянии он находится сейчас? в каком состоянии будет находиться через 5–10 лет? Готовы ли наша электроника и компьютерная база к решению этой задачи? Есть ли заделы в разработке и создании передовых производственных технологий? Есть ли на эти технологии спрос? В каких отраслях промышленности они могут использоваться? И наконец, каковы источники финансирования процессов цифровизации экономики?

В последнее время появился шанс исправить отмеченные недочеты Программы в связи с решением о разработке Национального проекта по цифровой экономике, вытекающем из так называемого майского указа президента России № 204 от 7 мая 2018 г. «О нацио-

нальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.». Правительству страны было поручено разработать (скорректировать) национальные проекты (программы) по 12 направлениям, среди которых и цифровая экономика. Судя по тому, что в числе других направлений в указе значатся здравоохранение и образование, которым посвящена большая часть действующей программы «Цифровая экономика Российской Федерации», документ действительно нуждается в ревизии.

Соответственно, программа должна быть трансформирована под требования, стандарты, методологию нацпроекта. Корректировка документа будет осуществляться в условиях новой структуры управления реализацией программы: в штате правительства появился выделенный вице-премьер, который несет ответственность за исполнение программы (нацпроекта) по цифровизации, Министерство связи стало Министерством цифрового развития, в ключевых министерствах введены должности заместителей министров по цифровой трансформации.

Следует также отметить, что в разделе президентского указа, посвященном цифровой экономике, сказано о цифровом преобразовании практически всех отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения, образования, промышленности, сельского хозяйства, строительства, городского хозяйства, транспортной и энергетической инфраструктуры, финансовых услуг. По сути, открывается возможность решить самый главный вопрос, который абсолютно не затронут принятой Программой, – обеспечение связей и синергии между двумя инициативами государства: перехода к цифровой экономике и обеспечения технологического суверенитета страны в ИТ и других ключевых отраслях.

В действующей редакции программа «Цифровая экономика Российской Федерации» фактически не увязана с другими смежными документами стратегического планирования, такими как «Стратегия развития информационного общества» и «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации». Причины понятны: такое взаимодействие на уровне конкретных проектов потребует немало ресурсов, в том числе и интеллектуальных, причем и в фундаментальных, и в прикладных исследованиях, если говорить о науке. Ведь не секрет, что, к примеру, математика и ее приложения в информатике – это фундамент, основа развития цифровой экономики, а цифровизация прикладных исследований дает возможность прорабатывать различные подходы к созданию новой техники еще на стадии опытно-конструкторских работ, а также в режиме реального времени отслеживать техническую готовность изделия по широкому спектру параметров. Поэтому без налаживания такого взаимодей-

ствия, в частности с национальным проектом по науке, программа цифровизации никогда не станет реальным инструментом ускоренного научно-технологического развития нашей страны.

В этой связи необходимо более четко определиться с технологическими приоритетами развития цифровой экономики. На наш взгляд, прежде всего они должны быть закреплены за технологическими направлениями, без которых цифровизация невозможна, – это электроника, и в первую очередь микроэлектроника, а также робототехника и искусственный интеллект. Представляется целесообразным, чтобы их перспективы были обозначены в рамках крупных проектов, опекаемых непосредственно президентом, по типу атомного проекта «Прорыв», благодаря осуществлению которого отечественная ядерная энергетика оказалась на шаг впереди западных и восточных аналогов.

Возвращаясь к президентскому указу о нацпроектах, отметим важность указания В.В. Путина о том, что реализация национального проекта по цифровой экономике должна происходить с участием органов государственной власти регионов. В текущей версии программы роль регионов практически никак не отражена.

Переход программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в формат национального проекта наверняка приведет к изменению размера ее бюджета, и что главное, – гарантированного бюджета. К сожалению, первый год исполнения текущей версии Программы был недофинансирован. В 2018 г. на ее реализацию планировалось выделить 27,17 млрд руб., но средств в бюджете не оказалось, поэтому эта сумма сократилась сначала до 5 млрд, а затем и до 3 млрд руб. Из них по направлению «Информационная безопасность» решено направить 363 млн руб., но на первые полгода средства так и не были выданы [18].

Очень важно понять, что заявленная в нынешней редакции Программы задача догнать Запад «числом» (IT-компаний, скоростью передачи информации, увеличением штата программистов и пр.) оставит российскую экономику в привычном положении, т. е. вечно отстающей. Чтобы преодолеть разрыв, нужен не «скользящий план к фиксированным показателям по валу», а иной подход к данной проблеме, по неясным причинам в программе не использованный, – учет взаимосвязи цифровой экономики с реальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса. М.: НИУ ВШЭ, 2017.
2. *Якутин Ю.В.* Российская экономика: стратегия цифровой трансформации (к конструктивной критике правительственной программы «Цифровая экономика РФ») // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2017. № 4. С. 27–52.

3. *Кульков В.М.* Цифровая экономика: надежды и иллюзии // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2017. № 5. С. 145–156.
4. Информационные технологии. Приложение № 53 к газете «Коммерсантъ» от 29.03.2018.
5. В авангарде цифровой экономики /Годовой отчет государственной корпорации «Ростех» за 2016 год. ar2016.rostec.ru/vanguard.
6. *Дунъян Чжан*. Современное состояние цифровой экономики в Китае и перспективы сотрудничества между Китаем и Россией в области цифровой экономики // Власть. 2017. № 9. С. 37–43.
7. Digital Agenda 2014–2017. www.digitale-agenda.de/Content/DE/_Anlagen/2014/08/2014-08-20-digitale-agenda.pdf?__blob=publicationFile& v=6 (дата обращения: 12.06.2018).
8. Четыре приоритета для прорыва в цифровой экономике // Финансовые новости 17.10.2017. finamz.ru/2017/10/17/chetyre-prioriteta-dlya-proryva-v-cifrovoj-ekonomike.
9. Future Readiness and Productivity relationship in the IDM World Digital Competitiveness Ranking. Switzerland. www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2018/IMD,Lausanne.
10. Контуры цифровой реальности: гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего. М.: ЛЕНАНД, 2018.
11. *Касперская Н.* Цифровая экономика и риски цифровой колонизации. (Тезисы выступления на Парламентских слушаниях в Госдуме РФ 20.02.2018). www.econfin.ru/%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F-%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0-%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8/.
12. *Кравецкий А.* Индустрия 4.0 и мировой порядок. Часть 2. (Интернет-издание «На линии». 09.09.2017). www.nalin.ru/industriya-4-0-i-mirovoj-poryadok-chast-2-5924.
13. *Иванов В.В., Малинецкий Г.Г.* Цифровая экономика: от теории к практике // Инновации. 2017. № 12(30). С. 3–12.
14. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»».
15. Цифровая Россия: новая реальность. Аналитический отчет // Digital/McKinsey Global Institute (MGI). Июль 2017.
16. *Яппаров Т.* Цифровизация без хайпа. Программе развития цифровой экономики не хватает внятных приоритетов // Ведомости. 2018, 4 апр. www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/04/04/755769-tsifrovizatsiya-haipa?utm_campaign=newspaper_04_04_2018&utm_medium=email&utm_source=vedomosti.
17. *Чернышов А.* Стратегия и философия цифровизации // Власть. 2018. № 5. С. 13–21.
18. *Коник Л., Шипулин Д.* «Цифровую экономику» ждет декомпиляция. www.comnews.ru/content/113378/2018-06-06/cifrovuyu-ekonomiku-zhdet-dekompilyaciya.

ABOUT THE AUTHORS

Elena Borisovna Lenchuk – Doctor of Economics Sciences, Director of the State Budgetary Institute of Science Institute of Economics Russian Academy of Science (the RAS), Moscow, Russia. lenalenchuk@ya.ru

German Alexsandrovich Vlaskin – Candidate of Economic Sciences, Leading Research Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. laskin34@mail.ru

FORMATION OF THE DIGITAL ECONOMY IN RUSSIA: PROBLEMS, RISKS, PROSPECTS

The article examines the key aspects of the digital transformation processes unfolding, in the contemporary world, evaluates the achieved level of development of domestic digital technologies in comparison with the leading countries. It is noted that the general technological backwardness of the country creates serious obstacles to the digitalization of the economy and increases the risks of the growth of technological dependence. The article suggests ways to overcome them. The main directions of the new strategy of digitalization of the Russian economy, declared in the framework of the program "Digital Economy of the Russian Federation", its main goals and objectives, are analyzed. Proposals are formulated to speed up the processes of digitalization, in connection with the transformation of the program into the format of a national project. It is emphasized that it is possible to ensure the accelerated and effective development of digital economy only if digital technologies are introduced and used in conjunction with the development of the real economy and the transition to an innovative development model.

Keywords: *digital economy, program, national project, digital technologies, competitiveness, economic security.*

JEL: O00, O14, O31, O32, O33, O38.

Вестник Института экономики Российской академии наук
5/2018

И.И. СМОТРИЦКАЯ
доктор экономических наук, главный научный сотрудник,
руководитель Центра исследований проблем государственного управления
ФГБУН Институт экономики РАН

С.И. ЧЕРНЫХ
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН,
зав. сектором Института проблем развития науки РАН

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ[1]

В статье рассматриваются современные тенденции трансформации системы государственного управления в условиях нарастающих глобальных вызовов цифрового технологического развития. На основе анализа международного и российского опыта внедрения цифровых технологий и платформенных решений в сфере государственного управления дана содержательная характеристика целей и задач создания «электронного правительства». Исследуются институциональная база формирования «электронного правительства» и индексы, оценивающие уровень и качество его функционирования. Авторы выделяют ключевые принципы дальнейшего реформирования институтов государственного управления в рамках принятой Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., рассматривают приоритетные направления и риски перехода к концепции «цифрового правительства». Предложены основные подходы к совершенствованию организации и управления научными исследованиями и разработками, которые приобретают определяющее значение для обеспечения национальной безопасности и конкурентоспособности страны в цифровой экономике.

Ключевые слова: *государственное управление, трансформация институтов управления, качество управления, электронное и цифровое правительство, цифровая экономика, стратегические программы развития, управление в сфере научных исследований и разработок.*

JEL: H10, O10, O38.

[1] Работа подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований РАН (п. 20) «Многофакторные вызовы и риски перехода к новому этапу научно-технологического и экономического развития России: фундаментальные и прикладные проблемы».

В 2017 г. цифровая революция в глобальном масштабе преодолела знаменательный рубеж – к интернету подключился каждый второй житель Земли. Наша страна имеет значительный потенциал и перспективы развития: по оценке экспертной группы Digital McKinsey, цифровизация экономики России может увеличить ВВП страны к 2025 г. на 4,1–8,9 трлн руб., что составит 19–34% от общего роста ВВП [1, с. 7].

Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» определены задачи, которые необходимо выполнить правительству страны при реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Одной из приоритетных задач является внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сфере государственного управления и оказания государственных услуг. Использование новых электронных платформ и цифровых технологий создает предпосылки для трансформации функций государственного управления, развития институциональных форм, позволяющих обеспечивать более эффективное взаимодействие между государственными органами управления, бизнесом и обществом.

В Докладе Всемирного банка «Цифровое правительство 2020. Перспективы для России» отмечается: «Правительства по всему миру ощущают двойное давление. С одной стороны, требования граждан к качеству услуг постоянно растут, и они хотят взаимодействовать с государственными органами через интернет так же легко, как с банками и интернет-магазинами. С другой стороны, правительствам необходимо сокращать административные расходы и повышать эффективность реализуемых программ» [2, с. 5].

Таким образом, миссия внедрения цифровых технологий в сферу государственного управления должна состоять *в повышении его качества*, в том числе качества государственных услуг и качества управления реализацией национальных проектов (программ) для обеспечения экономического роста страны.

Проблемы развития цифровых технологий в системе государственного управления находятся в фокусе внимания исполнительных органов власти, ведущих международных и российских научных и экспертных центров. Создание информационной среды для цифровизации государственного управления выступает одной и ключевых целей специальной государственной программы в нашей стране. В настоящее время находится на рассмотрении проект новой государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», которая включает в себя подпрограмму «Формирование открытой цифровой системы организации науки, техноло-

гий и инноваций», имеющую целью повышение качества управления в данной сфере[2].

На современном этапе именно государство выступает инициатором применения и распространения цифровых технологий в деятельности государственных органов управления, при оказании государственных услуг, на рынке публичных закупок, в организации и управлении научными исследованиями и разработками. В рамках данной статьи рассматривается ряд ключевых аспектов цифровизации процесса государственного управления.

Цифровизация деятельности государственных органов и оказания государственных услуг: основные итоги

Процесс цифровой трансформации государственного управления в нашей стране ведет свое начало с 2008 г., когда Президентом РФ была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации[3]. Для выполнения данной стратегии была разработана государственная программа «Информационное общество (2011–2020 гг.)»[4], направленная на создание целостной и эффективной системы использования информационных технологий, в том числе в сфере государственного управления. При ее подготовке Министерство связи и массовых коммуникаций РФ учитывало мировой опыт формирования и реализации подобных программ. «Информационное общество» – это первая госпрограмма, утвержденная Правительством РФ в рамках перехода к программным принципам формирования бюджета страны. Госпрограмма охватывает все отрасли и сферы деятельности, имеет целью повышение прозрачности и управляемости, обеспечение устойчивости и конкурентоспособности экономики страны. Основной целью Госпрограммы является получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий, создание условий для оперативного и эффективного взаимодействия государства с гражданами и бизнесом. Программа состоит из четырех подпрограмм: «Информационно-телекоммуникационная инфраструктура информационного общества и услуги, оказываемые на ее основе»; «Информационная

[2] www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=097925f8-dd6b-436d-b9dc-83047eb10157.

[3] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утверждена Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212).

[4] Первая редакция программы была одобрена Распоряжением Правительства РФ № 1815-р от 20 октября 2010 г., новая редакция, разработанная в связи с изменившимся подходом государства к бюджетированию и долгосрочным госпрограммам, – распоряжением № 2161-р от 2 декабря 2011 г.

среда»; «Безопасность в информационном обществе»; «Информационное государство».

Именно подпрограмма «Информационное государство» имеет целью переход к цифровизации функций государственного управления на основе:

- развития электронного правительства;
- повышения качества государственного управления за счет создания и внедрения современных информационных технологий;
- оказания услуг на базе информационных технологий в области медицины, здравоохранения и социального обеспечения;
- развития сервисов на основе информационных технологий в области образования, науки и культуры;
- поддержки региональных проектов в сфере информационных технологий.

В течение 2008–2017 гг. Россия смогла достичь значительного прогресса в реализации концепции электронного правительства, предусматривающей предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Получили развитие многофункциональные центры и Единый портал госуслуг (ЕПГУ), началось формирование системы межведомственного электронного взаимодействия базовых государственных информационных ресурсов (национальных баз данных), создана и функционирует единая информационная система государственных и муниципальных закупок. В целом уровень удовлетворения граждан качеством предоставляемых государственных услуг достиг в 2017 г. 86,4% [3, с. 67].

Следует отметить, что наиболее авторитетным международным показателем, оценивающим уровень и качество развития электронного правительства, является Индекс развития электронного правительства Организации Объединенных Наций (The UN Global E-Government Development Index), который разрабатывается раз в два года для 193 стран – членов ООН. Данный индекс включает оценку таких аспектов, как электронные услуги и сервисы, предоставляемые органами власти, информационно-коммуникационная инфраструктура и развитие человеческого потенциала. В 2016 г. индикатор развития российского электронного правительства оценивался ООН как высокий, при этом у 29 стран-лидеров индикатор развития электронного правительства имел показатель «очень высокий». В общем рейтинге развития электронного правительства Россия заняла 35 строчку, однако по сравнению с предыдущим рейтингом (2014 г.) показатель снизился на 8 позиций, и только индекс «Электронные услуги и сервисы» вырос за два года с 0,7087 до 0,7319 [4].

Формирование электронного правительства в нашей стране стало возможным благодаря широкому распространению информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в сфере оказания государствен-

ных услуг. В то же время одним из существенных барьеров для дальнейшего развития является отставание институциональных изменений от технологических. Так, отсутствует взаимодействие между существующими элементами инфраструктуры электронного правительства, что в значительной мере является результатом преобразования управленческих процедур на базе имеющихся административных регламентов, которые сохраняют ряд этапов традиционных бумажных способов предоставления государственных услуг.

Как показывает мировая практика, электронное правительство вносит значительный вклад в повышение эффективности государственного управления. Так, обзор электронных услуг правительства Великобритании, проведенный интернет-предпринимателем Мартой Лэйн Фокс, показал, что перевод на цифровые каналы 30% контактов «фронт-офиса», занимающегося оказанием государственных услуг, даст валовую годовую экономию свыше 1,3 млрд фунтов стерлингов, при этом перевод на цифровой канал 50% контактов может увеличить эту экономию до 2,2 млрд фунтов стерлингов [2, с. 8].

В настоящее время можно говорить о переходе к новому этапу трансформации институтов государственного управления – к формированию и развитию «цифрового правительства». В нашей стране начало данного этапа связано с принятием в 2017 г. Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы[5]. В данной стратегии определены цель, принципы и основные направления государственной политики в области использования и развития информационных и телекоммуникационных технологий, науки, образования и культуры для продвижения страны на пути к информационному обществу. Одним из основных направлений реализации положений новой стратегии становится повышение эффективности государственного управления, взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами государственной власти, качества и оперативности предоставления государственных услуг, в том числе за счет дальнейшего развития электронного правительства и перехода к цифровому правительству.

От электронного правительства к цифровому

Логика развития диктует объективную необходимость такого перехода. Преобразования, произведенные в ходе создания электронного правительства, становятся основой для перевода государственных услуг в *цифровой формат на всех стадиях – от обращения за услугами до*

[5] Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

их исполнения. Изданный правительством Великобритании «Отчет об эффективности цифрового правительства» (Digital Efficiency Report) свидетельствует о том, что цифровые трансакции в 20 раз дешевле, чем трансакции по телефону, в 30 раз дешевле, чем по почте, и в 50 раз дешевле, чем в очном режиме. Такая экономия рассматривается в качестве возможности повышения эффективности и снижения стоимости государственных услуг в Великобритании. Это может избавить от необходимости выполнять задачи снижения расходов бюджета путем сокращения или ограничения доступности этих услуг для населения [2, с. 8].

Проведенный анализ и обобщение научных публикаций, аналитических материалов отечественных и международных экспертных организаций позволяет выделить следующие ключевые принципы и основные элементы архитектуры цифрового правительства.

Принципы предоставления услуг цифрового правительства:

– цифровые по умолчанию;
– платформонезависимость и ориентация на мобильные устройства;
– проектирование услуг, ориентированное на пользователя;
– цифровые от начала до конца;
– правительство как платформа.

Основные элементы цифрового правительства:

– единый портал;
– единые данные для совместного использования в государственном секторе;
– межведомственные сервисы для совместного использования;
– государственная инфраструктура совместного использования;
– улучшенные сенсорные сети и аналитика;
– кибербезопасность и конфиденциальность.

Следует отметить, что данные принципы нашли отражение в принятой в 2017 г. Стратегии развития информационного общества в нашей стране, а также стали основой для разрабатываемых программ реформирования институтов государственного управления. Так, развитие государства «как цифровой платформы» является одним из ключевых элементов концепции реформ системы государственного управления, предлагаемой Центром стратегических разработок. По мнению экспертов ЦСР, нашей стране необходимы следующие изменения в сфере государственного управления:

- создание единой архитектуры государственной цифровой платформы, преодолевающей разрозненность ведомственных систем и базирующейся на едином массиве данных;
- перевод всех государственных услуг в электронную форму с системой удаленной биометрической идентификации, перевод

в цифровой формат контрольно-надзорной и разрешительной деятельности;
- формирование «цифровых двойников» граждан, организаций, объектов и проактивное предоставление государственных услуг на основе развития «цифрового двойника» [5].

Авторы Доклада ЦСР «Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики» отмечают, что реализовать цифровую трансформацию, которая подразумевает переход к государству-платформе, достаточно сложно, так как существующая система управления заинтересована в консервации своего текущего состояния. В этой связи переход от сложившихся методов управления к современным должен поддерживаться и координироваться на самом высоком уровне – вице-премьером по цифровой трансформации, который будет «главным архитектором» системы [5].

Одним из основных принципов развития цифрового правительства является политика, направленная *на интеграцию данных, информации и услуг на одном цифровом портале*. Большинство стратегий по созданию цифрового правительства предусматривает создание единого портала государственных услуг, который позволяет совершать трансакции без перенаправления на другие правительственные сайты. При этом реализация модели эффективного взаимодействия государственных органов в цифровом формате *на основе единых порталов цифровых данных* рассматривается как один из факторов повышения конкурентоспособности страны.

Например, портал ecitizen.gov.sg в Сингапуре является интегрированным порталом с возможностями поиска интерактивных трансакционных услуг, включая оплату широкого спектра услуг и некоторые важные функции идентификации – такие, как подача заявок на выдачу паспортов и удостоверений личности. В странах с федеративным устройством такие базы данных должны быть доступны не только для государственных органов национального уровня, но также и для органов регионального и муниципального уровней.

В нашей стране за последние несколько лет созданы цифровые платформы федерального и регионального уровней, которые не только оказались сопоставимы с аналогичными платформами в ведущих странах но и сами стали примерами для других государств [1, с. 52]. Так, с 2009 г. работает Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), на котором размещается информация, формы заявок и через который проводятся платежи. В 2015 г. ЕПГУ был интегрирован с Единой системой идентификации и аутентификации (ЕСИА).

Одним из важнейших элементов архитектуры электронного правительства и развития цифрового правительства выступает Единая информационная система госзакупок – созданный федеральный

портал государственных закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, где представлена публичная информация о различных этапах закупок государственных и муниципальных органов, государственных компаний, о реализации государственных контрактов и показателях эффективности расходования бюджетных средств. В 2017 г. в Единой информационной системе госзакупок (официальный единый портал zakupki.gov.ru) было размещено свыше 3 млн извещений о закупках на сумму более 7 трлн руб. Данная система включает в себя различные подсистемы и модули, в том числе реестры заказчиков и поставщиков, общероссийскую систему электронной торговли как закупочный модуль модель бюджетных закупок и т. д.

По мнению экспертов Всемирного банка, цифровые правительства будут развиваться на основе *принципа государственного управления, основанного на цифровых данных*. Базовыми источниками будут считаться юридически значимые данные, хранящиеся в базах данных, а также юридически значимые электронные трансакции и уведомления. В этой связи владение документами перестанет иметь юридическую силу, и авторизация операций будет проводиться на основе электронных записей, а не документов. В такой системе предусматривается доступ к национальным базам данных не только для государственного органа или организации, но и для всех заинтересованных публичных и частных структур [2].

В целом формирование «цифрового правительства» требует *горизонтальной интеграции и взаимодействия государственных органов на различных уровнях исполнительной власти*. Методология формирования цифрового правительства, по своей сути, создает предпосылки для решения комплексных народно-хозяйственных задач, в том числе задач стратегического планирования, на базе единых цифровых информационных платформ, что представляется чрезвычайно важным для российской экономики.

Однако внедрение цифровых технологий и платформенных решений в системе государственного управления сопряжено с высокими рисками для национальной (экономической) безопасности, в том числе при реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации»[6]. Так, к концу нынешнего года стоимостная доля закупаемого госорганами и госорганизациями иностранного программного обеспечения сократится до 50%, а к концу 2020 г. – до 30%, но полностью отказаться от таких закупок пока невозможно. Данная проблема требует отдельного глубокого анализа. При этом следует отметить, что нивелирование данных рисков возможно только на базе собствен-

[6] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена Распоряжением Правительством РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р).

ных фундаментальных и прикладных научных разработок, активного внедрения инновационных технологий для достижения технологической независимости. Как отмечает президент компании InfoWatch Н. Касперская, «мы уже и так сильно зависимы от иностранных технологий… нужно развивать свое, благо у нас практически по всем разрекламированным технологиям есть свои наработки» [6, с. 78].

Цифровое управление и наука

Развитие научной сферы наряду с развитием цифровой экономики входит в число 12 национальных проектов (программ), реализация которых, осуществляемая в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г., позволит обеспечить прорывное научно-технологическое и социально-экономическое развитие страны. О сопряженности этих приоритетных проектов свидетельствует, с одной стороны, создание сквозных цифровых технологий (преимущественно на основе отечественных разработок) и с другой – обеспечение привлекательности работы у нас в стране для российских и зарубежных ведущих ученых и молодых перспективных исследователей[7].

Как мы уже отмечали ранее, проект государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» включает в себя подпрограмму 6 «Формирование открытой цифровой системы организации науки, технологий и инноваций». На выполнение данной подпрограммы предполагается выделить в 2018–2025 гг. порядка 62 млрд руб. по следующим направлениям:

1) экспертное, прогнозное и аналитическое обеспечение научно-технологического развития, корректировки и детализации приоритетов такого развития, выработки и установки технологических директив;
2) развитие цифровых платформ для участников научно-технологического развития;
3) поддержка выставочной и экспозиционной деятельности;
4) развитие цифровой инфраструктуры оборота прав и объектов интеллектуальной собственности;
5) поддержка правовой охраны и защита на зарубежных рынках;
6) мониторинг и совершенствование системы управления научно-технологическим развитием;
7) поддержка новых, в том числе краудфандинговых, форм финансирования научно-технических проектов;

[7] Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Пункты 10, 11.

8) создание и развитие информационных систем, позволяющих осуществлять мониторинг профессионального роста ученых и инженеров и упрощающих для них доступ к адресной поддержке.

Кроме того, проект госпрограммы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» нацеливает на изменение качества государственного управления за счет нематериальной капитализации и качественных сдвигов в экономике посредством использования прав на интеллектуальную собственность, созданную участниками научно-технологической деятельности[8].

На государстве, осуществляющем управленческие функции, лежит бремя разработки институтов и механизмов, которые поддерживают развитие науки и одновременно создают условия для повышения ее экономической отдачи в целях динамичного развития высокотехнологичных секторов национальной экономики, что позволит занять стране достойное место в мире, в том числе и в области цифровой экономики. Пока же это место достаточно скромное. Как следует из табл. 1, за США остается первенство во всех основных технологических областях, кроме автомобилестроения. Китай, существенно усиливший свои позиции в последние годы почти во всех областях, приблизился к основному лидеру: ему принадлежит одно второе, четыре третьих, три четвертых и одно пятое место. Таким образом, по количеству глобальных технологических заделов Китай сопоставим или опережает Японию, Германию, Великобританию. Россия получила одно второе место по направлению «оборона и безопасность», что может быть и неплохо с точки зрения поддержания обороноспособности страны (хотя и здесь имеются проблемы), но совершенно неудовлетворительно с позиций обеспечения цифрового развития. Так, России нет в пятерке лидеров по направлениям «электроника, компьютерная память» и «программное обеспечение, управление информацией», которые наиболее сопряжены с цифровой экономикой, – здесь главенствуют США, Япония, Индия и Китай

Следует отметить, что на глобальном уровне наша страна пока проигрывает конкурентную борьбу и за факторы, определяющие создание новых прорывных информационных инновационных технологий, в первую очередь за «умные деньги» (инвестиции, привлекающие в проекты новые знания, компетенции, научные кадры). В условиях низкой эффективности национальной инновационной системы это приводит к «вымыванию» из страны сохраняющегося конкурентоспособного потенциала – кадров, технологий, прорывных идей.

[8] www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=097925f8-dd6b-436d-b9dc-83047eb10157.

Таблица 1

Страны – глобальные лидеры в девяти технологических областях*

Технологические области	Рейтинги стран-лидеров				
	1	2	3	4	5
Сельское хозяйство, продовольствие	США	Китай	Индия	Бразилия	Япония
Медицина, биотехнологии	США	Великобритания	Германия	Япония	Китай
Нанотехнологии, новые материалы	США	Япония	Германия	Китай	Великобритания
Энергетика	США	Германия	Япония	Китай	Великобритания
Оборона, безопасность	США	**Россия**	Китай	Израиль	Великобритания
Электроника, компьютерная память	США	Япония	Китай	Южная Корея	Германия
ПО, управление информацией	США	Индия	Китай	Япония	Германия
Автомобилестроение	Япония	США	Германия	Китай	Южная Корея
Авиация, ж/д транспорт	США	Япония	Китай	Германия	Франция

* Итоги экспертного интернет-опроса, в котором приняли участие 378 руководителей компаний, научных лабораторий и центров, аналитиков и экспертов из научной среды. Более половины ответивших (53%) представляли США, что могло искажающее повлиять на результаты, завысить оценки американского лидерства. Среди представителей других стран, активно включившихся в опрос, были представители Великобритании, Японии, Индии, России и Китая.

Источник: R&D Magazine. December 2015.

Таким образом, реализация программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в принципе невозможна без проведения исследований и разработок в научно-технологической сфере. Формирование исследовательских компетенций и технических заделов является одним из базовых направлений данной программы, цель которого – создание системы поддержки поисковых, прикладных исследований в области цифровой экономики (исследовательской инфра-

структуры цифровых платформ), обеспечивающей технологическую независимость сквозных цифровых технологий, конкурентоспособных на глобальном уровне, и национальную безопасность.

Согласно «Дорожной карте», разработанной для управления развитием цифровой экономики, к концу 2020 г. должна функционировать минимум одна цифровая платформа для исследований и разработок по каждому направлению «сквозных» технологий не менее чем с пятью участниками цифровых платформ и не менее чем с двумя партнерами, являющимися международными центрами компетенций по «сквозным» технологиям в области цифровой экономики. А в 2024 г. должно действовать не менее 10 цифровых платформ для исследований и разработок, демонстрирующих стабильный кратный рост числа подключенных участников при снижении стоимости их подключения. Также должно быть создано и успешно функционировать не менее 10 компаний – лидеров в области «сквозных» технологий, конкурентоспособных на глобальных рынках за счет успешного использования результатов исследований и разработок[9].

В целом исследования и разработки приобретают определяющее значение в происходящих глобальных цифровых трансформациях, что требует создания системы управления исследованиями и разработками в области цифровой экономики, обеспечивающей координацию усилий заинтересованных сторон – представителей федеральных органов исполнительной власти, компаний, высших учебных заведений и научных организаций.

В программе «Цифровая экономика Российской Федерации» отмечается, что в России уже сформирована инфраструктура науки и инноваций, представленная различными институтами развития, технопарками, бизнес-инкубаторами, которую следует использовать для развития цифровой экономики. В создании такой инфраструктуры далеко не последнюю роль сыграли Российская академия наук и академические организации. Однако, к сожалению, как справедливо отмечают член-корр. РАН В. Иванов и проф. Г. Малинецкий, в управлении и реализации «цифровой» программы не предполагается участие РАН как организации, являющейся главным экспертным органом страны, отвечающим за определение направлений научных исследований, в том числе в области развития информационных технологий [7, с. 56]. Этот просчет, безусловно, необходимо исправить.

Существенной проблемой отечественной научно-технологической сферы является отсутствие четкой государственной системы управления наукой, которая позволяла бы осуществлять долгосрочное про-

[9] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена Распоряжением Правительством РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р).

гнозирование и планирование развития, в том числе осуществлять контроль за достижением поставленных целей и эффективным расходованием выделяемых средств. Сложность состоит в том, что, с одной стороны, различные аспекты национальной инновационной системы распределены между разными ведомствами, организациями и институтами развития, с другой стороны, практика СССР, США и других стран показывает, что невозможно создать одно эффективное «суперведомство», занимающееся вопросами науки и инноваций. В то же время управление в научно-технологической сфере требует эффективной межведомственной координации и контроля. По нашему мнению, именно академическая наука должна играть здесь интегрирующую роль, обеспечивая единство научного пространства. При таком подходе облегчается выполнение функций государственного управления в научно-технологической сфере. С учетом этого можно приветствовать (хотя и с некоторыми оговорками) вступление в силу в июле 2018 г. Федерального закона, включающего в себя целый комплекс положений, направленных на усиление координирующей роли РАН в реализации государственной научной и научно-технической политики[10].

Одно из основных отличий цифровой экономики от традиционной заключается в том, что в процессе ее функционирования более высокими темпами будет расти доля интеллектуальной собственности в создании новой стоимости. Нематериальные активы, такие как теоретические знания, научно-технические разработки и, прежде всего, инновации, становятся определяющим фактором развития производства. В новых условиях ключом к экономическому превосходству является лидерство по выпуску наукоемкой продукции и контроль над потоками информации.

* * *

На современном этапе мировая экономика вступает в новый этап цифрового развития, который характеризуется активной трансформацией экономических институтов и механизмов государственного управления. Создание единых цифровых информационных платформ и использование сквозных цифровых технологий формируют условия для горизонтальной интеграции и эффективного взаимодействия государственных органов на различных уровнях исполнительной власти, что обеспечит повышение качества государственного управления. В то же время, говоря о цифровизации государственного управления,

[10] Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

президент РАН академик А. Сергеев отмечает, что «государства становится много, его становится очень много. Поэтому вопрос удобства и размера присутствия государства, наверное, нам действительно нужно дискутировать и в будущем выстраивать систему таким образом, чтобы получение больших удобств не приводило нас к гораздо меньшим удобствам, дискомфорту…» [8].

В этой связи хочется вспомнить идею нобелевского лауреата Дж. Стиглица о «вторичном изобретении государства» – государства более эффективного и отзывчивого, действия которого должны упреждать возникновение проблем и корректировать их, если они появились: «Дело не столько в том, что размеры государства сейчас чрезмерно велики, сколько в том, что оно делает не то, что надо. Извлекая уроки из прошлого, отбрасывая излишние функции и добавляя новые, диктуемые интересами дополнения рынка и обеспечения справедливости в обществе, государство призвано играть весомую роль в эффективном и гуманном функционировании любой экономики» [9, с. 150]. На наш взгляд, важно, чтобы управленческие функции российского государства в условиях новой цифровой реальности как можно в большей степени соответствовали этой модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад «Цифровая Россия: Новая реальность». Экспертная группа Digital McKinsey. 2017. www.mckinsey.com/global-locations/europe-and-middleeast/russia/ru/our-rk/mckinsey-digital.
2. Доклад «Цифровое правительство 2020. Перспективы для России». Всемирный банк. М., 2016.
3. Доклад «Об итогах деятельности Минэкономразвития России за 2017 г. и задачах на 2018 г.». Министерство экономического развития РФ. М., 2018.
4. United Nations Government Survey 2016. E-Government in Support of Sustainable Development. United Nations Department of Economic and Social Affairs. 2016. http://www.un.org/desa.
5. *Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А.* Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики/ Доклад ЦСР. М., 2018. www.csr.ru.
6. *Заржицкий И.* Какие риски несет цифровая экономика // Новый оборонный заказ. 2018. № 3.
7. *Иванов В.В., Малинецкий Г.Г.* Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива. М.: РАН, 2017.
8. Госуправление по науке. Выступление президента РАН на Гайдаровском форуме-2018. indicator.ru/article/2018/01/17/rech-sergeeva-na-gajdarovskom-forume.
9. *Мильнер Б.З.* Итоги и уроки (о книге Дж. Стиглица «Глобализация: тревожные тенденции») // Вопросы экономики. 2003. № 9.

ABOUT THE AUTHORS

Irina Ivanovna Smotritskaya – Doctor of Economic Sciences, Head of the Center for the study of state governance of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. irinasmot@yandex.ru

Sergey Innokentyevich Chernykh – Doctor of Economic Sciences, professor, Head of sector of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. esterbio@rambler.ru

MODERN TRENDS IN THE DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION

The article deals with the current trends in the transformation of the public administration system in the conditions of growing global challenges of digital technological development. Based on the analysis of international and Russian experience in the implementation of digital technologies and platform solutions in the field of public administration, a substantive description of the goals and objectives of creating “electronic government” has been given. The institutional base for the formation of "electronic -government" and indices that assess the level and quality of its functioning, are examined. The authors identify key principles for further reforming public administration institutions within the framework of the adopted Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for the years 2017–2030, consider priority directions and risks of transition to the concept of “digital government”. . The main approaches to improvement of the organization and management of research and development, which are of decisive importance for ensuring national security and competitiveness of the country in the digital economy, are proposed.

Keywords: *public administration, transformation of management institutionsmanagement quality, electronic and digital government, digital economy, strategic development programs, management in the field of research and development*

JEL: H10, O10, O38.

Вестник Института экономики Российской академии наук
5/2018

С.А. АНДРЮШИН
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

А.А. РУБИНШТЕЙН
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА БАНКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ[1]

В статье в контексте цифровизации мировой экономики и широкого распространения финансовых технологий обсуждаются современные тренды монетарной политики центральных банков, анализируется денежно-кредитная политика Банка России за 2014–2018 гг., рассматривается маржинальная процентная политика в российских банках, даются рекомендации по повышению эффективности денежно-кредитной политики Банка России в условиях цифровизации финансовых активов.

Ключевые слова: *Банк России, банковский сектор, денежно-кредитная политика, маржа, надзор, процентный канал, финансовые технологии*.

JEL: E44, E58, G21, G30.

XXI в. характеризуется все более бурным развитием цифровых технологий во всех сферах экономической и государственной деятельности. Огромный рост вычислительных мощностей, объемов хранилищ данных и скорости коммуникаций позволяют на основе новых, нереализуемых ранее цифровых алгоритмов создавать новые уникальные системы и комплексы, а также интеллектуальные технологии и финансовые продукты. Глобальными трендами становятся повышение прозрачности, управляемости, переход взаимодействия государства и предприятий реального сектора экономики на принципиально более высокий уровень развития. В этих условиях может кардинально измениться способ-

[1] Работа подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований РАН (п. 20) «Многофакторные вызовы и риски перехода к новому этапу научно-технологического и экономического развития России: фундаментальные и прикладные проблемы».

ность центрального банка контролировать краткосрочные процентные ставки, а значит, поменяется существующая парадигма денежно-кредитной политики и ее режима таргетирования инфляции.

Современные тренды в монетарной политике

После финансового кризиса 2008 г. в результате монетарных экспериментов в мировой экономике существенно изменился целевой мандат центральных банков, расширился и усложнился нетрадиционный инструментарий монетарной политики, заметно вырос уровень надзора и регулирования за посредниками на финансовом рынке. Центральные банки превратились в «последний бастион» обеспечения ценовой и финансовой стабильности в экономике. Произошедшие изменения резко усилили давно существующий перекос в распределении финансовых потоков между реальным сектором экономики и банковским сектором. В новых условиях кредитовать субъекты реальной экономики банкам стало невыгодно из-за резкого снижения банковской маржи, которая в посткризисный период стремительно «усыхала» в результате снижения выручки организаций нефинансового сектора (НФО) и падения реально располагаемых доходов домашних хозяйств (ДХ)[2].

По прошествии 10 лет после начала активных экспериментов в монетарной сфере (введения низких и отрицательных процентных ставок, проведения количественных и кредитных смягчений, покупки центральными банками «плохих долгов» и предоставления долгосрочной ликвидности) все большее число авторитетных экспертов монетарной экономики утверждают, что эффективность нетрадиционных мер монетарной политики центральных банков, изначально довольно низкая, с каждым годом продолжает снижаться[3]. Данных оценок придерживаются не только чистые теоретики, но и успешные руководители ведущих центральных банков, такие как Б. Бернанке [2] и М. Кинг [3]. Более того, Бернанке, управляющий ФРС США (2006–2014 гг.), полагает, что в настоящее время «налицо признаки того, что монетарная политика в США и других развитых странах приближается к пределу своей эффективности» [4, с. 72].

---

[2] В 2020 г. доходность капитала глобальных банков составит меньше 2%. См.: Global Fi-nancial Stability Report. A Bumpy Road Ahead. IMF, 2018, April.

[3] *Goodhart Ch. and Ashworth J.* (2013). QE: A Successful Start May Be Running into Diminishing Returns //Oxford Review of Economic Policy, 28 (4), pp. 640–670; *Blanchard O.* (2016a). The State of Advanced Economies and Related Policy Debates: A Fall 2016 Assessment, Policy Brief 16-14, Peterson Institute for International Economics. Washington, DC; *Oakley D.* Quantitative Exhaustion Smothers Markets // The Financial Times. 2016, 19 June. www.ft.com/content/0aff1e16-32d9-11e6-bda0-04585c31b153.

Низкая эффективность монетарной политики центральных банков приводит не только к деформации механизма рыночного ценообразования на денежном рынке, но и меняет всю конкурентную среду на рынке финансового посредничества – за счет стремительного огосударствления банковского сектора и централизации надзора за кредитными организациями. Все это способствует снижению доверия к центральным банкам и к проводимой ими монетарной политике. В результате устойчивость финансовых организаций, защищенность средств кредиторов и вкладчиков стала достигаться не за счет рыночных механизмов, а за счет нового денежного механизма, полностью подконтрольного центральному банку. Именно этот механизм в настоящее время стал основным каналом предложения денег в экономику во всех без исключения странах, как развитых, так и в странах с формирующимися рынками.

Огосударствление банковского сектора и настойчивая централизация надзора за кредитными организациями ведут к дальнейшей консервации нетрадиционных мер и механизмов монетарной политики.

Изменения в банковском секторе, переход к новым бизнес-моделям возможны только в условиях новых финансовых технологий, таких как большие базы данных и анализ данных, мобильные технологий, искусственный интеллект, роботизация, биометрия, распределенные реестры и облачные технологии, способных быстро повысить эффективность монетарной политики за счет содействия развитию конкуренции на финансовом рынке, повышения доступности, качества и ассортимента финансовых услуг, снижения рисков и издержек в финансовой сфере и повышения уровня конкурентоспособности субъектов финансового сектора России на международном уровне.

Ниже мы рассмотрим эти мировые тренды современной монетарной политики на примере деятельности Банка России за период 2014–2018 гг. и покажем возможности повышения эффективности денежно-кредитной политики (ДКП) Банка России за счет реализации на финансовом рынке страны новых финансовых технологий.

Маржинальная политика банковского сектора России

В условиях падения спроса на продукцию российских товаропроизводителей в 2014–2018 гг. произошло снижение выручки организаций нефинансового сектора (НФО) и падение реальных доходов домашних хозяйств (ДХ). Так, располагаемые денежные доходы населения РФ за 2016 г. выросли на 0,7%, в 2017 г. – на 2,0%. При этом доля потребительских расходов в денежных доходах неуклонно растет – с 79,6% (2015 г.) до 84,7% (2017 г.) и наоборот, доля сбережений стремительно снижается – с 16,1% (2015 г.) до 9,2% (2017 г.). Одновременно данные процессы

сопровождаются заметным ростом объема наличных денег у населения – с -0,4% (2015 г.) до 1,6% (2017 г.)[4]. И это при том, что сегодня в РФ за чертой бедности, по оценкам бывшего руководителя Счетной палаты Татьяны Голиковой, живет более 20,3 млн человек[5], а количество долларовых миллионеров в РФ за 2017 г. увеличилось на 27%[6].

Кредитовать субъекты экономики банкам стало не выгодно. Поэтому в 2016–2018 гг. никакого прироста банковских операций на кредитном рынке не наблюдалось. Кредитная активность банков в этот период была отрицательной [1, с. 80–81], причиной этого была агрессивная маржинальная политика всего банковского сектора. Негативные последствия такой политики огромные, и связаны они:

а) с ростом плохих долгов и формированием дополнительных резервов на возможные потери по ссудам (ввиду того что банки вынуждены принимать на себя большие риски);

б) с низкой инфляцией в экономике, которая перерастает в стагнацию в результате падения совокупного платежеспособного и инвестиционного спроса в экономике;

в) сдерживанием капитализации бизнеса, вынуждая корпорации тратить усилия на выкуп своих акций с рынка, снижая тем самым рост оборотов корпоративных обязательств на внебиржевом рынке;

г) с созданием искусственных стимулов для перераспределения ресурсов в пользу государственных корпораций и огосударствления частного бизнеса, что не способствует росту эффективности и производительности в национальной экономике.

В условиях низких процентных ставок и купирования процентного риска банки вынуждены проводить агрессивную маржинальную политику, периодически завышать процентную маржу (в основном по операциям с ДХ в рублях и иностранной валюте)[7]. Например, долларовая маржа до года по отношению к ДХ в январе 2015 г. при ключе-

---

[4] Годовой отчет Банка России за 2016 г. М.: Банк России, 2017. С. 254; Годовой отчет Банка России за 2017 год. М.: Банк России, 2018. С.386.

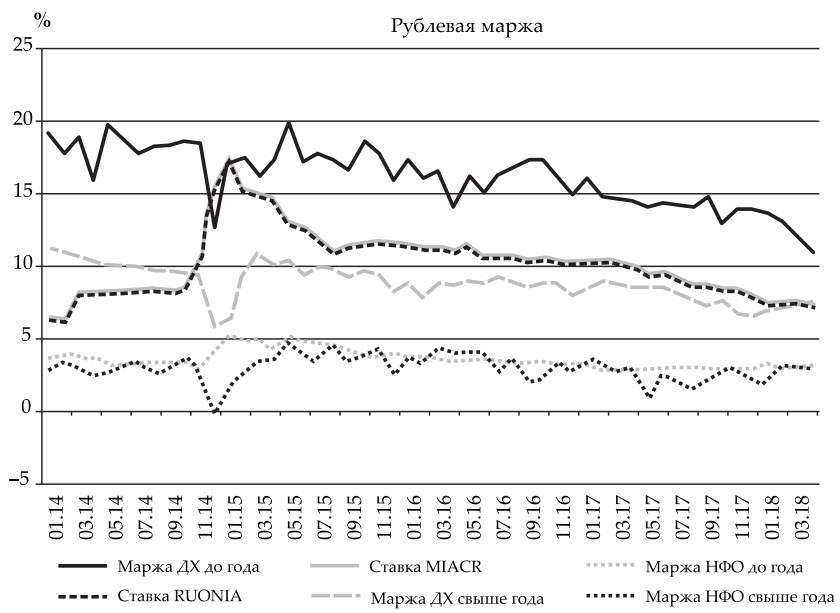
[5] www.banki.ru/news/lenta/?id=10186828.

[6] www.banki.ru/news/lenta/?id=10321789.

[7] По расчетам авторов: маржа рублевая ДХ до года в январе 2014 г. составляла 19,11 п.п, в августе 2017 г. – 14,0 п.п.; маржа рублевая ДХ свыше года – 8,5 и 7,61 п.п. соответственно; маржа рублевая НФО до года – 3,36 и 2,93 п.п. соответственно; маржа рублевая НФО свыше года – 3,81 и 1,34 п.п. соответственно; маржа долларовая ДХ до года в январе 2015 г. составляла 6,68 п.п., в сентябре 2017 г. – 9,04 п.п.; маржа долларовая ДХ свыше года – 9,21 и 7,92 п.п. соответственно; маржа долларовая НФО до года – 4,81 и 4,15 п.п. соответственно; маржа долларовая НФО свыше года – 3,41 и 3.21 п.п. соответственно; маржа рублевая и долларовая ДХ до года в апреле 2018 г. – 10,85 и 7,84 п.п., а свыше года для ДХ – 7,41 и 5,06 п.п. соответственно; маржа рублевая и долларовая НФО до года – 2,89 и 4,21 п.п., а свыше года для НФО – 2,84 и 3,23 п.п. соответственно.

вой ставке в 17,0% составляла 6,68 п.п., но в апреле 2018 г. (через 3 года и 3 месяца) при более низкой ключевой ставке (7,25%) она была выше и составляла 7,84 п.п. Рублевая маржа ДХ свыше года в январе 2015 г. была 6,35 п.п., а в апреле 2018 г. – 7,41 п.п. Это свидетельствует о том, что в российском банковском секторе при общем понижательном тренде в процентной политике наблюдается склонность российских банков к ростовщичеству, в основном по отношению к ДХ.

Рис. 1 показывает, что на рынке рублевых банковских операций (до года и свыше года) с ДХ процентная маржа до года имеет сильную волатильность и по своей величине значительно превосходит величину месячных средневзвешенных ставок MIACR и RUONIA. Напротив, на рынке рублевых банковских операций с НФО ситуация иная. Здесь величина месячных средневзвешенных ставок денежного рынка MIACR и RUONIA существенно превосходит процентную маржу, взимаемую банками с НФО (как до года, так и свыше года). При этом маржа НФО свыше года имеет самую сильную волатильность на рынке банковских услуг на протяжении всего анализируемого периода, 2014–2018 гг.

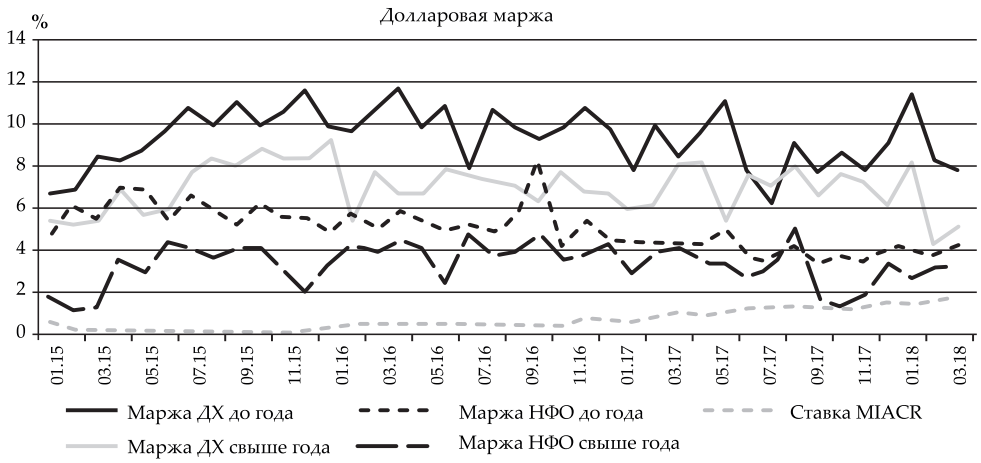


Источник: ЦБ РФ; рассчитано авторами.

Рис. 1. Динамика рублевых ставок денежного рынка сроком более одного дня и процентной маржи банков по их операциям до года и свыше года в рублях и иностранной валюте с НФО и ДХ, 2014–2018 гг., %

Рис. 2 иллюстрирует, что на рынке долларовых банковских операций (до года и свыше года) с ДХ и НФО процентная маржа до года

и свыше года имеет очень сильную волатильность и по своей абсолютной величине значительно превосходит величину месячной средневзвешенной ставки MIACR. При этом величина маржи до года ДХ и НФО начиная с апреля 2017 г. приобретает нарастающий характер. Это свидетельствует о наличии инвалютных и инфляционных рисков на рынке краткосрочного кредитования в реальном секторе российской экономики[8].



Источник: ЦБ РФ; рассчитано авторами.

Рис. 2. Динамика ставок денежного рынка и процентной долларовой маржи ДХ и НФО, 2015–2018 гг., %

Таким образом, существующая в банках агрессивная маржинальная политика, напрямую связанная с купированием процентного риска, приводит как к стремительному снижению уровня конкуренции на финансовом рынке, так и к созданию стимулов для перераспределения ресурсов в пользу государственных корпораций (банковских холдингов, групп) и частных банков, напрямую контролируемых правительством.

[8] В I квартале 2018 г. резко возросла потребность субъектов российской экономики в хеджировании валютного риска, спровоцировав рост спроса на иностранную валюту на внутреннем валютном рынке. В результате объем сделок на внутреннем валютном рынке возрос в 2,5 раза. Это вызвало переоценку курса рубля, который за два рабочих дня после объявления санкций снизился к доллару США на 7,9% и к евро – на 8,5%. При этом вмененная волатильность опционов на курс рубля к доллару США на срок 1 день возросла с 6 до 26%. См.: Обзор рисков финансовых рынков. М.: Банк России, 2018. № 2, I квартал. С. 8.

Развитие конкуренции на финансовом рынке России

Возможности для развития справедливой конкуренции на финансовом рынке между его субъектами составляют одну из важнейших предпосылок эффективной ДКП, повышения качества ее трансмиссионного механизма. Напротив, недостаточный уровень конкуренции снижает эффективность ДКП и искажает механизм ценообразования на денежном рынке, повышает финансовые риски и издержки трансформации сбережений в инвестиции. При этом отсутствие конкуренции формирует пассивное отношение к внедрению технологических инноваций, приводит к централизации, росту концентрации финансовых операций и сделок, препятствуя дальнейшему развитию финансового рынка в целом.

Банк России, как и всякий центральный банк, обязан способствовать устранению регулятивных и поведенческих барьеров, мешающих развитию справедливой конкуренции, необходимой для повышения эффективности функционирования российского финансового рынка как внутри страны, так и на международной арене. Но так ли это происходит на финансовом рынке России? И почему доля государства в банковском секторе неуклонно растет? По оценкам АКРА, доля госсектора в капитале банковского сектора РФ на 01.01.2018 г. составляла 70%. Более того, она, по мнению агентства, будет оставаться высокой еще на протяжении трех – четырех лет[9].

Помимо непосредственного приобретения за счет казны (эмиссии Банка России) через ФКБС санируемых банков Банк России в 2016–2018 гг. никак не способствовал устранению регулятивных и поведенческих барьеров. Более того, по нашему мнению, он эти барьеры не только не устранял, но на протяжении последних двух лет активно внедрял, препятствуя формированию справедливой конкуренции между субъектами финансового рынка, доказательством чего является размещение средств госкомпаний и бюджетных средств только в банках с капиталом 100 млрд руб.; размещение средств НПФ в банках, которые находятся на санации (через подконтрольный ФКБС).

Банк России отмечает, что введение пропорционального регулирования в банковском секторе и секторе микрофинансирования способствует развитию конкуренции, повышает доступность финансовых услуг для субъектов экономики, особенно для МСП[10]. Так ли это? Давайте посмотрим на такую услугу банков, как вклады населения. Мы видим, что никакой справедливой конкуренции на этом рынке нет. На

[9] www.banki.ru/news/lenta/?id=10300057.

[10] Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов. Проект. М.: Банк России, 2018. С. 10.

17 апреля 2018 г. объем средств граждан в банках с госучастием превысил 18,8 трлн руб., что составило свыше 74% всех вкладов ДХ в банковском секторе. И эта тенденция только усиливается. Так, если в 2016 г. на госбанки приходилось в среднем 63% всех вкладов ДХ, в 2017 г. – 65%, то сейчас – уже 74%. Аналогичная картина и в сегменте НФО: в настоящее время около 76% их вкладов находится в кредитных организациях с государственным участием, а в 2016 г. эта доля составляла 67%[11].

Безусловно, такие инициативы правительства и Банка России не способствуют формированию доверительной среды между субъектами финансового рынка страны. Но посмотрим, что по этому поводу думает наш регулятор, когда излагает свою официальную позицию по этому вопросу в своем Проекте развития финансового рынка на 2019–2021 гг.

Формирование доверительной среды

Финансовый рынок не может функционировать без доверия, основными условиями которого являются устойчивость финансовых организаций, защищенность средств кредиторов и вкладчиков. При этом формирование доверия между субъектами финансового рынка напрямую зависит от доверия субъектов экономики к самому центральному банку. Так, если на финансовом рынке будет присутствовать доверие к национальному регулятору и к его политике (монетарной и надзорной), то это будет способствовать формированию и развитию доверительной среды и на финансовом рынке, и в экономике в целом.

Доверие на финансовом рынке, по мнению специалистов Банка России, должно достигаться при выполнении следующих условий: наличия информационной прозрачности, придающей участникам уверенность в справедливости процесса формирования рыночной цены; борьбы Банка России с манипулированием путем создания барьеров для незаконной деятельности; удаления с рынка недобросовестных финансовых посредников; регулирования конфликта интересов; внедрения элементов корпоративной культуры, основанной на приоритете клиентов[12].

Но в то же время формирование доверительной среды на финансовом рынке, в т. ч. к самому себе, Банк России в течение 2016–2017 гг. осуществлял с нарушениями условий справедливой конкуренции между финансовыми посредниками, а именно за счет активной цен-

[11] www.banki.ru/news/lenta/?id=10396861&source=push170418_10396861&utm_campaign =74553&utm_medium=push&utm_source=flocktory.

[12] Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов. Проект. М.: Банк России, 2018. С. 15.

трализации функций надзора за деятельностью субъектов финансового сектора. Более того, эту централизацию Банк России рассматривает в качестве основного драйвера формирования доверительной среды, несмотря на то, что это сопровождается стремительным ростом операционных затрат, снижающих и без того низкую рентабельность капитала банковского сектора.

В годовом отчете Банка России за 2017 г. показано, что за год убыток Банка России составил 435,3 млрд руб., в основном (82%) за счет чистых расходов по формированию провизий, а также за счет уменьшения процентных доходов Банка России при одновременном увеличении процентных расходов по операциям абсорбирования ликвидности в условиях формирования структурного профицита ликвидности, доля которого в структуре годового баланса ЦБ РФ увеличилась на 4,9 п.п., до 15,6%.

Более того, в ходе проведения организационно-штатных мероприятий, связанных с повышением эффективности надзорной деятельности, численность работников Банка России в 2017 г. увеличилась на 900 человек, или на 2%, и составила 55,6 тыс. человек. При этом среднемесячные доходы в Банке России не сократились, а выросли: на одного служащего – с 142,2 (2016 г.) до 148,2 тыс. руб. (2017 г.) и на одного ключевого управленца – с 2,1 до 2,2 млн руб.[13]

В 2017 г. в Банке России была создана Служба текущего банковского надзора (СТБН), в которую поэтапно будут переданы все функции надзора за кредитными организациями от всех территориальных учреждений регулятора. Теперь сотрудники надзора, находящиеся в регионах, станут сотрудниками СТБН и впредь будут обеспечивать поддержку надзорной деятельности в части оперативного взаимодействия с кредитными организациями, визуального контроля и мониторинга их операций, а также выполнять поручения куратора банка.

Неудивительно, что в таких регламентированных рамках надзора коммерческим банкам совсем не до кредитования и инвестирования: они начинают тратить много времени и собственных средств на выполнение и обслуживание всевозрастающих требований и мотивированных решений (рекомендаций) регулятора[14]. В результате банки укрупняются, становятся государственными или переходят под конт-

[13] Годовой отчет Банка России за 2017 г. (от 27.04.). М.: Банк России. С. 295, 308, 326, 361.

[14] Так, например, на IV Международном форуме Финансового университета «Что день грядущий нам готовит?» председатель правления ВТБ Андрей Костин заявил, что «абсолютно новый набор механизма банковского надзора серьезно ужесточил требования к капиталу, удорожил банковское обслуживание, увеличил затраты банков на капитал и на резервы. Банки перестали играть роль моторов, двигателей экономического роста, что непосредственно сказывается на уровне развития». См.: www.banki.ru/news/lenta/?id=10137332.

роль правительства, чтобы выиграть на господдержке и экономии от масштаба. Кроме того, в условиях активной централизации надзора коммерческие банки с удовольствием идут на санацию[15], совсем не пытаются ускорить переход к модели цифрового банкинга (с открытыми интерфейсами), способного быстро развернуться к потребностям и нуждам субъектов реальной экономики [5]. Но именно такой разворот требуется нашему банковскому сектору.

Финансовые технологии Банка России

Бурный темп внедрения технологических инноваций в финансовую индустрию в настоящее время стал важнейшим феноменом экономического развития в мире. С каждым годом данный тренд приобретает все более реальные очертания в связи с цифровизацией (дигитализацией) финансовых активов и транзакционных операций. И российский финансовый сектор не стал исключением – начиная с 2017 г. он активно включается в эти процессы[16].

В 2018 г. Банк России принял Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 гг. (далее – Основные направления)[17], определяющие главные цели и задачи применения новых инновационных технологий на финансовом рынке страны. Их использование и развитие прежде всего финансовых технологий нацелено на радикальное снижение транзакционных издержек участников финансового рынка и на расширение доступа потребителей финансового рынка к различным финансовым продуктам и услугам.

Новые финансовые технологии (Big Data, Smart Data, машинное обучение, мобильные технологии, искусственный интеллект, роботизация, биометрия, технологии распределенных реестров, открытые интерфейсы) позволяют увеличить объемы и скорость транзакций, снизить издержки, адаптировать услуги под запросы клиентов за счет эффективной обработки данных и облегчения обмена информацией.

---

[15] На начало 2018 г. суммарная стоимость активов банков, в отношении которых утверждены планы участия АСВ и Банка России в осуществлении мер по предупреждению банкротства, составила 10,4 трлн руб., или 12,2% от совокупных активов всего банковского сектора страны. См.: Годовой отчет Банка России за 2017 г. (от 27.04). М.: Банк России. С. 172.

[16] В 2017 г. в соответствии с Указом Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» от 09.05.2017 № 203 Правительством РФ была подготовлена программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная Распоряжением Председателя Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р.

[17] Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 гг. М.: Банк России, 2018. www.cbr.ru/Content/Document/File/35816/ON_FinTex_2017.pdf.

Кроме того, новые технологии повышают доступность финансовых услуг за счет появления новых способов их предоставления, расширения продуктовой линейки для потребителей и активного формирования на рынке разнообразных потребительских предпочтений.

Банк России осознает, что финансовые технологии оказывают давление на традиционные бизнес-модели финансовых институтов. Разрушая их, они позволяют тем самым снизить стоимость входа на рынок новых финансовых компаний. Хотя в настоящее время объем услуг, предоставляемых новыми финтех-компаниями, чрезвычайно мал, но темпы его роста заметно увеличиваются. При этом основной интерес финтех-компаний смещается в сторону или симбиоза с инновационными компаниями, или построения кооперационных связей с банками и другими финансовыми институтами. Такие бизнес-модели дают возможность переформатировать накопленные ими массивы данных о потребителях и позволяют кардинально изменить всю инфраструктуру финансового рынка. При этом будет, по мнению специалистов Банка России, лучше, если эти изменения на финансовом рынке будут связаны с государственными банками или с частными финансовыми посредниками, контролируемыми государством.

Новые технологии требуют для себя адекватной модели регулирования, а существующая модель для современных финтех-компаний уже не подходит. Международная практика в области регулирования и надзора рекомендует использовать на практике такие модели, как Supervision Technology (SupTech) и Regulatory Technology (RegTech). И если SupTech – это совершенствование существующих методов надзора и регулирования с помощью новых технологий для обеспечения эффективных способов выявления и оценки рисков, сбора и анализа данных, то RegTech – это использование поднадзорными финансовыми организациями инновационных технологий для повышения эффективности выполнения регуляторных требований и управления рисками[18].

Однако изменение регулятивной среды – процесс медленный, особенно по сравнению с быстрыми процессами внедрения финансовых инноваций. Появление на финансовом рынке пиринговых распределенных сетевых платформ, размывание традиционных границ финансового рынка и неприятие регулятором процессов его децентрализации, а также появление на денежном рынке частных цифровых валют (альткойнов) и токенов создают новые вызовы для развития финансового рынка России уже в среднесрочной перспективе.

[18] Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов. Проект. М.: Банк России, 2018. С. 22.

В Основных направлениях ответы на эти вызовы отсутствуют. Более того, в этом документе даже не поставлен вопрос о том, что же мешает финансовому рынку России сделать разворот в сторону открытых децентрализованных пиринговых систем. Так, Банк России, заявив о необходимости широкого внедрения технологических инноваций в финансовую индустрию, в основном продолжает придерживаться прежних, традиционных подходов к развитию существующего финансового рынка и его монетарному инструментарию, дополнив все элементами и механизмами усиленной концентрации, централизации и огосударствления.

Депутаты Государственной Думы РФ 22 мая 2018 г. в первом чтении одобрили два новых законопроекта – «О цифровых финансовых активах» и «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)», в подготовке которых ЦБ РФ принимал самое активное участие. В ходе обсуждения этих законопроектов экспертами был высказан ряд серьезных замечаний[19], свидетельствующих о неготовности Банка России в условиях новых финансовых технологий менять действующую парадигму ДКП.

Таким образом, на сегодняшний день, по нашему мнению, Банк России не готов менять существующие принципы функционирования финансовой системы. Во всех предложенных им законопроектах четко не прописаны новые механизмы и не отражены институциональные особенности функционирования финансового рынка в новых реалиях, в т. ч. не совсем понятны: предпочтительная форма распределенного консенсуса в сети (через оракулов или майнинг -алгоритмы PoW, PoS); механизм отбора финансовых посредников и институтов инфраструктуры; за счет чего будет достигаться безопасность сетевых узлов (нод); как будет обеспечиваться прозрачность, купирование риска двойных трат и возврат ошибочных транзакций в сети; как будет регулироваться максимальное количество участников в распределенной сети; будут ли задействованы в распределенной сети цифровые криптовалюты и токены; как будет формироваться доверие в распределенной сети – алгоритмом (математикой, асимметричной криптографией и хешированием) или административными мерами и т. д.

Выводы

Российский банковский сектор в настоящее время не способен своими ресурсами заменить рынок капитала – доля его непроцентных доходов в общем объеме совокупных доходов очень низкая. В усло-

[19] cryptocurrency.tech/ryad-rossijskih-zakonov-o-kriptovalyute-podverglis-kritike-so-storony-ekspertov.

виях снижающихся процентных ставок российские банки вынуждены покрывать свои высокие операционные издержки за счет агрессивной маржинальной политики, особенно по отношению к домашним хозяйствам. Поэтому поиск новых источников дохода в условиях низкой инфляции – это новый вызов для всего финансового сектора России, и банковского сектора в частности.

В Основных направлениях развития финансовых технологий на период 2018–2020 гг. в качестве приоритетных задач намечены: дальнейшая цифровизация финансовых активов и транзакционных операций, развитие удаленной идентификации, запуск регулятивной «песочницы», единый порядок электронного взаимодействия с финансовыми организациями, деятельность Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере, унификация отчетности поднадзорных организаций на базе таксономии XBRL и внедрение цифровых сервисов, разработанных в рамках Ассоциации ФинТех.

Банк России, заявив о необходимости широкого внедрения технологических инноваций в финансовую индустрию, в своих действиях и намерениях не совсем последователен. Регулятор собирается реформировать финансовый рынок не на сетевых и децентрализованных принципах распределительных пиринговых сетей, а на традиционных подходах и методах регулирования денежного рынка, дополнив все это элементами централизации и огосударствления. Несомненно, это создает дополнительные ограничения для развития финансового рынка России уже в среднесрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андрюшин С.А., Рубинштейн А.А.* Процентная политика Банка России в условиях низкой инфляции // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 1. С. 80–81.
2. *Bernanke B.* (2016). What Tools Does the fed Have Left? The Brookings Institution. Washington, DC. www.brookings.edu/blogs/ben-bernanke/posts/2016/03/18-negative-interest-rates.
3. *King M.* The End of Alchemy: Money, Banking and the Future of the Global Economy. London: Little, Brown Book Group, 2016.
4. *Паницца У., Виплош Ш.* Народная теорема снижающейся эффективности денежно-кредитной политики: о чем говорят данные? // Деньги и Кредит. 2018. Т. 77. № 1, Март. С. 72.
5. *Скинер К.* ValueWeb. Как финтех-компании используют блокчейн и мобильные технологии для создания интернета вещей / Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2018.

ABOUT THE AUTHORS
Sergey Anatolyevich Andryushin – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. andr956@gmail.com

Alexander Alexandrovich Rubinstein – Candidate of Economic Sciences, Senior Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. rubinstein.alexander@gmail.com

MONETARY POLICY OF THE BANK OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF NEW FINANCIAL TECHNOLOGIES

In the article, in the context of the digitalization of the world economy and the widespread use of financial technologies, modern trends in the monetary policies of central banks are discussed, the Bank of Russia's monetary policy for the years 2014–2018 is analyzed, marginal interest policy in Russian banks is examined, recommendations are given to improve the effectiveness of the monetary policy of the Bank of Russia in conditions of digitalization of financial assets.

Keywords*: Bank of Russia, banking sector, monetary policy, margin, supervision, interest channel, financial technologies.*

JEL: E44, E58, G21, G30.

Вестник Института экономики Российской академии наук
5/2018

Н.Ю. АХАПКИН
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

Н.Н. ВОЛКОВА
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

А.Е. ИВАНОВ
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА[1]

Внедрение цифровых технологий рассмотрено в статье как фактор структурной трансформации экономики и рынка труда. Выделены ключевые характеристики современного российского рынка труда, которые окажут существенное влияние на развитие цифровой экономики. Показано, что внедрение цифровых технологий не приведет к обострению ситуации в сфере занятости. Возможное высвобождение персонала в большинстве случаев будет покрываться созданием новых рабочих мест. Определены направления изменения профессиональной структуры рабочей силы, формируемые расширением использования цифровых технологий, а также подходы к совершенствованию системы подготовки кадров для цифровой экономики.

Ключевые слова: *безработица, рабочая сила, рынок труда, цифровые технологии, цифровая экономика*.

JEL: O33, J21, J23.

Цифровые технологии – явление глобальное. Они сформировали новую, в своих базовых характеристиках универсальную информационно-коммуникационную среду, открывшую возможности использования новых практик социального взаимодействия (от практик сугубо личностных до практик, касающихся развития отдельных социаль-

[1] Статья подготовлена в рамках финансовой поддержки Программы фундаментальных исследований РАН (п. 20) «Многофакторные вызовы и риски перехода к новому этапу научно-технологического и экономического развития России: фундаментальные и прикладные проблемы».

ных групп (слоев), национальных и региональных сообществ). Прочно и уже необратимо охватив все стороны жизни человека, эти технологии открыли и новые возможности для ведения бизнеса. Цифровизация для любой организации – от малого предприятия, и даже микро-бизнеса, до гигантов рынка – выступает как фактор поддержания ее конкурентоспособности и развития. Она стала необходимым условием рыночной «бизнес-социализации», расширила горизонты экономического развития, но одновременно породила и новые вызовы и проблемы.

Цифровые технологии как фактор структурной трансформации экономики и рынка труда

Потенциальные позитивные эффекты цифровой экономики (цифровые дивиденды) многообразны и уже неоднократно были представлены в исследованиях крупнейших аналитических компаний [1; 2; 3]. Но главное, на что важно обратить внимание с точки зрения перспектив экономического развития, – это значительный мультипликативный эффект цифровизации. Многие традиционные направления развития бизнеса – сокращение издержек, диверсификация форм взаимодействия с покупателями и поставщиками, инвестиции в инновации – при внедрении цифровых технологий реализуются посредством принципиально новых бизнес-моделей, в том числе меняющих и увеличивающих возможности получения добавленной стоимости [12]. Собственно, это и создает цифровую экономику. Она не приходит на смену экономики как таковой – она ее меняет и формирует новые предпосылки инновационной трансформации и расширения рынков.

В контексте структурных изменений, в первую очередь реального сектора, и структурной трансформации трудового рынка как одно из наиболее значимых перспективных направлений внедрения цифровых технологий выступает интернет вещей (Internet of Things – IoT) и его сегмент – промышленный интернет (Industrial Internet of Things – IIoT). Их внедрение трансформирует предприятия в открытые системы, где интегрированы операционные и информационные технологии. При этом в единое информационное пространство включаются все производственные цепочки – от разработок и производства до продаж и сервиса, что обеспечивает рост эффективности за счет сокращения капитальных затрат и затрат на рабочую силу. Подсчитано, что внедрение IIoT позволит предприятиям на 10% сокращать простои, снижать затраты на техническое обслуживание, а также предотвращать отказы оборудования[2].

[2] Промышленный интернет вещей в России. Исследование TAdviser и ГК «Ростех». www.forbes.ru/tehnologii/337091-treker-dlya-stanka-kogda-v-rossiyu-pridet-promyshlennyy-internet-veshchey.

Впечатляют оценки ожидаемого вклада промышленного интернета в мировую экономику. Так, в докладе Мирового экономического форума «Digital Transformation Initiative» отмечено, что к 2030 г. этот вклад должен составить 14 трлн долл. [3]. Что касается России, то, по расчетам «Ростелекома», внедрение IIoT в реальном секторе экономики через 4–5 лет принесет экономический эффект в 0,8–1,4 трлн руб. за счет роста производительности труда на 10–25% и сокращения расходов на 10–20%[3]. В то же время не стоит забывать, что когда речь идет о внедрении новых технологий в контексте среднесрочных и долгосрочных прогнозов, экономистам во многих случаях присущ избыточный оптимизм [4, с. 42]. И если посмотреть динамику не только экономики России, но и мировой экономики в целом, то становится очевидным, что реальные цифровые дивиденды запаздывают, «совокупный эффект от их использования оказался слабее ожидаемого и распределяется неравномерно» [1, с. 2]. Показательно, например, что за последние двадцать лет статистика фиксирует устойчивую тенденцию сокращения средних по мировой экономике темпов роста производительности труда. Получается, что экономический эффект от новых технологий не перекрывает увеличивающуюся численность рабочей силы, даже несмотря на снижение темпов ее роста. И расчет на то, что эффекты цифровой экономики из пока еще во многом потенциальных превратятся в реальность, связан с надеждой на дальнейшее существенное расширение масштабов внедрения цифровых технологий и формирование институциональной среды их развития, которую Всемирный банк определяет как «аналоговые дополнения» к цифровой экономике: совершенствование законодательства, повышение квалификации работников в соответствии с требованиями новой экономики, обеспечение подотчетности институтов [1].

Среди социально-экономических проблем, проявившихся или усилившихся в период формирования цифровой экономики, которые будут оказывать прямое воздействие на трудовой рынок, на первый план поставим нарастание неравенства как между странами, так и внутри стран, включая страны с развитыми экономиками. Индекс внедрения цифровых технологий, как показывают исследования, проведенные Всемирным банком, находится в прямой зависимости от уровня экономического развития, и основные дополнительные ресурсы для роста получают прежде всего развитые страны и регионы. Другие риски главным образом связаны со слабостью институциональной среды развития цифровых технологий. Это ведет к ситуации, описанной еще Дж. Кейнсом и характерной для любого значимого технологи-

[3] Новости и экспертиза в области серверных технологий, стандартов и практических решений. servernews.ru/931522ServerNews.

ческого перехода: экономика начинает страдать « … от болезней роста, вызванных слишком быстрыми изменениями, от трудностей перехода к новому экономическому периоду» [5]. К числу таких рисков и угроз можно отнести возможность концентрации власти на рынке и усиления монополий, захват новых рынков транснациональными компаниями, дестабилизацию денежно-кредитной системы, нарастание зависимости от компаний – лидеров в сфере информационно -коммуникационных технологий[4].

Новые производственные технологии, новые практики ведения бизнеса и управленческие модели, возникшие в связи с внедрением цифровых технологий, трансформируют структуру рынка труда и меняют требования к профессиональным качествам и компетенциям работников. В результате цифровизации этот рынок, как и экономика в целом, получает новые возможности для развития, но при этом могут возникать новые угрозы и риски, касающиеся и работников, и работодателей, и государства как регулятора рынка. В свою очередь сам рынок труда, который в России уже давно является устойчивой социально-экономической системой, – очень важная составляющая общей среды развития цифровой экономики. Поэтому, оценивая динамику, направления, возможности и ограничения внедрения цифровых технологий, нужно учитывать как макроэкономические, так и структурные и институциональные характеристики этого рынка.

Российский рынок труда в условиях цифровизации: дестабилизация или сохранение устойчивости и развитие?

Оценивая современное состояние российского трудового рынка, прежде всего нужно обратить внимание, что на национальном уровне, судя по макроэкономическим показателям, уже на протяжении многих лет он в целом стабилен. Динамика безработицы отражает движение российской экономики, но более сглаженно (считается, что занятость в России малочувствительна «даже к сильнейшим макроэкономическим шокам (как отрицательным, так и положительным»)) [7, с. 11].

Не менее важно учитывать, что, с точки зрения обеспечения рабочей силой, российская экономика сейчас находится на переломе. Рост предложения труда, который отмечался с середины 90-х годов и про-

[4] Применительно к российской ситуации критические риски, связанные с ускоренным внедрением цифровых технологий, приведены в докладе Н. Касперской «Цифровая экономика и риски цифровой колонизации» на парламентских слушаниях 20 февраля 2018 г. на тему «Формирование правовых условий финансирования и развития цифровой экономики». komitet2-12.km.duma.gov.ru/Parlamentskie-slushaniya-i-kruglye-stoly/item/15636891.

исходил в первую очередь за счет значительного прироста молодежи трудоспособного возраста, прекратился. Статистика впервые за пятнадцать лет зафиксировала это в 2009 г. Сокращение было крайне незначительным, на уровне статистической погрешности. Но это было лишь начало долговременного тренда. При этом внешняя миграция как детерминанта демографического и социально-экономического развития остается весьма значимой, но она постепенно стабилизируется. В 2017 г. совокупное предложение труда (численность рабочей силы в возрасте от 15 лет и старше), по данным Росстата, составило 76,3 млн человек. Но к 2030 г. в силу снижения притока молодежи в состав рабочей силы и изменения ее возрастной структуры оно сократится примерно на 3 млн человек.

Анализ соотношения предложения труда и спроса на труд показывает, что как в целом на национальном трудовом рынке, так и на большинстве региональных и местных рынков труда, даже при наличии безработицы, потребность предприятий в работниках не обеспечивается полностью. Это вызвано тем, что многих незанятых граждан по разным причинам не привлекают свободные рабочие места, а работодателей, в свою очередь, далеко не всегда устраивают профессионально-квалификационные характеристики и личностные качества ищущих работу. Так, в 2017 г. при наличии в стране 3,9 млн безработных (5,2% от численности рабочей силы) число имеющихся в службе занятости заявленных работодателями вакансий ежемесячно составляло от 1,2 до 1,6 млн, а общий необеспеченный спрос, по расчетам, проведенным с учетом динамики движения рабочей силы и данных выборочных обследований Росстата, – около 2 млн человек.

Устойчивыми являются и тенденции изменения структуры занятости (распределение работников по видам экономической деятельности). Эти изменения почти всегда идут очень медленно, отражая постепенную структурную трансформацию экономики, в первую очередь за счет технологических инноваций и смены приоритетов потребления. Поэтому все последние годы продолжалось объективно обусловленное постепенное перемещение занятых из первичного и вторичного секторов экономики в третичный (см. табл. 1).

Рассматривая структурные проблемы, прежде всего нужно обратить внимание на региональную дифференциацию трудовых рынков. Сама по себе такая дифференциация – явление естественное. И не только для России с ее огромными и разнородными по трудовому и производственному потенциалу территориями, а для практически любой национальной экономики. Огромную роль здесь играет уровень региональных различий, который критически велик, их характер и возможности сглаживания. Не менее значимой структурной характеристикой является гипертрофированное развитие периферийного

Таблица 1

Распределение занятых по основным видам экономической деятельности (в %)

Виды экономической деятельности	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	9,2	7,5	7,5
Добыча полезных ископаемых	1,6	1,5	1,6
Обрабатывающие производства	15	14	14
Строительство	8,4	8,8	8,6
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	19	19	19
Гостиницы и рестораны	1,9	2,2	2,3
Транспорт и связь	8	8,2	8,3
Финансовая деятельность	1,9	2	2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	8,7	9,9	9,9
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное, страхование	5,5	5,2	5,2
Образование	8,1	7,7	7,7
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	6,6	6,4	6,4
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,7	4,3	4,4

Источник: Российский статистический ежегодник. 2017: Стат.сб. / Росстат. М., 2017. С. 114.

сегмента рынка. Его формируют занятые в неформальном секторе и работники недостаточно конкурентоспособных или находящихся в сложном финансово-экономическом положении предприятий. По ориентировочным расчетам, периферия российского рынка – это до 30% общей численности занятых. Причем, судя по динамике занятости в формальном и полуформальном секторах экономики, тенденции к ее сокращению не наблюдается. Наконец, следует отметить, что российскому рынку труда свойственен высокий уровень оборота рабочей силы. Но пока это в большей степени связано с невысокой ценой труда и нехваткой устойчивых рабочих мест, обеспечивающих достойную занятость, чем с модернизацией производства и становлением новых форм занятости.

На волне ожиданий дивидендов четвертой промышленной революции появляется много описаний того, как эта революция изменит рынок труда. Например, в отчете «Будущее рынка труда. Противо-

борство тенденций, которые будут формировать рабочую среду в 2030 году», подготовленном компанией «PwC – Россия», отмечается, что «Автоматизация исполнения рабочих задач, роботизация и искусственный интеллект изменяют компании до неузнаваемости» и что «Времени для того, чтобы отстраненно наблюдать за происходящей трансформацией рынка труда и ждать ответов, нет» [8]. В большинстве случаев такие описания уже ближайшего будущего сводятся к новым интерпретациям хорошо известных управленческих практик работы с персоналом в условиях, когда бизнесу необходимо быстро реагировать на ускоряющееся обновление технологических процессов и новые рыночные вызовы. При этом анализа или хотя бы прогнозных оценок конкретных направлений, масштабов и темпов изменений трудового рынка в них, как правило, нет. Но только за одним исключением: представители бизнеса и экспертного сообщества нередко высказывают предположение, что внедрение цифровых технологий существенно обострит ситуацию на рынке труда.

Действительно ли развитие цифровой экономики приведет к дестабилизации рынка, к массовому высвобождению работников и росту безработицы? Руководитель направления анализа и прогнозирования макроэкономических процессов ЦМАКП Д. Белоусов считает, что именно так и будет. В докладе об эффектах цифровизации для экономики он пишет, что «… развитие цифровизации способно высвободить «при прочих равных» 12,5 млн занятых, что ликвидирует нынешнее «скрытое индустриальное перенаселение», проявляющееся в хроническом разрыве по производительности труда между Россией и странами – технологическими лидерами» [13]. Но есть и противоположные точки зрения. Многие исследователи, исходя не только из предположений, но и из анализа опыта предыдущих промышленных революций и нынешней практики внедрения цифровых технологий, утверждают, что автоматизация и информатизация существенно не влияют на рост безработицы. Так, Дж. Бессен пишет, что «… согласно имеющимся данным, технологии сегодня в основном вытесняют работников на новые рабочие места, а не полностью заменяют их»[5]. В основных сферах профессиональной занятости работников устойчивая ликвидация рабочих мест идет только в промышленном производстве в странах с развитой экономикой, но эти потери компенсируются ростом числа занятых в других сферах [9, с. 16]. По существу, это повторение подхода (и надо сказать, подтвержденного практикой) экономистов еще XIX в. (в част-

[5] Дж. Бессен, в частности, приводит данные за 1982–2012 гг. о годовом темпе роста числа рабочих мест в основных сферах занятости, показывающие, что наиболее значимы эти темпы были в отраслях, где широко применяются компьютеры, – в науке, инженерном деле, здравоохранении [9, с. 18].

ности, Мак-Куллоха и Дж. С. Милля и, отчасти, К. Маркса) к проблеме вытеснения машинами рабочих из промышленности[6].

Представляется, что сценарий мягкого, сглаженного воздействия внедрения цифровых технологий на безработицу в условиях российской экономики наиболее вероятен. Структурные и институциональные характеристики нашего рынка труда иного сценария просто не допускают. Даже гипертрофированное развитие его периферии выступит, как это уже бывало, демпфером возможных последствий быстрых технологических изменений и связанных с этим рыночных шоков. Конечно, нельзя полностью исключить отдельные локальные всплески структурной безработицы. Но касаться они будут в основном тех работников, которые конкурентоспособны на рынке труда и, как правило, готовы к переподготовке, а также в основном тех регионов, где рынок труда развит и мобилен. Нельзя сбрасывать со счетов и фактор сокращения предложения труда. Поэтому существенного роста общего уровня безработицы не будет. И надо сказать, что динамика безработицы последних лет и у нас стране, и в большинстве экономик мира в очередной раз подтверждает превалирование циклических факторов безработицы над структурными. Не новые технологии, а сужение спроса – главная опасность для рынка труда. Что касается регионов, где сейчас уровень безработицы критически высок, то они просто не располагают производственным потенциалом, «цифровизация» которого привела бы к массовым высвобождениям.

Не принесет цифровая экономика и радикальных изменений в распределение занятых по видам экономической деятельности. Только темпы перетока труда в сферу услуг, скорее всего, увеличатся. Но учитывая как сложившиеся тенденции, так и необходимость наращивания объемов производства во многих сегментах реального сектора экономики, что даже в условиях цифровизации будет формировать дополнительную потребность в кадрах, это увеличение не будет существенным. Например, в Германии, где число промышленных роботов

[6] Маркс, критикуя буржуазных экономистов, придерживающихся теории «компенсации относительно рабочих, вытесняемых машинами», тем не менее писал: «Хотя машины неизбежно вытесняют рабочих из тех отраслей труда, в которых они введены, однако они могут вызвать увеличение занятости в других отраслях труда». И далее: «Наконец, чрезвычайно возросшая производительная сила в отраслях крупной промышленности, сопровождаемая интенсивным и экстенсивным ростом эксплуатации рабочей силы во всех остальных отраслях производства, дает возможность непроизводительно употреблять все увеличивающуюся часть рабочего класса и таким образом воспроизводить все большими массами старинных домашних рабов под названием «класса прислуги», как, например, слуг, горничных, лакеев и т. д.)». По сути, он указал на сохраняющуюся до сих пор тенденцию перетока рабочей силы по мере внедрения новых технологий из сферы материального производства в сферу услуг [10, с. 453].

одно из самых высоких в мире, доля занятых в промышленности остается выше, чем в России. К тому же сами цифровые технологии генерируют рабочие места по их эксплуатации, техническому обслуживанию, поддержке пользователей, сбыту.

Если тенденции трансформации структуры занятости останутся неизменными, то по отдельным профессиональным группам подвижки произойдут. И на первый план здесь нужно вывести как раз работников IT–сектора. По данным Росстата, удельный вес занятых здесь в 2017 г. составил 1,7% (это примерно 1,2 млн человек). По регионам самая высокая доля работников этой сферы в Москве – 3%, немного отстают Владимирская и Московская области – 2,6%[7].

Несмотря на то что, по данным Росстата, численность занятых в IT – секторе в целом стабильна (в 2010–2017 гг. их доля в общей численности занятого населения колебалась в интервале от 1,7 до 2,1%), большинство специалистов прогнозирует ее увеличение. При этом надо отметить, что спрос на специалистов по ИКТ уже сейчас высок и предложением не покрывается. Так, удельный вес потребности для замещения вакантных рабочих мест по специалистам высшей квалификации IT – сектора составляет 3,3% (по специалистам высшей квалификации в целом этот показатель только 2,3%).

Судя по данным обследования Росстата (октябрь 2016 г.), среди специалистов в области информационно-коммуникационных технологий, входящих в состав специалистов высшей квалификации, преобладают разработчики программного обеспечения, системные администраторы, специалисты по компьютерным сетям – их доля в целом составляет почти 57%[8]. Среди специалистов среднего уровня квалификации доля занятых в области ИКТ вдвое ниже, чем у имеющих высший уровень квалификации. Основные профессиональные группы занятых здесь – это специалисты-техники по эксплуатации, поддержке пользователей ИКТ и по компьютерным сетям и системам (см. табл. 2).

---

[7] По данным проводимых Росстатом выборочных обследований рабочей силы. www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/mon-sub/1.5.1.xls.

[8] Эти данные в целом корреспондируются с данными компаний, непосредственно работающих в IT – секторе. Например, по оценке компании Luxoft, в 2015 г. в секторе преобладали разработчики, специалисты поддержки и проектного управления – их доли соответственно составляли 34,2, 17,7 и 16,8% (обзор «Рынок компьютерных услуг. 2017». НИУ ВШЭ. Центр развития. dcenter.hse.ru. Но при этом нужно учитывать, что в обследование Росстата не были включены субъекты малого предпринимательства и такие виды экономической деятельности, как финансовая деятельность; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование; деятельность общественных объединений и экстерриториальных организаций.

Таблица 2

Структура специалистов по информационно-коммуникационным технологиям по начальным профессиональным группам

Специалисты	Удельный вес начальных профессиональных групп в списочной численности работников, %	Удельный вес потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест в общем числе рабочих мест, %
Специалисты высшего уровня квалификации	100,0	2,3
Системные аналитики	0,2	5,0
Разработчики программного обеспечения	1,2	3,4
Разработчики Web и мультимедийных приложений	0,1	4,4
Программисты приложений	0,3	3,3
Разработчики и аналитики программного обеспечения и приложений, не входящие в другие группы	0,4	4,8
Дизайнеры баз данных и администраторы	0,1	1,7
Системные администраторы	0,7	2,6
Специалисты по компьютерным сетям	0,4	2,8
Специалисты по базам данных и сетям, не входящие в другие группы	0,7	2,3
Специалисты среднего уровня квалификации	100,0	2,8
Специалисты-техники по эксплуатации ИКТ	0,3	3,5
Специалисты-техники по поддержке пользователей ИКТ	0,3	2
Специалисты-техники по компьютерным сетям и системам	0,3	1,5
Специалисты-техники по Web	0,1	2,9

Источник: рассчитано авторами по данным статистического бюллетеня «Сведения о численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2016 г.». М.: Росстат, 2016.

Очевидно, что в ближайшие годы спрос на специалистов IT-сектора практически по всем профессиональным группам (но прежде всего на

разработчиков и программистов) будет только возрастать. И хотя данная в 2016 г. Минкомсвязью РФ оценка, что уже в 2018 г. для развития IT–индустрии потребуется 1 млн программистов[9] завышена и в условиях нашего трудового рынка просто нереализуема, ежегодный рост дополнительной потребности будет находиться на уровне 50–60 тыс. человек. В связи с этим, а также учитывая, что неудовлетворенная потребность сейчас составляет, по ориентировочным оценкам, не менее 20 тыс. человек, потребуется существенное увеличение приема в вузы по соответствующим направлениям подготовки.

Подготовка кадров для цифровой экономики: от постановки задачи к ее реализации

Внедрение новых цифровых технологий, быстро становящихся массовыми, влечет за собой изменение карт профессий (специальностей) и наборов профессиональных знаний и навыков. Это предопределяет необходимость совершенствования системы профессионального обучения, в первую очередь высшего технического образования. В феврале 2018 г. на заседании Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности был утвержден проект плана мероприятий по направлению «Кадры и образование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации». На заседании отмечалось, что в стране « … должно появиться больше выпускников университетов, которые обладают базовыми компетенциями цифровой экономики. Важно, чтобы у людей появилась мотивация осваивать новые направления, которые востребованы цифровой экономикой»[10]. Ключевые направления утвержденного плана предполагают как формирование системы мотивации граждан по освоению необходимых компетенций и участию в развитии цифровой экономики, так и системы образования, которая обеспечит всестороннее развитие человека в новой цифровой среде и ускоренное обучение, направленное на удовлетворение потребности цифровой экономики в кадрах. Предусмотрены разработка базовой модели и перечня ключевых компетенций цифровой экономики, персонального профиля компетенций и траектории развития человека, увеличение числа обучающихся по IT-направлениям, обеспечение запросов компаний циф-

[9] Обзор «Рынок компьютерных услуг. 2017.». НИУ ВШЭ. Центр развития. С. 28. dcenter.hse.ru.

[10] Заседание Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. 9 февраля 2018 г. government.ru/news/31325.

ровой экономики на кадры, обладающие необходимыми компетенциями. Численность принятых на обучение по программам высшего образования сферы IT должна составить на 2020/2021 учебный год не менее 80 тыс. человек, а к 2024/2025 учебному году ее планируется поднять до 120 тыс. человек.

Ведущие российские вузы в настоящее время начинают активно включать в образовательный процесс различные программы подготовки специалистов в области ИКТ. В 2018 г. десять российских вузов вошли в международный рейтинг QS Computer Science & Information Systems. В 2015 г. их было только три. Причем МГУ им. М.В. Ломоносова постоянно входит в топ-100 мировых вузов по этому направлению, занимая сейчас 49 место[11].

Сегодня многие высшие технические школы России вовлечены в процесс формирования образовательных программ, связанных с подготовкой кадров по новым профессиям – профессиям будущего. Эта работа заметно активизировалась после публикации результатов исследования «Форсайт компетенций 2030» и подготовки Московской школой управления «Сколково» и Ассоциацией стратегических инициатив доклада «Атлас новых профессий» [11].

По мнению авторов Атласа, вероятными точками прорыва в сфере IT в ближайшее десятилетие будут: увеличение объема передаваемых данных и моделей для их обработки; распространение программного обеспечения, на которое может влиять обычный пользователь; развитие человеко-машинных интерфейсов (приборы биологической обратной связи, нейроинтерфейсы); технологии искусственного интеллекта; семантические системы, работающие со смыслами естественных языков; новые квантовые и оптические компьютеры, позволяющие существенно ускорить обработку больших массивов данных; развитие нейроинтерфейсов. При этом в число востребованных на рынке труда профессий войдут: архитектор информационных сетей, дизайнер интерфейсов, разработчик моделей big data (специалист, который проектирует системы сбора и обработки больших массивов данных, получаемых через Интернет), IT-аудитор, киберследователь (специалист по проведению расследований киберпреступлений), консультант по вопросам информационной безопасности пользователей, куратор информационной безопасности (специалист в области информационной безопасности технологических процессов на автоматизированных производствах), кибертехник умных сред, проектировщик нейроинтерфейсов.

Конечно, пока трудно определенно говорить, когда конкретно и в каких объемах проявится потребность на новые профессии. Но

[11] Computer Science & Information Systems. www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2018/computer-science-information-systems.

несмотря на избыточную медийную ориентацию Атласа, в нем действительно объективно отражены современные и перспективные направления развития информационно-коммуникационных технологий. При этом нужно учитывать, что новые направления технологического развития и новые профессии, о которых идет речь в Атласе, отражают состояние развития науки и техники в наиболее технологически развитых странах мира. Те направления подготовки и специальности, которые мы только пытаемся включить в образовательный процесс, во многих ведущих университетах (прежде всего, стран Запада) в него уже включены. Там уже давно реализуются образовательные программы, содержание которых сопряжено с развитием принципиально новых направлений развития цифровых технологий (наука о данных, искусственный интеллект, когнитивные технологии). По оценкам специалистов в области IT-технологий, даже в ведущих российских вузах и бизнес-школах такие программы пока отсутствуют [14].

Подстраивая систему высшего профессионального образования под требования цифровой экономики, очень важно особое внимание уделять вопросам междисциплинарного обучения. Многие профессии будущего, например, из таких блоков Атласа новых профессий, как «Робототехника и машиностроение» и «Новые материалы и нанотехнологии», предполагают наличие фундаментальных инженерных знаний и знаний в области IT-технологий. В то же время известно, что полноценное использование современных программных систем компьютерного инжиниринга, позволяющих быстро решать задачи очень высокой сложности, не под силу «чистому» программисту. В отличие от инженера он не владеет фундаментальными знаниями, например, по математической физике или сопротивлению материалов, которые позволяют вникнуть в суть физико-механических процессов, описываемых тем или иным алгоритмом [15]. Не менее значима и переориентация на опережающее обучение, что уже сегодня является необходимым условием конкурентоспособности.

Развитие системы высшего образования с ориентацией на удовлетворение потребностей цифровой экономики потребует решения ряда внутренних кадровых и организационных проблем российских вузов. Прежде всего нужно обратить внимание на качество профессорско-преподавательского состава высшей технической школы. Основную массу студентов сейчас готовят преподаватели, которые не имеют достаточного опыта работы по актуальным заказам промышленных предприятий и выполнения заказных НИОКР. Они могут передавать лишь знания о традиционных подходах и технологиях.

Исходя из сложившейся и нормативно закрепленной практики организации в российских вузах учебного процесса, переход в перспективе к обучению по новым направлениям подготовки, и даже

выделение в рамках существующих направлений новых профилей и специализаций, потребует как минимум трех–пяти лет. Нужно будет разработать и утвердить новые государственные образовательные стандарты. Как временное, но пока единственно возможное решение можно рассматривать корректировку образовательных программ по действующим направлениям подготовки и специальностям, а также рабочих учебных планов, в том числе оперативное включение в них новых актуальных учебных дисциплин и, что очень важно, программ производственных практик. Ориентироваться при этом нужно на то, чтобы в короткие сроки усилить ориентацию подготовки специалистов в области IT-технологии на получение не только определенных знаний, но и особых компетенций, сфокусированных на возможности применения их на практике – в реальном деле.

ЛИТЕРАТУРА

1. World development report 2016. Digital dividends. – International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. openknowledge.worldbank.org.
2. Цифровая повестка ЕАЭС 2025: перспективы и рекомендации. Обзор совместного исследования Всемирного банка и Евразийской экономической комиссии. www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/pages/digital_agenda.aspx.
3. Digital Transformation Initiative. Executive summary. May 2018. reports.weforum.org/digital-transformation/wp-content/blogs.dir/94/mp/files/pages/files/dti-executive-summary-20180510.pdf.
4. *Шикарин А., Климова М.* Цифровые дали // Эксперт Сибирь. № 34 (518). 2018. expert.ru/siberia/2018/30/tsifrovyie-dali.
5. *Цзян Хо, Мауро П.* Радужные прогнозы // Финансы и развитие. Международный валютный фонд, Март 2015. С. 42.
6. *Keynes J.M.* Economic Possibilities for our Grandchildren // Essays in Persuasion. N.Y.: W. W. Norton & Co, 1963.
7. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад Центра трудовых исследований (ЦеТИ) и Лаборатории исследований рынка труда (ЛИРТ) НИУ ВШЭ – Центр стратегических разработок. 2017. www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf 2017.
8. Будущее рынка труда. Противоборство тенденций, которые будут формировать рабочую среду в 2030 году. www.pwc.ru/workforce2030.
9. *Бессен Дж.* Труд и технологии // Финансы и развитие. Международный валютный фонд, Март 2015.
10. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. I. кн. 1. Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1978.
11. Атлас новых профессий. Московская школа управления «Сколково», Ассоциация стратегических инициатив. atlas100.ru.
12. forbes.ru/kompanii/350323-illyuzornyy-mir-pyat-glavnyh-mifov-cifrovoy-ekonomiki).
13. *Баланова С.* Иллюзорный мир: пять главных мифов цифровой экономики. www.forbes.ru/kompanii/350323.

14. *Белоусов Д.* Развитие цифровой экосистемы: прямые и косвенные эффекты для экономики / V Санкт-Петербургский экономический конгресс «Форсайт Россия: новое индустриальное общество. Будущее» (СПЭК-2018). www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/2018-03-31IT-ECO.pdf.
15. *Белов С., Катькало В.* Дефицит искусственного интеллекта. www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/03/21/681987-defitsit-iskusstvennogo-intellekta.
16. «Без сопромата очень опасен». Интервью А. Боровкова для журнала «Стимул». fea.ru/news/6703.

ABOUT THE AUTHORS

Nikolai Yurievich Akhapkin – Candidate of Economic Sciences, Leading Research Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. nga.letter@gmail.com

Natalia Nikolaevna Volkova – Candidate of Economic Sciences, Leading Research Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. volkova@inecon.ru

Alexander Evgenievich Ivanov – Candidate of Economic Sciences, Leading Research Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. ialex@bk.ru

THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY AND THE PROSPECTS FOR THE TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN LABOR MARKET

The introduction of digital technologies is considered in the article as a factor of the structural transformation of the economy and the labor market. Key characteristics of the modern Russian labor market are singled out, which will have a significant impact on the development of the digital economy. It is shown that the introduction of digital technologies will not lead to an aggravation of the situation in the sphere of employment. The possible release of personnel, in most cases, will be covered by the creation of new jobs. The directions of the change in the professional structure of the workforce, formed by the expansion of the use of digital technologies, as well as approaches to the improvement of the training system for the digital economy are determined.

Keywords: *unemployment, labor force, labor market, digital technologies, digital economy.*
JEL: O33, J21, J23.

Вестник Института экономики Российской академии наук
5/2018

Т.А. БАРАНЕНКОВА
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

И.В. СОБОЛЕВА
доктор экономических наук, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

СТРУКТУРНЫЕ ДЕФИЦИТЫ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА И РИСКИ МИГРАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы влияния процессов внешней трудовой миграции на развитие российского рынка труда. Особое внимание уделяется социальным и экономическим рискам, сопряженным с притоком мигрантов и обоснованию подходов к регулированию трудовой миграции.

Ключевые слова: *трудовая миграция рынок труда, структурный дефицит, глобализация, риски, регулирование.*

JEL: J61, J62, J21.

В современной России параметры национального человеческого потенциала постепенно становятся одним из основных ограничителей экономического роста. Об этом все более отчетливо свидетельствуют дающие о себе знать дефициты рынка труда. В связи с этим настойчиво пробивается идея о необходимости более активного привлечения мигрантов, так как недостаток трудоспособного населения, с учетом тенденций рождаемости и смертности можно будет восполнить только миграционным приростом. При этом также утверждается, что мигранты занимают особые ниши на национальном рынке труда, не составляя конкуренции россиянам. Чтобы оценить правомерность этих предположений, надо ответить на два взаимосвязанных вопроса: 1) как соотносятся дефициты российского рынка труда с демографическим трендом? и 2) каковы возможные выигрыши и риски привлечения в национальную экономику иностранной рабочей силы?

Дефициты рынка труда, с одной стороны, могут иметь демографические корни, т. е. быть связаны с неблагоприятными изменениями

в численности демографических характеристиках населения, с другой – вытекать из экономических и институциональных особенностей рынка труда и экономической системы в целом, а также зависеть от таких свойств населения, как образование и квалификация, размещение по территории страны, мотивации, установки и притязания к рабочим местам.

На протяжении большей части постсоветского периода изменения в численности населения трудоспособного возраста и общей численности населения шли в противоположном направлении. Начиная с 1992 г. естественный прирост населения страны сменился естественной убылью. Однако вплоть до 2005 г. Россия характеризовалась устойчивым приростом населения трудоспособного возраста, хотя из-за низкой рождаемости в 90-е годы прошлого века постепенно утрачивалась демографическая основа этого прироста. Тем не менее уже в начале 2000-х годов рынок труда столкнулся с дефицитом хотя трудоспособное население еще росло. Это заставляет предположить, что в основе нехватки работников лежат не только демографические (их роль нельзя недооценивать), но и структурные факторы. На протяжении последнего десятилетия численность трудоспособного населения сократилась примерно на 10 млн человек. В создавшихся условиях внешняя миграция может обеспечить рабочей силой районы, где спрос на труд превышает предложение, а также способствовать более плотному заселению российской территории.

В конце XX – начале XXI в. в мире активно развернулись процессы глобализации. Они поддерживались значительным улучшением качества транспортных услуг, увеличившимися возможностями коммуникаций благодаря электронным средствам связи, прежде всего интернета, что значительно повысило мобильность людей. Об этом свидетельствует рост миграционных потоков: если в 1990 г. мировые миграционные потоки составляли 154 млн человек, то в 2010 г. – 210 млн, а в 2015 г. – 232 млн человек. Процесс глобализации постоянно трансформирует международный рынок труда, а международная трудовая миграция выступает основным механизмом его развития.

Россия не осталась в стороне от этих процессов. В постсоветский период миграция складывалась и продолжает складываться под воздействием таких факторов, как распад СССР и образование новых независимых государств – бывших союзных республик, на территории которых изначально проживало 25 млн русскоязычного населения, становление и развитие рыночных отношений, развитие частного предпринимательства, демократизация жизни, расширение прав и свобод личности, в том числе свободы передвижения. Процессы глобализации способствуют повышению интенсивности разнонаправленных миграционных потоков.

Интенсификация миграционных процессов имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, она позволяет решить ряд ситуационных проблем. Временные трудовые мигранты восполняют нехватку рабочей силы в трудодефицитных отраслях экономики и регионах, оказывают помощь в освоении заброшенных земель, участвуют в создании ВВП. С другой – она несет в себе серьезные стратегические риски для развития российской экономики. В процессе внешней миграции происходит неравноценный обмен кадрами. Отток мигрантов из России представлен в основном квалифицированными работниками и специалистами, большая часть которых до недавнего времени приходилась на страны Европейского Союза, Канаду, США, Израиль. Активно вовлеченной в глобальные миграционные процессы оказалась российская молодежь, выезжающая за рубеж с учебными и трудовыми целями.

На протяжении постсоветского периода в результате миграции квалифицированных кадров в более благополучные страны Россия лишилась значительной части национального человеческого капитала. По некоторым оценкам, на протяжении первого десятилетия XXI в. отток специалистов с высшим образованием составил около 1 млн человек [6]. В то же время в последние годы в связи с обострением кризисных явлений в экономиках западных стран привлекательные для российских специалистов возможности трудоустройства за рубежом несколько снизились, что существенно повлияло на их миграционные настроения. Так, по оценкам ВЦИОМ, в 2011 г. 16% тех, кто рассматривал возможность переезда в другую страну, надеялись, что там больше возможностей для карьерного роста или ведения бизнеса, то в 2016 г. их доля сократилась до 3%, а в 2017 г. – до 4% [5].

В то же время профессионально-квалификационные характеристики прибывающих в Россию мигрантов постепенно ухудшаются. Возросший в первые годы после распада Союза поток русскоязычного населения из бывших советских республик, имевших высшее или среднее профессиональное образование, сегодня практически исчерпан и в большей части сменился экспортом национальных трудовых ресурсов из стран Центральной Азии. По миграционному притоку в Россию лидирующие позиции сегодня занимают Узбекистан, Таджикистан, Казахстан и Кыргызстан. Подавляющая часть прибывающих из республик Средней Азии – это неквалифицированная рабочая сила, плохо владеющая русским языком, примерно 70% которой вливается в такие сегменты рынка труда, как строительство, оптовая и розничная торговля. В большинстве своем эта категория трудовых мигрантов преследует цель временного трудоустройства, и их численность меняется под воздействием изменений экономической конъюнктуры. В 2014–2015 гг. увеличился отток из России граждан цен-

трально-азиатских республик в направлении Евросоюза, спровоцированный падением курса российского рубля и ухудшением экономической ситуации в стране, а также изменением с 1 января 2015 г. правил миграционной политики России (отменой системы квот, введением обязательных разрешений на работу для граждан стран, не входящих в Евразийский экономический союз, запретом на въезд по внутреннему паспорту и др.).

Значительный приток мигрантов на российский рынок труда идет также из КНР. Причем, по данным отдельных обследований, большинство китайцев намерены находиться здесь длительное время и даже закрепиться на постоянной основе. Наблюдается замещение мигрантами постоянных жителей ряда регионов (северные и приграничные территории), что далеко не всегда отвечает экономическим и геополитическим интересам нашей страны. Во многом стихийный характер поселений иностранных мигрантов усиливает и без того существенные региональные различия в обеспечении округов трудовыми ресурсами. Это требует также пристального внимания властных структур, занимающихся государственной миграционной политикой, при решении территориальных и пограничных проблем.

До 2012 г. процесс трудовой миграции происходил в основном неорганизованно: многие мигранты, особенно из среднеазиатских республик, выезжали на работы самостоятельно, без приглашений и заключения договоров, в связи с чем значительная часть трудовых мигрантов до сих пор занята на неформальной основе. Однако использование мигрантов постепенно стало превращаться в систему, основанную на так называемом резервном режиме, например, на «зарезервированных» строительных работах, торговле на уличных и крытых вещевых и продуктовых рынках, дорожных работах, ремонте квартир и др. Концентрация мигрантов в ряде сфер экономической деятельности (торговля, ремонт, строительство и др.) постепенно приводит к их монополизации иностранными работниками, ограничивает доступ к ним местного населения и способствует установлению «диктата» цен.

Таким образом, в настоящее время приток иностранной рабочей силы компенсирует в основном дефицит неквалифицированных кадров. Между тем сегодня рынок труда сталкивается с комплексом структурных дефицитов. К их числу относятся: дефицит менеджеров, удовлетворяющих «европейским стандартам качества»; дефицит специалистов технического профиля (инженеров, программистов, специалистов в области информационных технологий); дефицит высококвалифицированных рабочих кадров; дефицит неквалифицированной рабочей силы; дефицит, вызванный диспропорциями в распределении населения по территории страны [8, с. 148–149]. Лишь последний из них имеет демографическую подоплеку: происходит не

просто уменьшение численности населения, но и увеличение территориальных диспропорций в его распределении, что приводит к диспропорций в распределении трудовых ресурсов. На Дальнем Востоке, занимающем 36% территории страны, сосредоточено лишь около 5% работников, в то время как на Центральный федеральный округ приходится почти 30%. При этом потоки внутренней миграции направлены с северо-востока на юго-запад. Только в 2012 г. Центральный округ принял более 146,0 тыс. мигрантов, в то время как из Сибирского и Дальневосточного ФО убыло 42,7 и 36,1 тыс. человек соответственно; причем, основная часть потерь трудовых ресурсов – это квалифицированные и высококвалифицированные кадры [1, с. 103].

В перспективе Россия столкнется не столько с проблемой общей количественной недостаточности населения, сколько с проблемой увеличения разрыва между трудоизбыточными и трудодефицитными регионами. Нужно подчеркнуть, что оценки трудоизбыточности с точки зрения потребности освоения территорий и конкретных потребностей предприятий не совпадают. Так, в московском регионе с высокой плотностью и стабильным притоком населения наблюдается феномен сверхзанятости. В то же время на Дальнем Востоке ресурсы населения невелики и постепенно истощаются, но уровень безработицы относительно высок.

Остальные виды дефицита порождены комплексом экономических факторов. Весомый отрицательный вклад внесла деквалификация значительной части инженерно-технических и рабочих кадров на протяжении первого десятилетия реформ в условиях резкого падения занятости в большинстве отраслей промышленности [9, с. 98]. Не менее важными факторами стали коммерциализация сферы образования, повлекшая за собой резкое снижение качества профессионального образования, и углубление диспропорции между структурой подготовки кадров и потребностями экономики [10]. Значительную роль сыграл также большой разрыв в оплате труда в разных отраслях и регионах.

Как было показано выше, перечисленные структурные проблемы плохо поддаются решению на основе привлечения иностранной рабочей силы. В то же время привлечение доступных на сегодняшний день низкоквалифицированных мигрантов сопряжено с широким спектром рисков, которые, как показали проведенные нами в 2014–2015 гг. интервью, хорошо осознаются не только представителями экспертного сообщества, но и российскими работодателями.

Во-первых, следует отметить риск, связанный со снижением общественно нормального уровня качества квалифицированной рабочей силы. Сегодня это обстоятельство начинает вызывать тревогу работодателей. Типичной является следующая оценка, прозвучавшая в одном из проведенных интервью:

«На сегодняшний момент основная угроза качеству в строительстве – это как раз неквалифицированные мигранты, которые абсолютно ломают нам все представления о квалификации» (из интервью с работодателем).

Во-вторых, рост нелегальной, в том числе трудовой, миграции подпитывает неформальный сектор. К тому же приток иностранных мигрантов, предлагающих дешевый труд, становится ограничителем экономического роста, снижая у работодателей стимулы к внедрению трудосберегающих технологий, консервируя техническую отсталость и устаревшую структуру производства.

В-третьих, в полной мере дает о себе знать опасность развития стереотипов о непрестижности труда в тех отраслях экономики, где занято много мигрантов. Между тем экономическая реальность далеко не во всем соответствует восприятию населения. На это обстоятельство указывают в своих интервью работодатели.

«У нас идет очень серьезная дезинформация по поводу и качеству реальных строительных специальностей. Я вам приведу один пример. Рабочий у меня на заводе, высококлассный, получает от 70 до 85 тыс. руб. ежемесячно… И как только молодые люди узнают, что у них есть возможность, получив соответствующую компетенцию, занять такие позиции, у меня … на моих предприятиях появляется достаточно серьезный отбор и конкуренция» (из интервью с работодателем).

В-четвертых, нередки ситуации, когда приток мигрантов ведет к росту социальной напряженности на уровне местных сообществ. Опасность представляют этнически замкнутые сообщества мигрантов, которые не интегрируются в российское общество, не стремятся стать его полноправными гражданами. Формирование замкнутых анклавов иностранных работников, порой достаточно агрессивных по отношению к местному населению, уже наблюдается на наших пограничных территориях, а также в больших городах[1]. Так, социологический опрос, проведенный в Мурманске, выявил серьезную напряженность во взаимоотношениях местного населения с трудовыми мигрантами. Беспокойство коренных жителей вызывали резкое увеличение в городе представителей иной культуры, их демонстративное поведение, пренебрежительное отношение к сложившимся этическим нормам, а также ухудшение медико-эпидемиологической обстановки, рост преступности в городе, снижение уровня преподавания в школах

[1] С этой проблемой сегодня столкнулась не только Россия, но и большинство развитых стран, активно разрабатывающих подходы к ее решению. Так, в Англии за одно нарушение миграционного законодательства гастарбайтера депортируют домой без права возвращения в страну. В Швеции упор делается на полноценную ассимиляцию мигрантов, которых в принудительном порядке обучают языку, традициям и нормам права, а также представляют им квартиры, максимально удаленные от мест проживания их соплеменников.

из-за значительного количества учащихся, плохо владеющих русским языком [4, с. 61].

В условиях напряженного социального контекста работодатели не всегда охотно прибегают к найму иностранной рабочей силы.

«Из стран СНГ можно было бы найти кадры… Какое там качество? – это отдельный вопрос. Ну и … сразу [возникает] напряженность. Стычки бывают, инциденты…во время праздников, православных…» (из интервью с работодателем).

Таким образом, к числу негативных следствий притока на российский рынок труда иностранной рабочей силы следует отнести: ухудшение структуры совокупной рабочей силы в результате роста доли неквалифицированных работников; вытеснение местного населения из обширных сфер деятельности, монополизируемых мигрантами; снижение стимулов к внедрению ресурсосберегающих технологий; вывоз денежных средств из России, выбывающих из внутреннего оборота. Нелегальные мигранты способствуют распространению теневой занятости, росту коррупции в органах власти, появлению криминальных структур, росту преступности. Приток мигрантов – это дополнительная нагрузка на социальную инфраструктуру и фактор осложнения межэтнических отношений. В то же время перспектива дальнейшего сокращения численности трудовых ресурсов не позволяет полностью отказаться от привлечения иностранной рабочей силы. Поэтому необходимо минимизировать негативные стороны внешней миграции и более полно использовать ее позитивные стороны.

Очень важно усилить борьбу с нелегальной иммиграцией и с ее экономической основой – теневой занятостью, которая пока не снижается. В Россию незаконные иммигранты прибывают в основном из стран СНГ, работают в таких сферах, как сельское хозяйство, строительство, сфера услуг и домашнее хозяйство. Наряду с усилением административной ответственности недобросовестных работодателей (изъятие лицензий и закрытие организаций, лишение права на участие в размещении госзаказов, права на привлечение иностранных работников, повышенные штрафы и т. д.) целесообразно ввести и уголовную ответственность по примеру стран Европейского Союза, где такая ответственность существует с 2009 г., а максимальный срок лишения свободы для нарушающих закон работодателей может достигать 10 лет.

Для борьбы с нелегальной иммиграцией в России всегда стремились проводить ограничительную политику в отношении мигрантов из стран СНГ. Даже несмотря на установление для них безвизового режима, вводились дополнительные законодательные барьеры: квоты, миграционный учет, обязательства сдачи медицинских анализов, экзамена на знание языка, истории и законодательства России. Однако создание с 1 января 2015 г. Единого внутреннего рынка

в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) диктует отмену ограничений для передвижения граждан стран ЕАЭС. Такой порядок вступает в противоречие с внутренней российской политикой и, по всей вероятности, затруднит возможности контролировать значительные потоки иммигрантов.

Не менее важной составляющей миграционной политики должно стать стимулирование привлечения и закрепления в стране квалифицированной рабочей силы, повышения привлекательности России для иностранных исследователей и студентов. В российском миграционном законодательстве по-прежнему сохраняются положения, являющиеся барьером для «притока умов», такие как практика обязательной временной регистрации иностранцев по месту пребывания и связанные с этим ограничения на внутреннее передвижение. Правда, в 2010 г., почти одновременно с упрощением законодательства в отношении въезда и проживания высококвалифицированных специалистов в Евросоюзе, в России была введена система патентов, представляющая собой более простой (по сравнению с получением разрешения на работу по квотам) способ оформления занятости иностранных граждан у физических, а с 2015 г. и у юридических лиц. В 2012 г. в России было выдано более 55 тыс. разрешений на работу высококвалифицированным иностранным специалистам, в 2013 г. – уже в три раза больше. Однако в дальнейшем спрос на них упал и, согласно Сводке МВД РФ «Основные показатели деятельности по миграционной ситуации в России за 2016 г.», этот показатель составил лишь 27 тыс. человек.

В Концепции миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. подчеркивается, что Россия недостаточно использует миграционный потенциал образовательной иммиграции. Согласно данным ЮНЕСКО, по численности обучающихся иностранных граждан Россия занимает шестое место в мире после США, Великобритании, Австралии, Франции и Германии. На начало 2015–2016 учебного года в России получили образование более 230 тыс. иностранных студентов (5% от общего числа студентов в России) [3, с. 409][2]. По экономической значимости студенческая иммиграция занимает в общем миграционном потоке третье место после трудовой иммиграции и переселения соотечественников. Основное число учащихся – граждане стран СНГ, прежде всего представители Казахстана. Среди третьих стран лидирует Китай. С 1990 г. и до настоящего времени дей-

[2] По привлечению иностранных студентов (включая все уровни образования) на долю США приходится 16% всего международного образовательного рынка, Великобритании – 13%, Германии – 6,3, Франции – 6,2 и Австралии – 6,1%. В Австралии, например, наблюдается значительный удельный вес зарубежных студентов, каждый пятый обучающийся в вузах имеет иностранное происхождение [2, с. 114].

ствуют полноценные партнерские связи в развитии китайско-российского образовательного сотрудничества. Так, в 2016 г. в российских вузах обучались 20,2 тыс. китайских студентов, а в китайских вузах – более 17 тыс. россиян [11, с. 29].

Привлекательность получения образования в России для граждан других стран снижает наличие законодательных ограничений для работы после завершения обучения. Большинство стран, где проходит процесс обучения, поощряет поиск работы иностранных аспирантов по завершении учебы, так как такие выпускники обладают высоким уровнем квалификации. Получая образование на территории принимающей страны, они лучше интегрируются и способны внести положительный вклад в развитие ее экономики.

В ряде стран – в Китае, Тайване, Мексике – разрабатываются программы возвращения мигрантов с целью «реверсирования утечки умов». В эти программы могут входить системы новых контрактов, стипендий, приглашений студентов, содействия возвращению на Родину и т. д. Необходимо использовать положительный опыт государств Азиатского региона, где, с одной стороны, поощряется временная образовательная и трудовая миграция, с другой – создаются стимулы к возвращению на Родину.

В настоящее время в миграционном законодательстве России в целях создания более благоприятных условий для привлечения иностранных учащихся внесены изменения, позволившие иностранцам, обучающимся в российских вузах на очном отделении, работать в период обучения. Принятие дополнительных норм, предоставляющих иностранным студентам после окончания обучения право на дальнейшее трудоустройство, позволило бы получить источник квалифицированных и интегрированных в стране иностранных специалистов в целом ряде областей.

В дальнейшем следует рационально активизировать обмен опытом ЕС и России по таким вопросам, как борьба с незаконной миграцией, максимизация вклада иммигрантов в экономику и инновационное развитие принимающих стран. Подписание договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), в который вошли Россия, Белоруссия, Казахстан, а в 2015 г. – Армения и Кыргызстан, а также постепенное вступление в него новых стран обусловливает необходимость дальнейших исследований рынка труда в регионах ЕАЭС, развития миграционной политики России как центра Евразийской миграционной системы, через который проходят миграционные потоки из Азии в Европу. В условиях глобализации экономики представляется важным изучение взаимовлияния двух миграционных систем – европейской и евразийской.

Проблему дефицита трудовых ресурсов нужно решать не только экстенсивным путем посредством привлечения мигрантов из-за

рубежа, но и интенсивным, стимулируя рост производительности труда. На современном этапе можно задействовать резервы, связанные с более рациональным использованием имеющихся трудовых ресурсов за счет организационных факторов, а именно:

– повышения мобильности трудовых ресурсов внутри страны, их перераспределения между трудоизбыточными и трудодефицитными регионами, предусмотрев ряд льгот для перемещающихся в перспективные регионы, на территории, имеющие стратегическое значение, но испытывающие острую нехватку рабочей силы;
– рационализации размещения промышленности, приближения промышленных предприятий к местам традиционного проживания населения, что позволит более полно вовлечь местное население в рыночные отношения; это особенно актуально, например, для Южного федерального округа и др. территорий, где удельный вес незанятого населения в разы превышает аналогичный среднероссийский показатель;
– повышения эффективности регулирования миграционных потоков, достижения сбалансированности спроса и предложения рабочей силы на рынке труда не только в количественном, но и в качественном отношении.

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. определены следующие приоритетные направления:

– расширение возможностей для переселения в Россию на постоянное жительство соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов и отдельных категорий иностранных граждан;
– разработка дифференцированных механизмов отбора, привлечения и использования иностранной рабочей силы, востребованной российской экономикой;
– содействие развитию внутренней миграции населения РФ;
– содействие образовательной миграции в РФ и поддержки академической мобильности;
– содействие адаптации, интеграции и реинтеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом;
– противодействие незаконной миграции и др.

Новая Концепция государственной миграционной политики вполне коррелирует с целями Концепции демографической политики Российской Федерации: стабилизацией и увеличением численности постоянного населения страны; с обеспечением потребности экономики в рабочей силе; с содействием модернизации, инновационному развитию и повышению конкурентоспособности отечественной экономики; с обеспечением национальной безопасности РФ.

В условиях глобализации, несмотря на усиление взаимозависимости стран, многие из них стремятся активно регулировать миграционные потоки. В России в этих целях требуется дополнительно реализовать комплекс мер по корректировке иммиграционной политики, расширению селективной трудовой миграции, как на постоянной, так и на временной основе, и по сокращению нелегального сектора миграции.

Важные цели иммиграционной политики – защита национального рынка труда от неконтролируемого притока иностранной рабочей силы и недопущение разрушения национально-культурной идентичности страны. При стимулировании притока иностранной рабочей силы необходимо делать акцент на русскоязычном населении из стран СНГ, адаптация которого в российское общество проходит без особых затруднений. К сожалению, масштабы данной миграции снизились и в будущем будут зависеть как от миграционной политики России в отношении соотечественников, оказавшихся на постсоветском пространстве, так и от политики, проводимой государствами нового зарубежья (это касается статуса русского языка, замещения руководящих должностей, возможностей получения образования). Для защиты права коренного населения на достойную занятость необходимо создать механизмы по разгрузке перенаселенных мигрантами регионов.

Очень важно на основе балансового метода определить структуру дополнительных трудовых ресурсов, в которых нуждается страна. Необходима разработка методик оперативного учета состояния региональных и отраслевых рынков труда, а также уровня и темпов социально-экономического развития регионов [7, с. 189]. На этой основе можно будет проводить гибкую миграционную политику, т. е. в зависимости от возникающей на данном этапе потребности в рабочей силе (в частности, с учетом спада либо роста экономики, реструктуризации ее отраслей) ужесточить или, наоборот, либерализовать ее. Именно по такому пути идут развитые страны. Так, в Японии, когда экономический кризис в 2009 г. стал набирать обороты, правительство приняло ряд непопулярных мер по отношению к иммигрантам – депортацию иностранных рабочих на Родину с запретом возвращаться назад. Эти меры коснулись даже этнических японцев.

Переход России на инновационный путь развития усиливает потребность в квалифицированных кадрах. У нас пока еще нет специальной программы привлечения из-за рубежа квалифицированных работников, представляющих ценный ресурс, за который многие страны в условиях глобализации ведут конкурентную борьбу[3]. В этой

[3] Заметим, что уже при Петре I Россия стала первой страной, проводящей целенаправленную политику по привлечению иностранных специалистов и ученых; после Петра I приоритет в иммиграционной политике все более стал отдаваться при-

связи становятся актуальными целевые меры по возвращению в Россию кадров с высоким профессиональным уровнем, ранее уехавших за границу, а также меры, направленные на привлечение талантливой молодежи, высококвалифицированных специалистов из числа соотечественников за границей. Необходимо создать условия для сокращения эмиграционного оттока научно-технического, интеллектуального и творческого потенциала. Все это требует повышения престижа научного труда и его оплаты, обеспечения нормальных условий для работы и реализации исследовательских проектов, профессионального роста научных кадров.

* * *

При наступлении неблагоприятной хозяйственной конъюнктуры роль иммиграции на рынке труда становится особенно противоречивой. С одной стороны, при экономическом спаде занятость мигрантов в определенной степени выполняет роль «буфера» в адаптации рынка труда к циклическим колебаниям, т. е. наличие на предприятии значительных контингентов приезжих работников служит первоочередным резервом на увольнение их, а не местного населения. Таким образом, иммиграция, усиливая гибкость рынка труда, оказывает на него позитивное воздействие.

Однако в случаях последующего оживления конъюнктуры в секторах, где постоянно наблюдаются проблемы с наймом определенных категорий работников, быстро найти их среди местного населения часто бывает довольно трудно. Как свидетельствует и опыт развитых стран, ослабление структурных диспропорций на рынке труда за счет иммиграции во многих случаях снижает стимулы к поиску работодателями альтернативных решений проблем нехватки местных работников (снижение трудоемкости производства, улучшение условий труда и т. п.), а также к получению местным населением необходимых знаний и навыков для выполнения определенных работ.

Сопоставление неудовлетворенного спроса на труд и рисков миграции показывает, что в перспективе избыточная опора на миграцию в решении кадровых проблем в сочетании с неразвитостью институциональных структур и механизмов ее регулирования ведет не к преодолению, а к дальнейшему углублению структурных диспропорций на рынке труда, которые в перспективе будет еще сложнее восполнить, опираясь на внешние источники рабочей силы.

влечению больших крестьянских масс из Германии, Австро-Венгрии и др. стран, для заселения и освоения южных пустынных окраин России.

ЛИТЕРАТУРА
1. *Бараненкова Т.А.* Миграция населения и освоение регионов Сибири и Дальнего Востока // Федерализм. 2013. № 4. С. 99–108.
2. *Вартанян А.* Международная образовательная миграция: региональный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 2. С. 113–121.
3. Европа XXI века. Новые вызовы и риски: Монография / Под общ. ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М., СПб.: Нестор-История, 2017.
4. *Кистерова Е.А., Лобченко Л.Н.* Нивелирование миграционных рисков в условиях притока беженцев в Мурманскую область // Социальные риски в современном обществе / Под ред. М.И. Сидоровой. Мурманск, 2017. С. 59–63.
5. РИА Новости. Эксперт ВЦИОМ: волна эмиграции России не грозит. ria.ru/radio_brief/20170810/1500161185.html.
6. *Рязанцев С.В., Письменная Е.Е.* Эмиграция ученых из России: 'Циркуляция' или 'утечка' умов // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 24–35.
7. *Соболев Э.Н.* Трудовые отношения в свете российских трансформаций (XX–XXI в.) М.: Институт экономики РАН, 2012.
8. *Соболева И.В.* Реакция на кризис и стратегические риски в сфере труда // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 6 (6). С. 148–149.
9. *Соболева И.* О недоиспользовании трудового потенциала общества в период перехода к рыночной экономике // Общество и экономика. 2001. № 10. С. 98–119.
10. Сфера образования в системе Россия-Запад: проблемы эффективности. М., 2009.
11. Экспорт российских образовательных услуг: Стат. сб. Вып. 6. М.: Социоцентр, 2016.

ABOUT THE AUTHORS

Taisia Alekseevna Baranenkova – Candidate of Economic Sciences, Senior Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. agastya73@mail.ru

Irina Viktorovna Soboleva – Doctor of Economic Sciences, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. irasobol@gmail.com

STRUCTURAL DEFICIENCES OF THE RUSSIAN LABOR MARKET AND MIGRATION RISKS

The article deals with the problems of the influence of the processes of external labor migration on the development of the Russian labor market. Particular attention is paid to the social and economic risks, associated with the influx of migrants, and the rationale for approaches to regulating labor migration.

Key words*: labor migration labor market, structural deficit, globalization, risks, regulation.*
JEL: J61, J62, J21.

Вестник Института экономики Российской академии наук
5/2018

Э.Н. СОБОЛЕВ
доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики Российской академии наук

ОПЛАТА ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

В статье дается оценка современного состояния оплаты труда в России, в т. ч. в сопоставлении с ситуацией в других странах мира. Проанализирована динамика доли оплаты труда в ВВП, раскрыта связь уровня оплаты труда с его производительностью. Проведено сопоставление средней, медианной и минимальной заработной платы с прожиточным минимумом на протяжении периода реформ. Показано, что высокая, по мировым меркам, дифференциация заработной платы слабо учитывает индивидуальные характеристики, что негативно сказывается на выполнении ею своих основных функций.

Ключевые слова: *доля оплаты труда в ВВП, реальная заработная плата, минимальный размер оплаты труда, прожиточный минимум, медианная заработная плата, зарплатное неравенство, коэффициент фондов.*

JEL: D33, E24, J30, J31, J38.

Оплата труда является одной из болевых точек современной российской экономики. Во-первых, в условиях сокращения объема бесплатных и дотируемых услуг основная тяжесть воспроизводства работника и его семьи ложится на заработную плату, что актуализирует проблему ее недостаточности для обеспечения достойного качества жизни населения. Во-вторых, сложившаяся сегодня довольно высокая, по мировым меркам, дифференциация заработной платы тем не менее слабо учитывает индивидуальные характеристики работников, что негативно сказывается на выполнении заработной платой своих основных функций. Имеется и еще одно следствие чрезмерной дифференциации: она питает то, что называется социальным популизмом, – соблазн только перераспределять «общественный пирог» вместо того, чтобы его увеличивать.

К сожалению, имеющиеся статистические данные не позволяют дать полную характеристику описанного круга проблем. Это связано с тем, что в большинстве случаев заработная плата отслеживается не по

всему кругу наемных работников. В национальном обследовании населения по проблемам занятости, охватывающем все работающее население, включая занятых на малых предприятиях, отсутствуют вопросы об оплате труда. Очень мало официальных данных по скрытой (теневой) оплате, составляющей, по оценке Росстата, около четверти совокупного фонда оплаты труда. Тем не менее даже на основе имеющихся данных можно получить представление о процессах в сфере оплаты труда.

О доле оплаты труда в ВВП

Одним из важнейших макроэкономических показателей, характеризующих тренд оплаты труда, является доля оплаты труда в ВВП, или, как его не совсем корректно называют, зарплатоемкость ВВП. Этот показатель всегда привлекал повышенное внимание политиков и экономистов. При этом оценки его величины варьируются от 20% до 60% и более, хотя преобладают заниженные оценки. Такой разброс возникает из-за различий в методологии расчета. Эксперты по-разному понимают оплату труда. Это может быть и номинальная начисленная зарплата, и полученная на руки «чистая» зарплата, и зарплата с учетом теневых выплат, и полные издержки работодателя, связанные с наемным трудом. В зависимости от того, какой из этих показателей идет в числитель, получают разные оценки зарплатоемкости. Соответственно, делаются и различные практические выводы. Авторы, считающие эту долю в России очень низкой, требуют незамедлительного ее увеличения [6]. Другие, полагающие, что эта доля неоправданно высока и не соответствует сложившемуся уровню производительности труда, ставят вопрос о ее снижении [4].

Для международных сопоставлений, как правило, используется оценка доли оплаты труда в ВВП по методологии системы национальных счетов (СНС). Оплата труда в СНС включает, наряду с заработной платой, обязательные отчисления на социальное страхование работников, а также скрытые выплаты, т. е. по составу и по величине она больше, чем заработная плата. Для включения в состав оплаты труда социальных отчислений имеются серьезные теоретические основания: они представляют собой часть заработка, отложенную на момент частичной или полной утраты трудового дохода вследствие наступления заранее оговоренных страховых случаев.

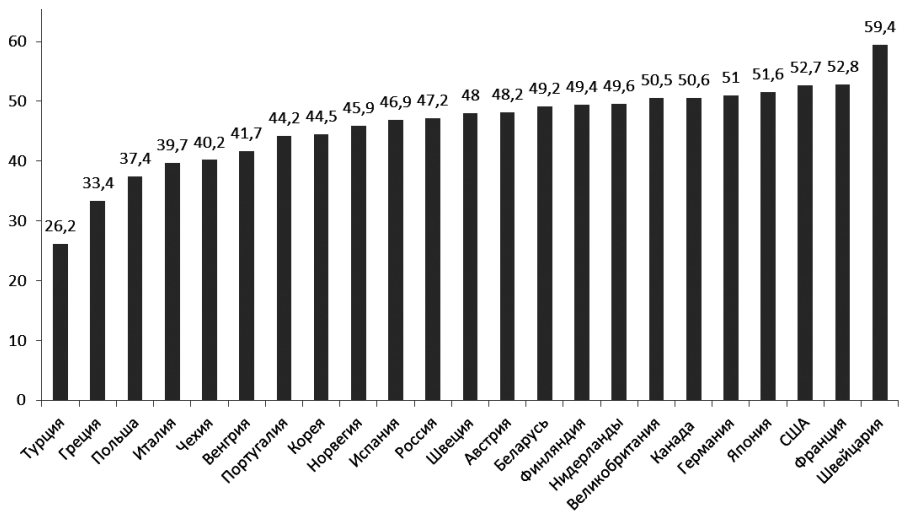
Если оценку доли оплаты труда производить по методологии СНС, то представление о ее аномально низком уровне в России не подтверждается. В текущем столетии прослеживается повышательная тенденция доли оплаты труда в ВВП: 2000 г. – 40,2%, 2004 г. – 46,1%, 2011 г. – 49,6%, 2014 г. – 52,0% (см. рис. 1). Переход в 2015 г. на новую методику расчета ВВП на несколько процентных пунктов снизил долю оплаты труда, но это не изменило тенденции к ее росту. После пересчета она

стала составлять: в 2011 г. – 43,8% (по старой методике – 49,6%), 2012 г. – 44,3% (50,4%), 2013 г. – 46,2% (51,7%), 2014 г. – 47,2% (52,0%), 2015 г. – 46,4%, 2016 г. – 47,6%, 2017 г. – 47,7%.

Сегодня, несмотря на то, что по уровню заработков Россия весьма существенно отстает от западных стран, по показателю зарплатоемкости ВВП она вполне вписывается в сложившиеся пропорции, находясь на уровне таких стран, как Испания, Швеция, Австрия, уступая Германии, Франции, Великобритании, США, но превосходя Италию, Чехию, Португалию, Норвегию (см. рис. 2).

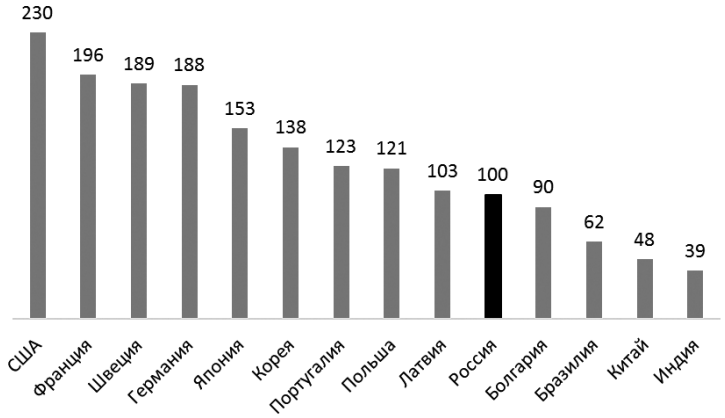
Источник: Национальные счета России в 2005–2014 гг.; Национальные счета России в 2011–2017 гг.

Рис. 1. Динамика доли оплаты труда в ВВП, рассчитанная по методологии СНС, %.



Источник: Евростат, Росстат.

Рис. 2. Доля оплаты труда в ВВП в России и мире в 2014 г.



Источник: рассчитано автором по данным МВФ и Росстата за 2015 г.

Рис. 3. Индексы физического объема ВВП по паритету покупательной способности на одного занятого в различных странах мира по отношению к России.

Однако эффект относительно высокой зарплатоемкости российского ВВП существенно нивелируется, во-первых, низким объемом ВВП, приходящимся на одного работника, во-вторых, значительным неравенством в оплате труда.

По показателю объема ВВП, приходящегося на одного работника, Россия отстает от развитых стран, даже если расчет производить не по номиналу, а по паритету покупательной способности (см. рис. 3). США опережает Россию в 2,3 раза, Германия, Франция, Швеция – почти в 2 раза. Естественно, даже высокий процент от малого объема ВВП дает небольшой фонд оплаты труда. В то же время по этому показателю Россия существенно превосходит такие развивающиеся страны, как Китай, Бразилия, Индия.

Зарплатное неравенство пока что остается за пределами макроэкономического анализа в системе национальных счетов. В определенной степени этот пробел восполняет рассчитанный нами показатель медианной зарплатоемкости ВВП[1], который составляет для России около 35%.

Спецификой российской экономики является высокая доля скрытых выплат в оплате труда. Именно их неучет некоторыми исследователями ведет к неоправданному, на наш взгляд, занижению доли

[1] Методика расчета медианной зарплатоемкости следующая: средняя оплата труда, получаемая из СНС посредством деления общего фонда оплаты труда на численность работников, корректируется на долю медианной зарплаты в средней зарплате, рассчитываемой по данным так называемого апрельского Обследования распределения заработной платы в организациях. При этом предполагается, что распределение социальных выплат происходит аналогично распределению заработных плат.

оплаты труда в российском ВВП. Типичными в этом смысле представляются расчеты В. Роика, учитывающие только «чистую» заработную плату и выходящие на результат около 30%. При этом используемые им для сравнения показатели западных стран рассчитаны по другой методике [9, с. 207–208].

В рамках стандартной международной методологии построения СНС скрытые доходы не фигурируют в явном виде, а определяются балансовым методом. Из расходов российских граждан (включая прирост их финансовых активов за минусом обязательств) вычитаются формально зарегистрированные доходы. Расчеты ведутся для всей экономики в целом без разбивки по отраслям, видам экономической деятельности и территориям, что естественно сказывается на их точности. Максимума неформальные выплаты достигли в 2014 г., составив 27% от общего фонда оплаты труда. В 2016 г. они равнялись 24%. Относительно ВВП размер неформальных зарплат в 2014 г. составил 12,8%, а в 2016 г. – 11,4% (см. табл. 1).

Таблица 1

Доля официальной и скрытой оплаты труда в валовом внутреннем продукте (ВВП) и в фонде оплаты труда (ФОТ), %

Годы	Доля оплаты труда в ВВП, %	Доля официальной оплаты труда в ВВП, %	Доля скрытой оплаты труда в ВВП, %	Доля скрытой оплаты труда в ФОТ, %
2011	43,8	33,6	10,2	23
2012	44,3	33,6	10,8	24
2013	46,2	34,7	11,5	25
2014	47,2	34,4	12,8	27
2015	45,8	34,7	11,1	24
2016	47,4	36,0	11,4	24

Источник: Национальные счета России в 2011–2016 гг.

Более точная и детализированная оценка скрытой оплаты труда требует дополнительных эмпирических исследований на микроуровне. Проведенное ИЭ РАН в 2015 г. Обследование социально-экономической защищенности населения г. Москвы, занятого в малом бизнесе, показало, что на долю скрытых выплат приходится немногим менее трети заработной платы [14]. Примерно такая же оценка масштабов скрытой заработной платы была получена на основе данных исследования социально-трудовых отношений в российском малом предпринимательстве, проведенного в 1999 г. [16]. При этом по некоторым признакам можно предположить, что масштабы распространения скрытой зарплаты в ответах работников могли быть занижены.

Обследование ИЭ РАН показало, что зоны, в которых скрытая оплата труда получила распространение, в целом совпадают с теми, где сильнее всего ощущается нестабильность дохода. Так, в организациях, имеющих статус юридического лица, значительно реже практикуют выплату неофициальной зарплаты по сравнению с индивидуальными предпринимателями. Также практика «серых» выплат расширяется с уменьшением размера предприятия. В зону повышенного риска попадают занятые на основе устной договоренности и на основе фиктивного договора с индивидуальным предпринимателем: по крайней мере четыре из пяти представителей этой категории получают часть заработной платы неофициально. Более квалифицированный контингент работников менее охотно соглашается на «серые» схемы оплаты труда, чем неквалифицированный персонал.

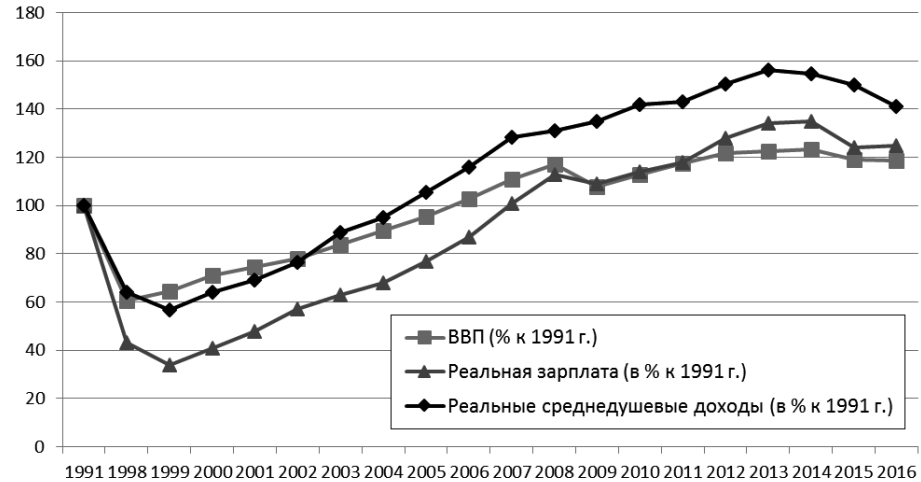
В 2000-е годы стало меняться соотношение между долей труда и долей капитала в ВВП: рост оплаты труда стал обгонять рост ВВП и общей массы прибыли корпораций. Конечно, это был в значительной степени восстановительный рост, компенсирующий снижение доли оплаты труда в ВВП в предшествующий период. В то же время, несмотря на некоторое снижение доли прибыли, ее масса остается весьма внушительной. По данным СНС, ⅔ чистой прибыли направляется собственникам капитала и высшим менеджерам в качестве доходов по акциям, облигациям и другим аналогичным выплатам. Эти доходы наряду со значительными размерами их заработной платы являются основой высокой дифференциации доходов, получаемых отдельными социальными группами населения [7, с. 102–105].

Следует ли повышать долю оплаты труда в ВВП и дальше? Определенные резервы для ее увеличения, видимо, еще имеются (об этом говорит и сравнение с наиболее развитыми странами). Но по большому счету дальнейший рост возможен только за счет накопления, что, на наш взгляд, неприемлемо. Ликвидация отставания от развитых стран требует существенного увеличения доли валового накопления в ВВП. В 2015 г. эта доля составляла в России 20,7%, в то время как в странах, которые нацелены на догоняющие стратегии экономического роста, она существенно выше (Китай – 45,9%, Индия – 32,4%, Корея – 29,3%). Поэтому основные усилия должны быть направлены на обеспечение устойчивого роста ВВП, что приведет к повышению абсолютных размеров фонда оплаты труда (даже при неизменной доле).

Индикаторы заработной платы и их динамика

Динамика средней заработной платы. На протяжении 1990-х годов реальная заработная плата устойчиво снижалась, причем ее снижение происходило опережающими темпами по сравнению с сокращением

ВВП (см. рис. 4). В 1998 г. ВВП в реальном выражении составлял чуть более 60% от уровня 1991 г., в то время как заработная плата (в низшей точке) опустилась до 34 % от этого уровня.



Источник: рассчитано автором по данным Росстата.
Рис. 4. Индекс ВВП, реальной средней заработной платы и реальных среднедушевых доходов (1991 = 100)

Не менее существенно и то, что на протяжении экономического спада реальная заработная плата испытала значительно более серьезное падение по сравнению со среднедушевыми реальными доходами. Соответственно, падение уровня и качества жизни большинства населения, живущего в основном на заработную плату, было значительно глубже отражаемого средними показателями.

С середины 1999 г. начинается постепенный восстановительный рост реальной заработной платы. Она стала расти быстрее ВВП и к 2008 г. превысила дореформенный уровень. Ряд экспертов высказывали опасение, что столь высокий рост может привести к падению национальной конкурентоспособности, а в некоторых случаях – к банкротству российских предприятий. Однако подобная точка зрения разделялась далеко не всеми, в том числе и в деловых кругах. По наблюдениям многих экспертов, рост заработной платы не ухудшил конкурентоспособность. В то же время он в немалой степени способствовал улучшению конъюнктуры за счет активизации внутреннего спроса. Устойчивый рост реальной заработной платы был прерван наступлением кризиса.

Первая волна кризиса не привела к длительному падению реальной заработной платы. Ее падение в 2009 г. по сравнению с 2008 г. составило 3,5%. Во вторую волну замораживание или незначительный рост зарплаты в номинальном исчислении происходил при доста-

точно высокой инфляции, что отразилось на динамике реальной заработной платы. В 2015 г. она составляла 91,3% от уровня 2014 г. Столь масштабное падение реальной зарплаты произошло впервые с 1998 г. Однако со второй половины 2016 г. ее падение сменилось тенденцией к росту. По итогам 2017 г. реальные зарплаты в России выросли на 3%.

На фоне развитых стран российская зарплата выглядит весьма скромно. В 2015 г. номинальная начисленная средняя зарплата в России составляла 34,0 тыс. руб. (в пересчете по курсу – 596 долл.) в месяц. В странах ЕС только в Болгарии зарплата была ниже, чем в России, – 564 долл. в месяц.

Но если сравнивать не начисленную (валовую) зарплату, а чистую зарплату, т.е. после уплаты подоходного налога и обязательных социальных отчислений в той их части, которая приходится на самого работника, а также учитывать уровень цен, то картина становится более благоприятной. С российской зарплаты берут лишь 13% подоходного налога, в то время как в Норвегии у работника удерживают 53%, в ФРГ – 38%, в США и Франции – 23%, в Дании – 35,9%, в Японии – 22%. С учетом ППС разрыв в средней зарплате с США сокращается с 7,7 до 2,5 раз, с Германией – с 7,7 до 2,3 раза, с Норвегией – с 11,8 до 2,1 раза, Францией – с 5,7 до 2 раз [10].

В конечном счете отставание России по уровню средней заработной платы, даже с учетом перечисленных выше факторов, обусловлено отставанием в производительности труда. Если сравнить разницу в зарплатах между Россией и развитыми странами (по ППС), то она окажется сопоставимой с разницей в производительности труда (см. табл. 2). Какая производительность труда, такая и заработная плата.

Динамика минимального размера оплаты труда (МРОТ). С начала рыночных реформ динамика официального норматива МРОТ стала существенно отставать от роста цен на основные потребительские товары и услуги. В 1999 г. этот норматив составлял чуть более 8% от прожиточного минимума и лишь начиная с 2002 г. стал превращаться в более или менее значимую величину (см. рис. 5).

К концу 2017 г. отношение МРОТ к прожиточному минимуму составило около 74% (МРОТ равнялся 7,8 тыс. руб., а общефедеральный прожиточный минимум для трудоспособного населения – 10,6 тыс. руб.). По данным Обследования распределения заработной платы в организациях, проведенного Росстатом в апреле 2017 г., доля работников, получающих зарплату ниже прожиточного минимума для трудоспособного населения, составляла 7,3% (около 2 млн человек). Правда, это без учета неформальных заработков и вторичной занятости.

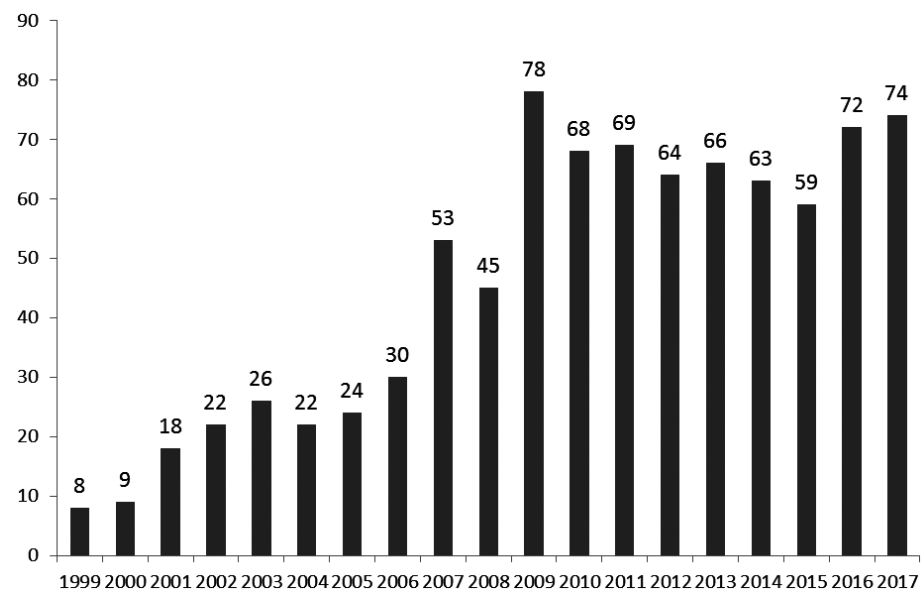
Важным показателем, характеризующим уровень заработков, является индекс Кейнца (отношение минимальной заработной платы к средней). В России он остается низким в сравнении с другими стра-

Таблица 2

Чистая заработная плата и производительность труда в России и некоторых странах мира

Страна	Чистая зарплата по ППС, долл. США	Индекс чистой зарплаты по ППС (Россия = 1)	Производительность труда (выработка ВВП в час по ППС в расчете на 1 занятого, долл. США)	Индекс производительности труда (Россия = 1)
Норвегия	3048	2,1	88	3,4
США	3541	2,5	67,4	2,6
Франция	2878	2,0	62,7	2,4
Германия	3248	2,3	62,3	2,4
Италия	2520	1,8	50,8	2,0
Канада	2727	1,9	50,7	2,0
Великобритания	2559	1,8	50,5	2,0
Россия	1425	1,0	25,9	1,0

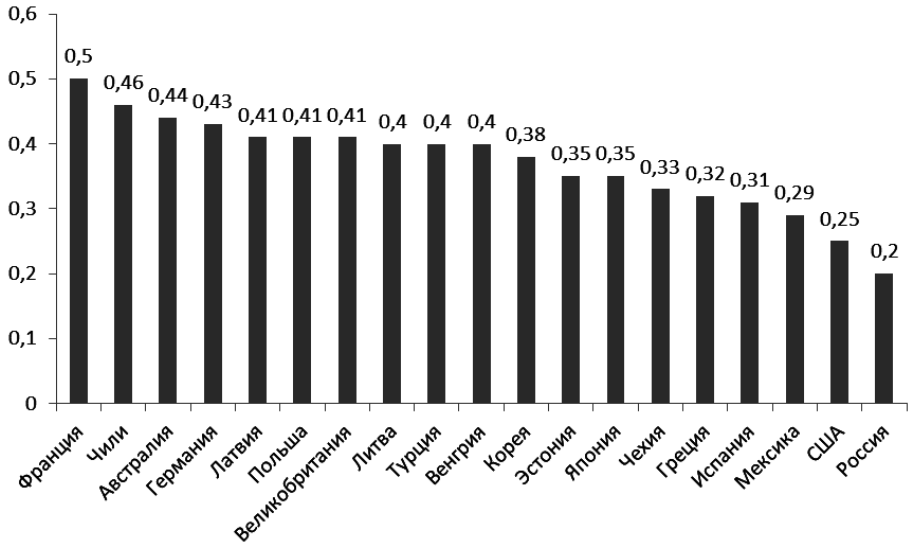
Источник: рассчитано автором по данным МВФ и Евростата за 2015 г.



Источник: рассчитано автором по данным Росстата за соответствующие годы.

Рис. 5. Соотношение минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума, в %, на конец года

нами (см. рис. 6). Кардинально не изменит ситуацию и повышение МРОТ до величины прожиточного минимума. Индекс Кейнца в этом случае едва ли превысит 0,3.



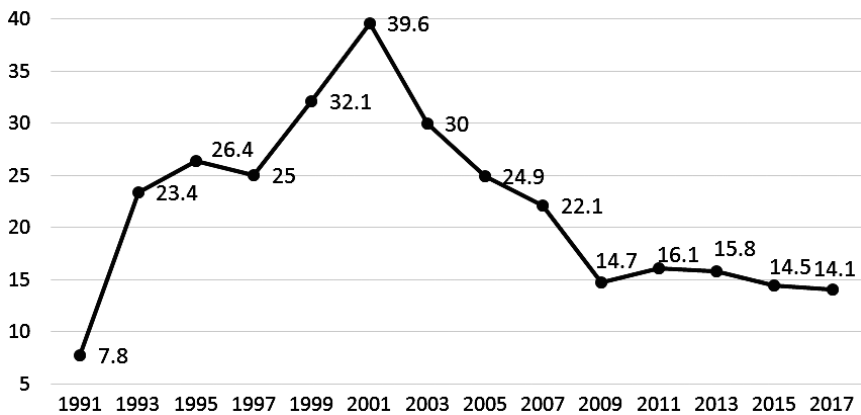
Источник: Евростат, Росстат.
Рис. 6. Отношение МРОТ к средней заработной плате в России и в некоторых странах мира

Более того, есть риск, что подтягивание МРОТ до прожиточного минимума спровоцирует попытки властей заморозить или даже занизить сам прожиточный минимум [5]. Как показала более чем двадцатипятилетняя практика российских реформ, пересмотр прожиточного минимума определялся не потребностями повышения минимально приемлемого уровня жизни низкодоходных групп населения, а соображениями целесообразности выделения ресурсов на эти цели. Единственный выход: использовать европейский опыт по привязке уровня низкооплачиваемости не к прожиточному минимуму, а к средней заработной плате или даже к медианной зарплате, например, две трети от медианы – такой показатель сегодня рассчитывается Росстатом.

В настоящее время реальный уровень восстановления покупательной способности минимальной зарплаты следует рассматривать с учетом скудной потребительской корзины и изменившегося социально-экономического контекста, в котором происходит воспроизводство работающего населения. Доступный объем услуг образования и здравоохранения, предоставляемых на бесплатной основе, существенно ниже реальных потребностей людей.

Динамика и факторы зарплатного неравенства

На старте рыночных реформ коэффициент фондов по заработной плате, отражающий соотношение 10% наиболее и наименее оплачиваемых работников, составлял немногим менее 8 раз, т. е. был примерно на том же уровне, что и в большинстве европейских стран, и существенно ниже, чем в таких развивающихся экономиках, как Бразилия, Чили. Первый резкий скачок наблюдался на начальном этапе реформ. Следующий скачок произошел после кризиса 1998 г., когда выход экономики на траекторию экономического роста сопровождался значительным усилением неравенства в заработной плате. Его пик был достигнут в 2001 г., когда коэффициент фондов был равен почти 40 (см. рис. 7). За нулевые годы зарплатное неравенство существенно сократилось: коэффициент фондов снизился в 2,5 раза – с 40 раз в 2001 г. до 16,1 раза в 2011 г. В 2017 г. этот коэффициент был равен 14,1 раза, что выше, чем в Европе, но примерно соответствует уровню неравенства в США [17].



Источник: Обследование распределения заработной платы в организациях (Росстат) за соответствующие годы.
Рис. 7. Динамика зарплатного неравенства (коэффициент фондов) за 1991–2017 гг.

Следует отметить, что коэффициент фондов рассчитывается в российской статистике без учета неформальных заработков. Обследование неформальной занятости, проведенное в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), показало, что заработки в неформальном секторе распределяются существенно менее равномерно, чем в формальном. Если в формальном секторе заработки тяготеют к центру, то в неформальном наблюдается более высокая концентрация низкооплачиваемых и высокооплачивае-

мых работников. Неформальность ведет к росту общего зарплатного неравенства на 2–3 процентных пункта [1, с. 347–348].

Вопреки имеющемуся в литературе мнению [2], снижение неравенства в оплате труда не всегда сопровождается ростом трудовых доходов основной массы работников. Если взять статистику Росстата за последние годы, то увидим, что в кризисные годы зарплатное неравенство продолжало стабильно, хотя и медленно снижаться. С 2011 по 2017 г. оно упало более чем на 10%. Но и реальная заплата в этот период также снизилась почти на 10%. Словом, одновременно произошло и сокращение неравенства в заработной плате, и падение заработков у подавляющей массы работников.

Сокращение неравенства может скрывать за собой различные процессы и поэтому каждый раз требует конкретных объяснений. С одной стороны, оно может быть результатом специальных мер социальной политики, таких как повышение МРОТ или пересмотр тарифных окладов при одновременном сжатии тарифной сетки. В этом случае происходит перераспределение общего фонда оплаты труда в пользу малооплачиваемых работников, что и наблюдалось в нулевые годы. С другой стороны, снижение неравенства может быть результатом объективных процессов, следствием неравномерности спада трудовых доходов у различных групп работников во время экономического кризиса. Этот процесс мы наблюдали во время кризиса.

Период восстановительного роста характеризовался неравномерными темпами изменений в оплате труда работников, принадлежащих к разным децильным группам. В 2001 г. наибольшими темпами росла заработная плата относительно высокооплачиваемой части рабочей силы, что привело к резкому, скачкообразному росту зарплатного расслоения. В 2002 г. начался компенсационный процесс: стала расти заработная плата в низших децильных группах. За период с 2001 по 2017 г. номинальная заработная плата у наименее оплачиваемых работников первой децильной группы выросла в 32 раза, а у наиболее высокооплачиваемой десятой группы в 11,4 раза (см. табл. 3). Таким образом, дифференциация заработной платы постепенно уменьшается и корректируется, хотя пока не вписывается в пропорции, характерные для социально ориентированных рыночных экономик.

Оценивая процесс повышения заработной платы и относительный выигрыш, который получает каждая из децильных групп, необходимо принимать во внимание, что за равными темпами повышения заработной платы скрываются многократно различающиеся размеры ее абсолютного прироста. Так, прирост в самой высокооплачиваемой группе (115,8 тыс. руб.) в 13 раз превышает прирост в низшей группе (8,7 тыс. руб.) (см. табл. 3). К тому же позитивная тенденция подтягивания минимального уровня оплаты труда до социально-приемлемой вели-

Таблица 3

Динамика средней номинальной заработной платы по 10%-ным группам работников (руб.)

Группа работников	Прирост зарплаты		
	2017/2001, в тыс. руб.	2017/2001, в разах	2017/2011, в разах
Первая	8,7	32,0	1,93
Вторая	13,1	23,6	1,93
Третья	16,8	19,1	1,87
Четвертая	20,5	17,4	1,82
Пятая	24,4	16,1	1,78
Шестая	28,9	15,4	1,76
Седьмая	34,6	14,6	1,74
Восьмая	42,4	13,6	1,73
Девятая	55,0	12,1	1,71
Десятая	115,8	11,4	1,63

Источник: рассчитано автором по данным выборочных обследований Росстата за соответствующие годы.

чины в значительной мере перекрывается негативным эффектом стремительной коммерциализации социальной сферы и роста дифференциации доходов. Даже исследователи из Высшей школы экономики, в целом благоприятно оценивающие рыночные реформы, вынуждены признать, что 40% населения испытало снижение реальных доходов: у 20% самых бедных их уровень упал в 1,45 раза (сравниваются 1990-й и 2009-й годы), еще у 20%, примыкающих к ним, – в 1,2 раза. У каждого пятого россиянина уровень доходов остался таким же, как накануне распада СССР, а доходы 20% самых обеспеченных выросли вдвое, еще у 20% – на четверть [15, с. 86].

Поскольку в России рост средней заработной платы в значительной мере происходит за счет наиболее высокооплачиваемых групп, большинство работающего населения страны получает заработную плату ниже среднего уровня. В этой связи о реальном положении работников более точно позволяет судить показатель медианной заработной платы, отсекающий половину населения с более низким уровнем дохода от занятости по найму. Медианная зарплата, как правило, ниже средней. Однако в экономике с относительно равномерным распределением доходов разрыв средней заработной платы и медианы составляет не более 15–20% [13]. Динамика медианной зарплаты на протяжении периода реформ и ее соотношение со средней зарплатой и с прожиточным минимумом представлены в табл. 4. В преддверии реформ в российской

экономике медианная зарплата составляла примерно 85% от средней. В начальный период реформ произошло резкое падение медианных заработков – до 62%. В первые годы восстановительного роста позиции медианной зарплаты еще более ослабли. В 2001 г., который характеризовался пиком неравенства по заработной плате, медиана «просела» до 58,6% от средней. В дальнейшем этот провал был отчасти скомпенсирован, но тем не менее медиана так и не вернулась на позиции начала 1990-х годов. Еще на более низком уровне находится модальная заработная плата, т. е. зарплата, которую получают наибольшее число работников. В 2017 г. она составляла 45,3% (17,6 тыс. руб.).

Таблица 4

Относительная динамика средней заработной платы, медианной заработной платы и прожиточного минимума

Год	Медианная зарплата / средняя зарплата, в %	Средняя зарплата / прожит. минимум	Медианная зарплата / прожит. минимум
1991	84,7	3,7	3,1
1997	66,4	1,9	1,4
1999	62,2	1,5	0,9
2001	58,6	2,0	1,2
2003	63,4	2,4	1,5
2005	69,9	2,4	1,7
2007	70,8	3,0	2,2
2009	72,1	3,3	2,4
2011	71,8	3,2	2,3
2013	72,2	3,7	2,7
2015	73,6	3,1	2,3
2017	72,9	3,5	2,5

Источник: рассчитано автором по данным выборочных обследований работников предприятий и организаций по проблемам оплаты труда Росстата за соответствующие годы.

Сопоставление медианной заработной платы и прожиточного минимума показывает, что покупательная способность зарплаты половины работающего населения страны за период реформ упала и в настоящее время составляет 2,5 прожиточных минимума. Иными словами, социально-экономическое положение большинства населения страны фактически улучшалось существенно медленнее, чем демонстрируют средние показатели, смещенные в пользу наиболее благополучных высокодоходных групп.

Спецификой российской модели оплаты труда является не просто высокий уровень неравенства, а его деформированный характер [12, с. 160–179]. В конфигурации факторов, воздействующих на зарплату российских работников, внутренние факторы, играющие ведущую роль в западных моделях (образование, квалификация, опыт работы), имеют меньшее значение. Доминирующее значение приобретают внешние по отношению к работнику факторы: сектор экономики (экспортно ориентированный или обрабатывающий); регион (нефтегазовый, сельскохозяйственный или с преобладанием военно-промышленного комплекса); размер и местоположение населенного пункта, финансовое состояние предприятия. Отраслевые различия играют более заметную роль в сравнении с квалификационными.

Существует также сильная внутренняя зависимость между благополучием отрасли, региона и предприятия. Наиболее благополучными являются регионы, богатые топливно-энергетическими ресурсами, где получили развитие отрасли ТЭК. Успешные предприятия также сконцентрированы преимущественно в этих отраслях и регионах, а также в столичных мегаполисах, где концентрируются финансовые и посреднические виды деятельности.

На уровне предприятия действует система оплаты труда, когда в структуре заработка его переменная часть может в разы превышать гарантированную (тариф). В этих условиях идентичные группы работников, даже в пределах одного региона или города, могут за аналогичный труд получать разную зарплату. Тем самым оплата труда утрачивает свое основное предназначение меры труда. Ее величина больше говорит о том, как устроился человек, чем о его квалификации, образовании и опыте. Такая ситуация диктует поведение работника – заниматься не столько повышением квалификации, сколько поиском предприятия, где больше платят.

Особенностью России является гипертрофированное значение межрегиональных различий в оплате труда [3, с. 298–304]. Во Франции (самой большой западно-европейской стране) разрывы между крайними регионами составляют 1,6 раза. В США и Канаде разрыв несколько больше – примерно 2 раза. В России при среднемесячной зарплате по стране в 2016 г. 36,7 тыс. руб. в Ямало-Ненецком округе работник получил 83,2 тыс. руб., а в Дагестане – 20,6 тыс. руб., т. е. разрыв в 4 раза. Безусловно, такая дифференциация зарплат связана с отраслевой спецификой регионов: Ямало-Ненецкий округ – это добыча нефти и сопутствующая деятельность, а Дагестан – сельское хозяйство, мелкий бизнес. Среднедушевой валовой региональный продукт в результате отличается в 18 раз.

На протяжении 2000-х годов межотраслевая дифференциация зарплаты претерпела некоторые изменения. К позитивным тенденциям

следует отнести то, что в лидеры по темпам роста заработной платы выдвинулись отрасли социальной сферы – здравоохранение и образование. Однако, несмотря на ощутимый рост уровня заработков в этих отраслях, значительная часть их прироста связана с увеличением трудовой нагрузки работников [8]. В целом же по-прежнему сохраняется ситуация, при которой экономическое положение отраслей слабо коррелирует с квалификацией занятых в них работников и не соответствует относительной сложности применяемого труда.

Современное российское законодательство практически не регулирует вопросы оплаты квалифицированного труда. Оно ориентировано преимущественно на размер минимального уровня оплаты труда. Данные обследований, проводившихся ИЭ РАН на протяжении 10 лет по одному и тому же кругу предприятий, выявили две основные тенденции во внутрифирменной дифференциации оплаты труда. Во-первых, происходил рост разрыва между оплатой труда руководителей предприятия (администрации) и основной массы работников, что означает усиление статусной дифференциации. Во-вторых, существовала устойчивая тенденция сближения заработков квалифицированных и неквалифицированных работников [12, с. 170–172]. Нечто подобное мы наблюдаем сегодня с системой должностных окладов в науке и образовании: теряется «порог чувствительности» при переходе от разряда к разряду, от менее квалифицированного к более квалифицированному труду. Между тем обеспечение нормальной отдачи на образование хотя и является фактором неравенства, но положительно влияет на стимулы к накоплению и обновлению человеческого капитала и в конечном счете – на темпы экономического роста.

Таким образом, оплата труда в стране одновременно страдает как от «переизбытка» неоправданной дифференциации, так и от недостатка дифференциации там, где она действительна нужна [11]. Поэтому следует ставить вопрос не только о снижении уровня дифференциации до некоего «нормального», но и об изменении качества дифференциации, а именно придания ей профессионально-квалификационного характера.

Выводы

Исследование динамики заработной платы на протяжении 2000-х годов позволяет сделать следующие выводы.

1. Достигнутая в России доля оплаты труда в ВВП в целом соответствует принятым в мире нормам и дальнейший ее рост вряд ли можно считать целесообразным. Поэтому основные усилия должны быть направлены на обеспечение устойчивого роста ВВП, что приведет к повышению абсолютных размеров фонда оплаты труда даже при неизменной его доле.

2. Относительно низкий по сравнению с развитыми странами уровень зарплат в стране обусловлен прежде всего отставанием по уровню производительности труда. Если сравнить разницу в зарплатах между Россией и развитыми странами по ППС, она окажется сопоставимой с разницей в производительности труда.

3. Восстановительный рост оплаты труда в нулевые годы вывел значительную часть работающего населения из зоны бедности. Однако на сегодняшний день проблема работающих бедных по-прежнему остается актуальной. Сопоставление прожиточного минимума с медианной заработной платой показывает, что трехкратное падение покупательной способности большинства населения в период первого десятилетия реформ не компенсировано до сих пор. Медианная зарплата едва достигает двух с половиной прожиточных минимумов.

4. В результате позитивных изменений в соотношении заработной платы по видам экономической деятельности несколько укрепились позиции квалифицированных работников, занятых в ключевых отраслях нематериального производства, ответственных за развитие человека – в образовании, здравоохранении, культуре. В то же время рост заработков специалистов социальных отраслей сопровождается значительным увеличением трудовой нагрузки.

5. Несмотря на существенное сокращение различий в заработной плате, уровень ее дифференциации остается высоким, по мировым меркам, а ее критерии не отвечают требованиям современной экономики, поскольку слабо учитывают индивидуальные характеристики работников, что негативно сказывается на выполнении заработной платой своих основных функций.

6. Для исправления перекосов необходимо, во-первых, усилить зависимость заработной платы от квалификационных характеристик работников, укрепить зарплатные позиции квалифицированного труда, обеспечив нормальную отдачу на человеческий капитал; во-вторых, сбалансировать верхние и нижние параметры заработков, т. е. усилить перераспределительные процессы, в том числе через налоговые механизмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
2. *Воейков М.И., Анисимова Г.В.* Тренды экономического роста и неравенства на постсоветском пространстве // Общество и экономика. 2015. № 3. С. 26–46.
3. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / Под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
4. *Иноземцев В.* Краткий курс рубля // Новая газета, 23 октября 2008 г.

5. *Ляшок В.* Повышение МРОТ: плюсы и минусы // Economy Times. 19 мая 2017 г.
6. *Миронов С.М.* Экономика несправедливости. М.: Ключ-С, 2015.
7. *Погосов И.А.* Тенденции воспроизводства в России и проблемы модернизации экономики. М.; СПб.: Нестор-История, 2012.
8. *Ржаницына Л.С.* Без стимулирования труда не поднять его производительность // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 5.
9. *Роик В.Д.* Труд и качество трудовой жизни: практика и теория регулирования в западных странах и России. М.: Проспект, 2017.
10. *Соболев Э.Н.* Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы и российские реалии. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2017.
11. *Соболев Э.Н.* Социальная политика в сфере труда: критерии эффективности и направления модернизации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 2. С. 32–46.
12. *Соболев Э.Н.* Трудовые отношения в свете российских трансформаций (XX – начало XXI в.). М.: ИЭ РАН, 2012.
13. *Соболев Э.Н., Соболева И.В.* Тенденции и факторы дифференциации заработной платы в современной России // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 5. С. 33–50.
14. Социально-экономическая защищенность населения столицы, занятого в малом бизнесе / Под ред. И.В. Соболевой. М.: ООО «ЭсПэХа», 2016.
15. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
16. *Чепуренко А.Ю., Обыденнова Т.Б.* Социально-трудовые отношения в российском малом предпринимательстве и возможности государственной политики. М.: РНИСиНП, 2000.
17. Global Wage Report 2016/17: Wage inequality in the workplace. Geneva: ILO, 2016.

ABOUT THE AUTHOR

Eduard Nenevich Sobolev – Doctor of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. edsobol@rambler.ru

REMUNERATION OF LABOR IN THE RUSSIAN ECONOMY:
TRENDS AND CHALLENGES

The article gives an assessment of the current state of remuneration of labor in Russia, including in comparison with the situation in other countries of the world. The dynamics of the share of labor remuneration in GDP has been analyzed, the relationship between the level of wages and labor productivity has been revealed. The average, median and minimum wages have been compared with the subsistence minimum during the reform period. It has been s shown that high, by world standards, wage differentiation weakly takes into account individual characteristics, which negatively affects the performance of its basic functions.

Key words*: share of labor remuneration in GDP, real wages, minimum wage, subsistence minimum, median salary, wage inequality, coefficient of funds.*

JEL: D33, E24, J30, J31, J38.

Вестник Института экономики Российской академии наук
5/2018

С. МИТРОВИЧ
доктор экономических наук,
Университет в г. Нови-Сад, Республика Сербия

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ (конец XX – начало XXI вв.)

В статье рассмотрены основные этапы внедрения информационных технологий в сферу экономического анализа хозяйственной деятельности организаций в России и за рубежом. Показано, что появление новых информационных технологий способствовало усовершенствованию процессов экономического анализа деятельности хозяйствующих субъектов, привело к появлению стандартных решений в разных отраслях. Однако эволюция концептуальных основ информационных технологий и практики внедрения их в экономический анализ хозяйственной деятельности предприятий в 80-е годы XX в. привела к возникновению и негативных факторов, которые рассмотрены в статье. С целью их нейтрализации необходимы дальнейшие междисциплинарные исследования в данной области, а в качестве одного из самых перспективных направлений является развитие бизнес-интеллекта и создаваемых на его основе систем.

Ключевые слова: *экономический анализ, методология экономического анализа, современные информационные технологии, бизнес-интеллект, экономическая деятельность*.

JEL: C81, L86, M15, M21, O31, P47.

Начало XXI в. можно охарактеризовать как период зарождения информационной цивилизации в результате эволюции и непрерывной трансформации информационно-компьютерных технологий и их применения во всех сферах жизнедеятельности человека. Информационные технологии (ИТ) играют огромную роль в современной экономике, которая без них уже не может нормально и стабильно развиваться. Это связано с тем, что, как указывают специалисты [1, с. 70], ИТ и экономика представляют собой две тесно связанные сферы, которые в совокупности позволяют достигнуть более высокого экономического эффекта и положительного производственного результата.

В контексте проводимого исследования обратимся к понятию информационных технологий применительно к сфере их использо-

вания и особенностям применения в экономической деятельности. В настоящей статье под информационными технологиями мы подразумеваем комплексную систему методов, процессов и инструментов автоматизации информационных потоков в экономической сфере, в том числе непосредственно в области экономического анализа, включая вопросы бухгалтерского и статистического учета и финансовой отчетности организаций. Информационные технологии играют важную стратегическую роль в управлении хозяйственной деятельностью организаций и предприятий, в особенности в процессах наблюдения, контроля и оценки за экономической деятельностью, которые охватывает сфера информационного обеспечения экономического анализа. И эта роль постоянно возрастает, находясь в пропорциональной зависимости от развития научно-технического прогресса [1, с. 71].

Рассматривая эволюцию применения информационных технологий в экономическом анализе, следует отметить, что изменение отношения к ИТ-технологиям наметилось в зарубежной практике еще в 60-е годы XX в. Именно в тот период хозяйствующим субъектам потребовалось компьютерное оборудование и программное обеспечение, которое способно выполнять множество взаимосвязанных функциональных задач.

В 70-е годы XX в. предметом активного изучения исследователей становится не столько процесс автоматизированной обработки экономической информации с использованием новых информационных средств и технологий, сколько дальнейшее развитие методологических основ бухгалтерского учета с применением средств его автоматизации и информатизации, в том числе вопросы применения системного подхода к бухгалтерскому учету, использования процессов моделирования в методологии бухгалтерского учета, разработки на этой основе основных условий и критериев эффективности информационного обеспечения бухгалтерского учета, требований к современным формам реализации бухгалтерской деятельности в условиях применения банка данных и информатизации аналитической деятельности [2, с. 4]. Возрастающие в этот период возможности все более широкой интеграции ИТ в сферу бухгалтерского и статистического учета требовали более глубокого исследования указанных направлений. Внимание научного сообщества было направлено на анализ проблемы использования компьютерного оборудования и программного обеспечения для повышения эффективности системы управления хозяйственной деятельностью организаций, для осуществления комплексного экономического анализа.

В результате в 1980-е годы информационные технологии в экономическом анализе, бухгалтерском и статистическом учете хозяйственной деятельности субъектов начинают активно использоваться

в интегрированном виде (преобразуясь в информационные системы), т. е. не только как средства обеспечения аналитической деятельности, но и как инструменты контроля и принятия управленческих решений. Формируются два основных направления внедрения ИТ в сферу экономического анализа, бухгалтерской деятельности и статистического учета. Первое направление связано с унификацией всей бухгалтерской и статистической информации, второе – с сопровождением специфических потребностей отдельных блоков учета. Практика деятельности различных хозяйствующих субъектов в России и за рубежом подтвердила право на существование обоих направлений, ставя перед организациями проблему выбора необходимой методологии [3, с. 54]. По мнению специалистов, именно на данном этапе была создана «качественно новая ситуация в бухгалтерском учете», создавшая «новые возможности для практической реализации его методологических принципов, их дальнейшего развития» [2, с. 5]. Это сформировало прочный фундамент для последующего развития процессов внедрения ИТ в практику аналитического сопровождения деятельности организаций.

К концу 1980-х годов концепция использования ИТ-технологий в исследуемой области вновь претерпевает изменения, что позволяет рассматривать их уже как стратегический источник информации, используемый на различных уровнях деятельности организации любой отраслевой направленности и размера [4, с. 19–21]. Начинается массовое внедрение новых апробированных информационно-технологических решений, обладающих расширенными возможностями, как в практику управления в целом, так и в экономический анализ, бухгалтерский и статистический учет.

Однако несмотря на развитие теории и практики внедрения информационных технологий в 80-е годы XX в., возникает ряд негативных факторов. Во-первых, существующие в тот период системы обработки данных являлись достаточно дорогостоящими для многих, особенно малых и средних, субъектов бизнеса, а их эксплуатация и поддержка – крайне трудоемкой и финансово затратной. Во-вторых, информационные решения и системы все еще характеризовались недостаточно развитыми диалоговыми инструментами, облегчающими работу с ними для конечного пользователя, его обучение и внедрение ИТ в аналитический процесс, что затрудняло внедрение передовых ИТ-решений, для эксплуатации которых требовалось длительное обучение персонала. Это приводило к усложнению процесса внедрения, ставило под сомнение результаты внедрения современных информационных технологий и приводило к финансовым потерям компаний, внедряющих ИТ-решения и системы, функциональные возможности которых на практике полноценно не использовались. В-третьих, несмотря на отдельные успешные попытки интеграции системы учета и анализа

информации в единую систему, этот концепт был реализован на недостаточно доступном для конечных пользователей – аналитиков, бухгалтеров, статистиков и экономистов – уровне. На этом этапе внедрения ИТ в сферу экономического анализа хозяйственной деятельности организаций на практике было достаточно затруднительно полноценно и массово разрабатывать, внедрять и модифицировать комплексные интегрированные системы для автоматизации и их информатизации, с учетом требований различных организаций.

Все перечисленные выше обстоятельства привели к появлению в 80–90-е-х годы XX в. концепции перехода к централизованному хранению данных, систематизированных и структурированных в соответствии с определенными параметрами и запросами, для их последующего анализа и эффективного управления экономической деятельностью компании [5, с. 248–249]. За последующие 25 лет идеи централизованного хранения данных (в так называемых «хранилищах данных») получили существенное развитие, приведшее к тому, что в сегодняшней науке и практике речь идет о целом комплексе механизмов, которые в совокупности получили название «системы бизнес-интеллекта» (Business Intelligence, BI).

Начало современного, так называемого нового поколения информационных технологий исследователи относят к концу 1990-х – началу 2000-х гг. Основным его отличием от ранее существовавших поколений является не просто интеграция различных технологий и средств информатизации, а объединение различных типов ИТ и другого рода технологий (например, мобильной связи и т. д.) в единый компьютерно-технологический комплекс, который получил название интегрированного, выступая основой реализации самых разнообразных процессов в экономической деятельности организаций. Становится очевидным, что в экономике информационные технологии могут быть применимы не только для решения отдельных задач в области экономического анализа, отечности и учета. Новое поколение информационных технологий ориентировано на технологическое взаимодействие совокупности объектов, образуемых устройствами передачи, обработки, накопления, хранения и защиты данных. Новые технологии представляют собой интегрированные компьютерные системы обработки данных большой сложности, практически неограниченных эксплуатационных возможностей для реализации аналитико-управленческих процессов в экономике: от оперативной текущей работы с экономической информацией до анализа экономических ситуаций, их моделирования и прогнозирования [5, с. 248–249].

В то же время нельзя отрицать тот факт, что в современных условиях усложнения и интеграции ИТ снижается значимость информационных технологий как средства создания конкурентных преимуществ

экономических субъектов. Эта тенденция определяется рядом объективных обстоятельств: в первую очередь тем, что развитие информационных технологий в сфере экономического анализа хозяйственной деятельности организаций протекает по модели, приближенной к эволюции данных технологий в других сферах. В постиндустриальный период информационные технологии становятся общедоступными и стандартизированными, приобретают возможности и потенциал, часто превышающий потребности большинства организаций в совершенствовании процессов экономического анализа. В целом одинаковая доступность ИТ для всех хозяйствующих субъектов означает, что инвестиции в них не создают конкурентных преимуществ. Расходы на информационные технологии, как и на иные инфраструктурные технологии, сегодня рассматриваются как обычные операционные расходы организации, а сами ИТ становятся товарным ресурсом [6, с. 44]. Все чаще складывается ситуация, когда, инвестируя существенные средства в новые усложняющиеся информационные технологии, обеспечивающие большую результативность, комплексность охвата и оперативность обработки, высокую степень прогнозирования в сфере экономического анализа, организации не успевают при этом получить ожидаемые преимущества из-за сокращения так называемого репликативного цикла технологии – то есть времени, необходимого другим хозяйствующим субъектам для ее копирования, апробации и адаптации к специфическим условиям своей организации.

Этот показатель, по мнению специалистов, имеет важнейшее значение в экономической деятельности современных предприятий и организаций [7, с. 14]. Появление новых информационных технологий способствовало изменениям в деятельности хозяйствующих субъектов и существенному усовершенствованию процессов информационного и аналитического сопровождения экономического анализа деятельности организаций. Это привело к появлению стандартных ИТ-решений в разных отраслях для реализации аналитических процедур с учетом определенных модификаций, в зависимости от конкретной цели и области использования. Когда репликативный период сокращается, у организаций объективно не остается времени и возможности воспринимать и полноценно использовать новые информационные технологии.

Понимание возможностей новых ИТ по трансформации или созданию новых видов экономической деятельности является еще одним источником потенциальных преимуществ, связанных с внедрением новых ИТ в сферу бухгалтерского и статистического анализа [7, с. 15]. Однако при все более ускоряющемся прогрессе в ИТ-области хозяйствующие субъекты зачастую не способны успеть за информационным потоком не только в области развития методологии и практики применения новых

ИТ в отдельной сфере, но и в теории. Также нужно отметить тот факт, что далеко не все компании способны своевременно и на постоянной основе осуществлять долговременную поддержку (более 2 лет) обновлению информационных решений и систем, так как многие из них нацелены на получение быстрого результата, предполагающего быстрые единовременные вложения. Также специалистами отмечается, что в условиях существующего разнообразия форм и типов хозяйствующих субъектов и осуществляемых ими видов экономического анализа хозяйственной деятельности, каждый из них имеет свою определенную степень чувствительности (высокую, среднюю, низкую) к конкретным ИТ-решениям, а также к другим факторам или их сочетаниям [8, с. 32; 9, с. 77].

Систематизируя исследования специалистов [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16], мы пришли к выводу, что в целом возможности и успех внедрения ИТ в сферу экономического анализа хозяйственной деятельности организации зависит от множества факторов. Для успешного внедрения и использования ИТна практике, как правило, необходимо реализовать комплекс организационных мер, в частности:

– определить стандарты работы для подразделений, ответственных за реализацию экономического анализа;
– осуществить нормирование операционной деятельности;
– обучить персонал в сфере применения ИТ в области экономического анализа;
– изменить алгоритмы взаимодействия между подразделениями организации, филиалами, а, при необходимости, также с контрагентами;
– определить конкретные механизмы получения результатов от совершенствования процесса реализации экономического анализа с использованием новых возможностей.

Одним из существенных ограничений в определении конкретных механизмов получения результатов от совершенствования процесса является необходимость адаптировать стандартное ИТ-решение к условиям предметной деятельности организации, определить конкретные методологии и методы их внедрения в практическую деятельность, пошаговое планирование этого процесса. В рамках этой задачи конкретный хозяйствующий субъект должен самостоятельно установить способы измерения и критерии успешности внедрения информационных систем или комплекса технологий и их влияния на результаты экономического анализа и бизнес-процессы организации. Результативность внедрения информационных технологий и степень их влияния на показатели экономического анализа будут определяться способностью менеджмента превратить снижение трансакционных издержек в увеличение дохода или снижение затрат в экономической деятельности организации [7, с. 15].

Таким образом, современные информационные технологии коренным образом повлияли на хозяйственную деятельность организаций в различных сферах экономики. И если первоначально информационные технологии, процессы автоматизации рассматривались исключительно как средство повышения эффективности труда, то их дальнейшее развитие продемонстрировало кардинальное изменение их роли в экономической деятельности. Прогресс в ИТ-сфере оказался настолько стремительным и обширным, что информационные технологии к настоящему моменту изменили сущность самих бизнес-процессов, создавая как новые продукты и услуги, так и целые высокодоходные сферы экономики и бизнеса.

Однако следует признать, что в экономической деятельности современных предприятий возможности интегрированных ИТ-решений в области экономического анализа на практике не используются в той степени, в которой это было бы возможно, исходя из теории. Новейшие возможности ИТ в аналитическом учете хозяйственной деятельности и управлении экономическим субъектом остаются все еще областью с потенциалом для более широкого применения со стороны специалистов финансовых, бухгалтерских и статистических отделов, а также отделов контроля и руководителей предприятий.

Как показывают результаты нашего исследования, современные информационно-компьютерные технологии и разработанное программное обеспечение в экономическом анализе российских предприятий еще недостаточно апробированы на практике. Это требует дальнейшего методологического осмысления новых возможностей ИТ, практической аккумуляции имеющегося опыта и более обширной и глубокой практической апробации ИТ в экономической сфере деятельности предприятий. Этот вывод позволяет определить необходимость дальнейших исследований взаимосвязей типов информационных систем с формами и типом организации, видами деятельности и операций в сфере экономического анализа хозяйственной деятельности с конечными бизнес-результатами организаций и возможными экономическими рисками.

Сегодня развитие информационных систем компьютерной обработки, накопления и хранения информации создает новую, весьма обширную информационную базу, которая служит катализатором развития новых методов и инструментов поиска и принятия решений при реализации экономического анализа [1, с. 72]. Одним из подобных инструментов выступает бизнес-интеллект и создаваемые на его основе системы и решения как средства преобразования и совершенствования процессов, протекающих в экономической деятельности организаций.

Предпосылки появления технологии бизнес-интеллекта связаны не только со стремительным ростом информационных потоков в эко-

номической сфере, создавшим ситуацию, в рамках которой бизнес-деятельность как крупных, так и средних, и даже малых предприятий, к концу XX в. фактически невозможно было представить без внедрения процессов автоматизации и управления данными. Параллельно в деятельности хозяйствующих субъектов возникли многочисленные проблемы. Широкий спектр систем автоматизации, функциональные свойства которых сильно различаются, бессистемное хранение данных – все это неизбежно приводило к отсутствию единого и однозначного взгляда на управленческую информацию [17, с. 41; 5, с. 248–249].

Не надо забывать и про человеческий фактор. Во многих, даже крупных, компаниях, задача получения необходимого отчета на начальной стадии автоматизации (а в ряде случаев и на других стадиях) достаточно часто реализовывалась с участием только двух профилей специалистов: программистов, обеспечивающих необходимые запросы к базам данных, и экономистов, предпринимающих усилия, направленные на то, чтобы с помощью работы с электронными таблицами и простейшими инструментами систематизации, обобщить и представить эти данные в необходимом для эффективной управленческой деятельности виде. Подобная модель взаимодействия неизменно приводила к эффекту «испорченного телефона», снижая результативность аналитической деятельности, а также требовала существенных временны́х затрат. При этом ни один из специалистов не мог утверждать, что владеет полной картиной в области анализируемых и обрабатываемых данных, что ставило закономерный вопрос об их достоверности и потенциале для управленческого звена компании [18, с. 12]. В таких обстоятельствах трудно реализовывать дальнейшие этапы работы с информационными данными, полученными путем статистического и бухгалтерского учета. Речь идет о моделировании различных сценариев экономической ситуации, об отслеживании влияния одних показателей деятельности компании на другие, о прогнозировании тенденций развития организации, проведении сравнительного анализа экономических показателей и об отображении различных срезов данных [19, с. 5].

Развитие информационных систем сегодня служит катализатором развития новых методов и инструментов поиска и принятия решений при реализации экономического анализа. В рамках нашего исследования мы пришли к выводу, что одним из самых перспективных направлений в области дальнейшего совершенствования экономического анализа хозяйственной деятельности организаций через применение современных информационных технологий выступает бизнес-интеллект и создаваемые на его основе системы, которые обеспечивают консолидацию информации для выявления общих тенденций в экономических процессах, понимания ситуации и выработки на основе полученных знаний эффективных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Муталляпова Ш.Е.* Применение информационных технологий в экономике // Вестник Инновационного Евразийского Университета. 2012. № 3 (47). С. 70–73.
2. *Палий В.Ф., Соколов Я.В.* АСУ и проблемы теории бухгалтерского учета. М.: Финансы и статистика, 1990.
3. *Соколова Г.Н.* Информационные технологии экономического анализа: Метод. пособие для специалистов. М.: Экзамен, 2015.
4. *Хмельницкая И.В.* Теоретические основы информационных систем в экономике и управлении. Минск.: Белорусский государственный университет, 2016. В 2 ч. Ч. 1.
5. Управление эффективностью бизнеса. Концепция Business Performance Management / Е.Ю. Духонин, Д.В. Исаев, Е.Л. Мостовой и др. / Под ред. Г.В. Генса. М.: Альпина Бизнес Букс, 2013. С. 248–249.
6. *Карр Н.* Блеск и нищета информационных технологий. М.: Секрет фирмы, 2005.
7. *Карпычев В.Ю.* Эволюция информационных технологий: экономический анализ // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 7. С. 13–20.
8. *Pisello T., Strassmann P.* IT Value Chain Management – Maximizing the ROI from IT Investments. N.Y.: Information Economics Press, 2003.
9. *Smith H., Fingar P.* IT Doesn't Matter // Business Processes Do. N.Y.: Meghan-Kiffer Press, 2003.
10. *Коршикова А.Ю.* Эволюция системы аналитических показателей деятельности организаций // Экономический анализ: теория и практика. 2003. № 12. С. 73–84.
11. *Любушин Н.П.* Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
12. *Цветков В.Я., Воинов А.И.* Транзакционные издержки при внедрении информационных технологий и систем // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 4. С. 114–116.
13. *Balina S., Zukarita R.* Opportunities for the Use of Business Data Analysis Technologies // Economics and Business. 2016. № 28(1). P. 20–25.
14. *Darmont J.* Utilizing Big Data Paradigms for Business Intelligence. Lyon: Université Lumière Lyon, 2018.
15. *Pizana J.E.* Applications of Conscious Innovation in Organizations. – Mexico: Tecnológico de Monterrey University, 2018.
16. *Wang Sh. Wang J.* Business Intelligence in Economic Forecasting: Technologies and Techniques. Beijing: Chinese Academy of Science, 2016.
17. *Домрачева А.А., Сайбель Н.Ю.* Business Intelligence в экономике // Концепт. 2017. № 2. С.41–46.
18. *Williams S., Williams N.* The Profit Impact of Business Intelligence. K.: Morgan Kaufmann, 2014.
19. *Shaw A.* Business Performance Management: Gaining Insight and Driving Performance. N.Y. Hyperion Solutions Corp., 2003.

ABOUT THE AUTHOR
Stanislav Mitrovic – Doctor of Economics (PhD), University of Novi Sad, Republic of Serbia.
stanislavmitrovich@yandex.ru

EVOLUTION OF THE APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE ECONOMIC ANALYSIS OF THE ECONOMIC ACTIVITIES OF ORGANIZATIONS (THE END OF THE 20TH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY)

In the article the main stages of introduction of information technologies in the sphere of economic analysis of economic activity of organizations in Russia and abroad are considered. It has been shown that the emergence of new information technology contributed to the improvement of the processes of economic analysis of economic entities, led to the emergence of standard solutions in different industries. However, the evolution of the conceptual foundations of information technologies and the practice of their introduction into the economic analysis of the economic activities of enterprises in the 80s of the 20th century, led to occurrence of negative factors as well, which have been considered in the article. With a view to neutralizing them, further interdisciplinary research is needed in this area, and, as one of the most promising areas, is the development of business intelligence and of systems, based on it.

Keywords: *economic analysis, methodology of economic analysis, modern information technologies, business intelligence, economic activity.*
JEL: C81, L86, M15, M21, O31, P47.

Вестник Института экономики Российской академии наук
5/2018

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Б.А. ХЕЙФЕЦ
доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН,
профессор ФГОБУВО Финансовый университет при Правительстве РФ

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ ЕАЭС И АСЕАН[1]

В статье рассматриваются предпосылки принятия комплексного соглашения о свободной торговле ЕАЭС – АСЕАН и конкретные пути его подготовки. Показаны проблемы, которые возникали при подготовке и реализации подобного соглашения с Вьетнамом, а также нового соглашения с Сингапуром. Отмечается, что АСЕАН готов к либеральному экономическому партнерству, в то время как ЕАЭС – лишь к ограниченному и мягкому соглашению о зоне свободной торговли. Предлагаются возможные варианты активизации взаимного сотрудничества в формате ЕАЭС – АСЕАН.

Ключевые слова: *ЕАЭС, АСЕАН, зона свободной торговли, региональная интеграция, экономическое мегапартнерство, инвестиционная зона.*

JEL: F14, F15, F21, F53.

Экономический и интеграционный потенциал АСЕАН

Идея создания современных экономических партнерств возникла у российского руководства в конце 2015 г., когда 12 стран уже пришли к согласию по Транстихоокеанскому партнерству (ТТП) и активно велась подготовка к другим подобным соглашениям. В частности, В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ заявил: «Предлагаю вместе с коллегами по Евразийскому экономическому союзу начать консультации с членами ШОС и АСЕАН, а также с государствами, которые присоединяются к ШОС, о формировании возможного экономического партнерства» [1].

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке (РФФИ) РГНФ №16-27-09001 «Проблемы имплементации и ожидаемые эффекты Соглашений о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам».

АСЕАН[2] в настоящее время является одним из самых динамичных интеграционных объединений мира, несмотря на неравномерное социально-экономическое развитие отдельных стран – его участников. Стабильно высокие темпы роста характерны для Вьетнама, Индонезии, Филиппин, Малайзии (см. табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста ВВП в 2011–2017 гг., %

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Мир	4,3	3,5	3,5	3,6	3,4	3,2	3,6
АСЕАН	5,0	6,2	5,2	4,7	4,7	4,8	5,2
Индонезия	6,5	6,3	5,6	5,0	4,9	5,0	5,5
Малайзия	5,3	5,5	4,7	6,0	5,0	4,2	4,9
Филиппины	3,7	6,7	7,1	6,2	6,1	6,9	6,8
Сингапур	6,2	3,9	5,0	3,6	1,9	2,0	2,6
Таиланд	0,8	7,2	2,7	0,9	2,9	3,2	3,0
Вьетнам	6,2	5,2	5,4	6,0	6,7	6,2	6,3

Источник: База данных АСЕАН – ASEAN Statistics. data.aseanstats.org.

Интеграционные группировки АСЕАН и ЕАЭС в принципе сопоставимы друг с другом (см. табл. 2).

Развитие интеграционных процессов в странах Юго-Восточной Азии происходило на протяжении последних 50 лет. Однако знаковую роль в их региональной интеграции сыграло подписание 22 ноября 2015 г. соглашения об «Экономическом сообществе АСЕАН», нормативно закрепившее переход к высшей стадии процессов либерализации движения товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов между странами этого альянса. В развитие данного соглашения в сентябре 2016 г. был принят Генеральный план по усилению взаимосвязей стран АСЕАН до 2025 г. в пяти стратегических областях: устойчивой инфраструктуре, цифровых инновациях, общей логистике, совершенствовании нормативных требований и мобильности людей.

Пока торговые связи ЕАЭС со странами АСЕАН незначительны: на АСЕАН в 2017 г. пришлось менее 1,3% экспорта и около 1,8 % импорта стран ЕАЭС. В то же время наблюдается возникновение существенного дефицита этой торговли для ЕАЭС, который составил 3, 4 млрд долл. в 2017 г. (по сравнению с профицитом в 1,3 млрд долл. в 2015 г.).

[2] АСЕАН – Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (Association of SouthEast Asian Nations -ASEAN).

Таблица 2

Сопоставление АСЕАН и ЕАЭС по некоторым параметрам

Показатели	АСЕАН	ЕАЭС
Территория, млн кв. км, 2017 г.	4,3	19,5
Население, млн человек 2017 г.	646	181
Совокупный ВВП (по ППС), трлн долл., 2017 г.	5,6	3,9
Доля в глобальном ВВП, %	5,2	3,6
Страны с ВВП на душу населения меньше 10 тыс. долл., 2017	50 % членов (Камбоджа, Мьянма, Вьетнам, Лаос, Филиппины)	40% членов (Киргизия, Армения)
Страны с ВВП на душу населения больше 50 тыс. долл., 2017 г.	Сингапур, Бруней	нет
Предпосылки к интеграции	Региональное соседство, общее прошлое, традиционные связи, связанность инфраструктуры	
Опыт взаимодействия	> 50 лет	> 25 лет
Доля взаимной торговли во всей торговле, %, 2017	23,2	14,4
Оборот внешней торговли товарами, млрд долл., 2017 г.	2600	740
Наличие наднациональных органов	нет	Евразийская экономическая комиссия

Источник: составлено автором по базам данных МВФ, Всемирного банка, ВТО.

При этом из первой шестерки стран АСЕАН профицит торговли был только с одной страной – Сингапуром (см. табл. 3).

Крупнейшим партнером из АСЕАН для ЕАЭС в 2017 г. являлся Вьетнам, на который приходилось 27,9% всего экспорта ЕАЭС и 31,9% всего импорта. Крупными торговыми партнерами для ЕАЭС являются Сингапур (41,9% экспорта и 10,6% импорта), Индонезия (11,4% экспорта и 22,4% импорта), Малайзия (9,1% экспорта и 15,0% импорта), Таиланд (7,1% экспорта и 16,3% импорта).

Взаимная торговля в АСЕАН существенно либерализирована. С 2003 г. импортные пошлины на товары, на которые распространяется Единый эффективный преференциальный тариф, поддерживаются на уровне 0–5%. Государства АСЕАН-6 (Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд) включили в вышеупомянутый список более 99% импортируемой продукции, а остальные четыре члена Ассоциации (Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам) – почти 80%. С 2010 г. фактически вся торговля между странами АСЕАН-6 стала

Таблица 3

Торговля товарами стран ЕАЭС с АСЕАН и его отдельными участниками, млрд долл.

	2015 г.			2017 г.		
	Вся торговля	**Баланс торговли для ЕАЭС**	**Доля во всей торговле ЕАЭС, %**	**Вся торговля**	**Баланс торговли для ЕАЭС**	**Доля во всей торговле ЕАЭС, %**
АСЕАН в целом	15220	1291	2,63	19621	–3393	3,09
Сингапур	3238	2021	0,56	4615	2180	0,73
Малайзия	2213	1475	0,38	2459	–991	0,39
Таиланд	2246	–997	0,39	2450	–1300	0,39
Филиппины	628	39	0,39	663	–213	0,10
Индонезия	2232	–978	0,39	3509	–1654	0,55
Вьетнам	4271	–339	0,74	5924	–1415	0,93

Источник: База данных Евразийской экономической комиссии. www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2017/12.aspx.

беспошлинной. С 2016 г. этот режим был распространен на остальные четыре страны объединения, с незначительными исключениями для отдельных товаров. Невысокие в целом тарифы существуют для третьих стран. Однако в отдельных государствах АСЕАН действуют высокие импортные пошлины. Это, например, касается спиртных напитков и табака, сахара и кондитерских изделий, молочной продукции, животноводческой продукции, одежды и обуви. Что касается нетарифных барьеров, то у ЕАЭС в отношении стран АСЕАН на начало 2015 г. существовало 33 меры только количественных ограничений в виде импортного и экспортного лицензирования, квот на торговлю химической и фармацевтической продукцией, драгоценными и недрагоценными камнями, гражданскими радиоэлектронными средствами, асбестом, оружием, природным газом и т. п. Со стороны АСЕАН в отношении стран ЕАЭС имеются 93 ограничительные меры [2, с. 4].

Вхождение ряда стран АСЕАН (Бруней, Малайзия, Сингапур, Вьетнам) в беспошлинную зону Всеобъемлющего и прогрессивного Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ВПСТТП, или «новое ТТП»)

может создать проблемы для российского экспорта. Так, в Малайзии пошлина на импорт проволоки из рафинированной меди составляет 25%, а доля России на этом рынке – 18%. Основной конкурент – Япония, с долей рынка 6%. Такая же пошлина установлена не только для Японии, но и для Австралии, Канады и Чили, которые пока эту продукцию в Малайзию не поставляют. При обнулении этой пошлины в ТТП у России могут появиться серьезные конкуренты. Похожее положение складывается и с «прочими минеральными и химическими удобрениями», где на Россию также приходится 30% малазийского импорта. Ввозная пошлина на этот товар составляет 5%; она существует также и для главных наших конкурентов – Японии, Сингапура, Канады и Вьетнама [3].

Фундаментом для развития экономических отношений является принципиальная общность задач, которые ставят эти интеграционные объединения. Они стремятся к созданию в своих рамках общих экономических пространств, к налаживанию взаимовыгодного и равноправного сотрудничества, с учетом интересов всех стран – участников, независимо от уровня их экономического развития. В некоторых областях интеграционного строительства ЕАЭС опережает АСЕАН, по другим – вперед постепенно вырывается АСЕАН. Речь, в частности, идет об активной либерализации торговли с третьими странами. В настоящее время АСЕАН имеет соглашения о ЗСТ с Австралией, Новой Зеландией, Японией, Республикой Корея, с Китаем, Индией.

Для чего АСЕАН нужен России и ЕАЭС?

АСЕАН, по мнению А. Цветова, важен для России как «красивое и уместное дополнение к оживающей азиатской политике России». АСЕАН также интересен для России тем, что здесь существует платежеспособный спрос на продукцию и услуги не самых передовых технологических стандартов. Россия как раз в состоянии восполнить такой спрос в областях машиностроения, авиации, энергетики, телекоммуникаций, инфраструктуры, транспорта и особенно в военно-технической области [4].

В настоящее время сотрудничество ЕАЭС с АСЕАН развивается по разным направлениям и в разных форматах. В мае 2016 г. в Сочи был принят Комплексный план действий по развитию сотрудничества России и стран АСЕАН на период 2016–2020 гг., который определяет приоритеты и меры совместных действий в политике, экономике и в финансовой сфере, а также в области безопасности и в социально-культурной сфере. В частности, реализуется и постоянно обновляется принятая в 2012 г. Дорожная карта торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества Россия – АСЕАН. В 2017 г. в документ вошли

новые области для развития сотрудничества: электронная торговля, обмен опытом по формированию систем «единого окна» для внешнеэкономических операторов, поддержка региональных интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и Экономического сообщества АСЕАН [5].

Россия является членом Регионального форума АСЕАН, участвует в Договоре о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, Деловом совете Россия – АСЕАН, в Финансовом фонде диалогового партнерства, а также регулярно организует саммиты Россия – АСЕАН начиная с 2005 г. В рамках сотрудничества Россия – АСЕАН действует ряд институтов, выполняющих организационно-координационные функции. В то же время на практике пока не удалось осуществить крупные многосторонние проекты, ведущие к расширению взаимной торговли и инвестиционного взаимодействия.

Соглашение о зоне свободной торговли ЕАЭС – Вьетнам

Важной предпосылкой на пути к формированию экономического партнерства с АСЕАН должно стать подписанное в мае 2015 г. и вступившее в силу в конце 2016 г. соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) ЕАЭС – Вьетнам [6]. Это соглашение позволяет накопить опыт и отработать некоторые правила и нормы, которые будут использоваться при подготовке подобных соглашений с другими странами АСЕАН и АСЕАН в целом. При этом необходимо отметить, что общие соглашения о ЗСТ АСЕАН подписывает тогда, когда третьи страны имеют соответствующие соглашения с отдельными странами ассоциации. Кроме того, для стран ЕАЭС Вьетнам может стать своеобразным «мостом» в «новое ТТП» (Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве – ВПСТТП) и в Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП), куда войдут 10 стран АСЕАН, Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия.

В то же время нужно иметь ввиду, что Соглашение о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам носит пробный (осторожный) характер и не связано ни с серьезными рисками для экономики России и других стран ЕАЭС, ни с существенными выигрышами для обеих сторон. Соглашение предполагает ограниченную либерализацию взаимной торговли: обнуление для поставщиков из стран ЕАЭС ввозных таможенных пошлины на более чем 59% тарифных линий от общей товарной номенклатуры. В отношении еще 29% групп товаров ставки таможенных пошлин в течение переходного периода (5–10 лет) будут снижены до 0%. В целом же, по расчетам ЕЭК, средний уровень импортного тарифа стран ЕАЭС к 2025 г. сократится с 9,7 до 2%, Вьетнама – с 10 до 1%. Ожидается, что это затронет примерно только 12% товарной

номенклатуры, по большинству из которых у стран ЕАЭС отсутствует экспортный интерес.

С другой стороны, на Вьетнам приходится только около 1% импорта ЕАЭС из третьих стран. В результате экономия на пошлинах для экспортеров ЕАЭС может составить около 40 млн долл. в первый год функционирования соглашения, а по истечении всех переходных периодов – около 60 млн долл. Вьетнамские компании благодаря отмене таможенных пошлин, могут рассчитывать на экономию до 5–10 млн долл. в год, а объемы взаимной торговли увеличатся с 4 млрд долл. в настоящее время до 10 млрд долл. в 2020 г. [7, с. 163]. Благодаря этому соглашению страны ЕАЭС должны расширить свои возможности на вьетнамском рынке и получить существенное снижение вьетнамских импортных пошлин: на калийные удобрения – с 6% до 0% без переходного периода; на бензин – с 19% до 0% к 2027 г.; на изолированные провода – с 20% до 0% в течение 10 лет; на грузовые автомобили – со среднего текущего значения в 17% до 0% в течение 10 лет; на мясо птицы – с 20% до 0% в течение 5 лет; на алкогольную продукцию – с 10% до 0% в течение 10 лет; на шины – с 5–30% до 0% в течение 5 лет; на автобусы – с 30–40% до 0% в течение 10 лет; на легковые автомобили – с 50–70% до 0% в течение 10 лет.

В то же время Соглашение о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам предусматривает массу исключений, свидетельствующих о неготовности стран ЕАЭС к серьезной либерализации торговых отношений. Оно включает комплекс мер по защите внутреннего рынка стран ЕАЭС от возможных рисков резкого роста вьетнамского импорта. Среди них так называемые «триггерные» защитные механизмы в отношении особо чувствительных товаров легкой промышленности и некоторых видов деревянной мебели. Соответственно установлены пороговые годовые объемы импорта для вьетнамских товаров, в рамках которых импорт осуществляется по нулевой ставке пошлины. При превышении этих объемов страны ЕАЭС имеют право применять таможенные пошлины на уровне ставки Единого таможенного тарифа ЕАЭС. А на чай, кофе, сахар, консервированные огурцы, крахмал, растворимые напитки, трубы, автомобили ставки ввозных таможенных пошлин для Вьетнама снижаться не будут [8].

Мягкость Соглашения о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам обеспечивается и тем, что в него совсем не вошли или отражены фрагментарно некоторые положения, которые становятся обычными для регулирования торговли. Оно содержит всего 13 разделов, что существенно меньше, чем в современных соглашениях о всеобъемлющих ЗСТ и экономических мегапартнерствах. Так, Соглашение ЕАЭС – Вьетнам вообще не коснулось санитарных и фитосанитарных мер защиты – одного из основных инструментов нетарифного регулирования. Соглашение не подраз-

умевает никакие изменения в визовых режимах и пересмотр квот на иностранную рабочую силу, что очень важно для вьетнамско-российских отношений. Хотя в соглашение включены положения о торговле услугами и об инвестициях, однако они в основном распространяются только на Россию и Вьетнам и также носят ограниченный характер (не менее благоприятный режим, чем для третьих стран, за исключением тех случаев, когда иное гарантируется форматами экономической интеграции) [9].

Первый полноценный год реализации Соглашения о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам привел к росту взаимной торговли. Так, рост экспорта вьетнамских товаров, по которым произошло «обнуление» пошлин, составил 30%. Экспорт во Вьетнам вырос у всех стран ЕАЭС, но наибольшими темпами он увеличивался у Армении и Киргизии. По товарным группам можно отметить более быстрый рост экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья из России во Вьетнам, в том числе за счет либерализации пошлин на пшеницу, кукурузу, мясо и мясные субпродукты. У Вьетнама наблюдался существенный прирост экспорта продукции химической промышленности, прежде всего за счет пластмасс, каучука, резиновых изделий, фармацевтики и т. п., а также изделий текстильной промышленности[3].

Важно и то, что Соглашение о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам создает дополнительные возможности для взаимных инвестиций. Вьетнам является основным реципиентом российских инвестиций в страны АСЕАН и одновременно ведущим из стран объединения донором ПИИ в экономику России. Во Вьетнаме реализуется свыше 90 инвестиционных проектов с участием российского капитала: объем российских ПИИ на конец 2017 г. составил один млрд долл. Почти 60% всех ПИИ приходится на обрабатывающую промышленность и энергетику, 30% – на горнодобывающую.

Среди важнейших совместных российско-вьетнамских проектов можно назвать тепловую электростанцию «Лонг Фу-1», атомную электростанцию «Ниньтуан-1»; бокситно-глиноземный комплекс Биньфыок; разработку совместным предприятием (СП) «Вьетсовпетро» нефтегазовых месторождений в Южно-Китайском море; добычу газа и газового конденсата на месторождениях Мок Тинь и Хай Тхать, модернизация нефтеперерабатывающего завода «Зунгкуат» [11, с. 60].

Со своей стороны Вьетнам активизировал инвестиции в Россию. При этом часть проектов в добыче углеводородов осуществляется по так называемой компенсационной схеме, когда стороны предоставляют друг другу возможности инвестирования в соответствующие проекты на взаимной основе. К таким проектам можно отнести осво-

[3] Подробнее см. [10].

ение ООО «Газпромвьет» месторождений в Оренбургской области, СК «Русвьетпетро» – месторождений в Ненецком автономном округе. Новой тенденцией стало расширение вьетнамских частных ПИИ. Так, вьетнамский концерн TH True Milk намерен вложить 2,7 млрд долл. в проекты по производству и переработке молока в Калужской области, Подмосковье и на Дальнем Востоке.

Новые шаги к ЗСТ с АСЕАН

Эксперты неоднозначно оценивают перспективы создания многосторонней ЗСТ ЕАЭС – и АСЕАН в целом, указывая на необходимость осторожного и продуманного подхода к данной проблеме. Как отмечал Я. Лисоволик, при всех возможных дивидендах от создания ЗСТ процесс торговой либерализации со странами АСЕАН не будет для России простым. Скорее всего, на данном этапе предпочтительнее варианты создания торговых альянсов РФ с отдельными членами Ассоциации, с постепенным вовлечением в эту схему остальных [12]. В дальнейшем Я. Лисоволик несколько откорректировал свою позицию, заявив, что сотрудничество ЕАЭС – АСЕАН обладает большим потенциалом гибридного континентально-океанического партнерства, в рамках которого возникают позитивные торговые и инвестиционные эффекты, но присутствует и транспортно-логистическая взаимодополняемость [13, с. 51].

Необходимость поэтапного подхода содержится и в рекомендациях ВАВТ, где в качестве возможных новых партнеров для ЗСТ с ЕАЭС называются Индонезия, Малайзия, Таиланд [14, с. 22]. В новом докладе, подготовленном ВАВТ совместно с Российским Центром исследований АТЭС РАНХиГС, повторяется та же мысль: для ЗСТ ЕАЭС – АСЕАН необходима постепенная либерализация торговли и инвестиций путем подписания соглашений о ЗСТ между ЕАЭС и отдельными членами АСЕАН [11, с. 214]. Такой же подход проявляется и при подготовке других соглашений, о которых заявила ЕЭК ЕАЭС (Иран, Индия, Израиль и некоторые др.). По информации ЕЭК, после заключения соглашения о ЗСТ с Вьетнамом заинтересованность в установлении аналогичного торгового режима с ЕАЭС проявили Таиланд, Индонезия и Южная Корея, однако решения о начале переговоров по заключению соответствующих соглашений с этими странами в ЕАЭС пока не были приняты [15].

Вполне вероятно, что в конце 2018 г. вторым партнером из АСЕАН, заключившим соглашение с ЕАЭС, станет Сингапур, являющийся одним из основателей АСЕАН. В мае 2016 г. в Москве был подписан Меморандум о взаимопонимании между Евразийской Экономической Комиссией (ЕЭК) и Правительством Республики Сингапур, кото-

рый должен способствовать развитию всестороннего сотрудничества между государствами ЕАЭС и Сингапуром, повышению эффективности взаимной торговли и устранению тарифных и нетарифных барьеров, препятствующих ее развитию. Уже состоялось 4 раунда переговоров по Соглашению о ЗСТ ЕАЭС – Сингапур (последний – в июне 2018 г.). Существенно и то, что данное соглашение коснется не только торговли товарами, но и будет способствовать либерализации рынка услуг и инвестиций. Соответствующие переговоры уже идут между государствами-членами и Сингапуром на двусторонней основе, параллельно с обсуждением условий доступа на товарные рынки.

Сингапур – небольшой город-государство с населением 6 млн человек и площадью всего 714 кв. км. Лишенный пригодной для сельского хозяйства земли и полезных ископаемых, Сингапур заинтересован в поставках топливно-энергетических и продовольственных товаров и готов реализовывать различные инвестиционные проекты на территории ЕАЭС. В 2016 г. Сингапур стал крупнейшим иностранным инвестором России, дав более 2/5 всех текущих ПИИ. Правда, такой формальный результат был достигнут в основном за счет одной крупной сделки. Сингапурская QHG Shares Pte. Ltd, созданная специально для этой операции швейцарским сырьевым трейдером Glencore и катарским суверенным фондом QIA, приобрела пакет акций «Роснефти» (19,5%) за 10,2 млрд евро. Однако есть и другие существенные инвестиции. Так, совместный консорциум «Базового элемента», Российского фонда прямых инвестиций и сингапурской компании Changi Airports приобрел аэропорт Кневичи во Владивостоке. Консорциум предполагает превратить этот аэропорт в крупный авиационный хаб для внутренних и международных рейсов. Сингапурская Olam International Ltd., являющаяся крупнейшим трейдером российского зерна, приобрела «Русскую молочную компанию» (75% акций за 83 млн долл.), «Азовский зерновой терминал», завод по упаковке растворимого кофе в подмосковной Яхроме, а также планирует строительство четырех молочных ферм и расширение площади земли для выращивания зерновых культур в Пензенской области. По итогам 2017 г. накопленные ПИИ Сингапура в России превысили 15 млрд долл. (3,6% всех ПИИ), и Сингапур по данному показателю занял 6-е место среди иностранных инвесторов. В свою очередь российские компании активно используют Сингапур как «ворота» для работы на азиатском континенте, включая страны АСЕАН. В Сингапуре открыты офисы «Газпрома», «Роснефти» «ЛУКОЙЛа», «ВТБ-капитала», «Мечела», «Фосагро» и «Спортмастера».

Сингапур долгое время рассматривался как юрисдикция, удобная для выстраивания офшорных финансовых сетей. Однако Сингапур – не офшор: он не включен ни в один из «черных» офшорных списков, активно поддерживает политику транспарентности в финансовых

операциях, имеет ставку налогообложения прибыли (17%), в 2017 г. присоединился к Многостороннему соглашению об обмене финансовой информацией.

Более существенно то, что Сингапур – одно из самых развитых государств мира, которое в последние 20 лет занимает первые строчки в рейтингах глобальной конкурентоспособности (3-е место в 2017–2018 гг.), удобства ведения бизнеса (1-е место в 2005–2016 гг. и 2-ое место в 2017–2018 гг.) и глобальном инновационном рейтинге (7-е место в 2017 г.). Локализация в Сингапуре позволяет получить дополнительные доходы. Так, компания CreoPop (производитель аппаратных средств компьютера) потратила на изготовление одного прототипа в Сингапуре месяц, тогда как в России это бы заняло вдвое больше времени [16]. Поэтому не случайно, что эту юрисдикцию любят российские инвесторы, которые основали здесь ряд компаний (Russing, Acronis, InfoWatch, Parrallels, Ruvento BaseRide). Общий объем накопленных ПИИ России в Сингапуре на конец 2017 г. превысил 4 млрд долл.

Инвестиционная зона АСЕАН

Учитывая изложенные выше факторы, на мой взгляд, еще до завершения подготовки Соглашения о ЗСТ ЕАЭС – АСЕАН возможна разработка многостороннего инвестиционного соглашения ЕАЭС – АСЕАН, которое привело бы к созданию зоны свободных инвестиций (ЗСИ) и стало бы хорошей основой для всестороннего соглашения об экономическом партнерстве. Тем более что у стран АСЕАН имеется хороший опыт в этом отношении.

В рамках АСЕАН была создана особая инвестиционная зона (ИЗ) АСЕАН. В полной мере эта идея была реализована в Комплексном инвестиционном соглашении АСЕАН – ASEAN Comprehensive Investment Agreement (ACIA), подписанном в 2009 г. и вступившем в силу в марте 2012 г.

Перед ACIA ставятся следующие задачи:

1) прогрессивная либерализация условий для инвестиций в странах АСЕАН;

2) защита инвесторов из всех стран АСЕАН и их инвестиций в регионе;

3) введение правил и норм регулирования, обеспечивающих транспарентность и предсказуемость процесса инвестирования;

4) продвижение региона АСЕАН в мире как интегрированной инвестиционной зоны;

5) объединение усилий для создания благоприятных условий для инвесторов из стран АСЕАН на территории каждой из стран региона [17].

Принимая АСІА, страны АСЕАН взяли на себя национальные обязательства по облегчению и упрощению инвестиционных процедур, по либерализации инвестиционных потоков, включая открытие для ПИИ новых секторов экономики, по снижению издержек ведения бизнеса, в том числе подписанию новых соглашений об избежании двойного налогообложения, и по совершенствованию других норм национальных законодательств.

В концепции ИЗ АСЕАН важная роль отведена экономическим стимулам. Среди них можно назвать временное освобождение от уплаты налога на прибыль, беспошлинный ввоз капитального оборудования, упрощение таможенных процедур, право найма иностранного персонала, минимальный срок аренды земли под промышленные цели на 30 лет и др. [18].

Естественно, в инвестиционном сотрудничестве стран АСЕАН сохраняются определенные барьеры для инвесторов. АСІА предусматривает составление Списка временных ограничений и так называемого Деликатного списка для инвестиций в предприятия обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, рыболовства, лесного хозяйства, горной и добывающей промышленности, а также для инвестиций в соответствующие предприятия сферы услуг. Эти списки строятся по страновому принципу, то есть включают разделы по странам, в которых содержатся конкретные ограничения для ПИИ.

Итак, реализация АСІА нацелена на принципиальное улучшение инвестиционного климата, который будет характеризоваться преференциальными условиями ведения бизнеса, прозрачностью и прогнозируемостью действий государственных институтов, что обеспечит более свободное движение инвестиций в рамках АСЕАН, то есть, по существу, свободный и открытый инвестиционный режим. Подключение ЕАЭС к ИЗ АСЕАН могло бы значительно расширить инвестиционные потоки между двумя региональными интеграционными альянсами и стать благоприятным фактором при подготовке Всестороннего соглашения о ЗСТ с АСЕАН.

Таким образом, задача подготовки большого соглашения о всесторонней ЗСТ ЕАЭС – АСЕАН представляется вполне решаемой в среднесрочной перспективе. По условиям регулирования это, конечно, не будет сопоставимо с новыми экономическими мегапартнерствами. Однако такая зона будет решать ряд важнейших стратегических задач и для ЕАЭС, и для АСЕАН. Подготовка такого соглашения будет вестись по разным направлениям, на двусторонней и многосторонней основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 г. kremlin.ru/events/president/news/50864/work.
2. ВАВТ. Перспективы расширения экономического измерения диалогового партнерства Россия–АСЕАН, в том числе в формате заключения соглашений о партнерстве и сотрудничестве (СПС) и ЗСТ с отдельными странами – членами АСЕАН. М., 2015.apec-center.ru/wp-content/uploads/2015/08.pdf.
3. *Калачихина Ю.* Россия поставит блок США // Газета.Ру. 2015, 4 декабря.
4. *Цветов А.* (2017). Вместо поворота: АСЕАН и евразийский проект России. carnegie.ru/2017/10/17/ru-pub-73368.
5. МЭР (2017). Алексей Груздев: Подготовка Меморандума о взаимодействии между ЕАЭС и АСЕАН находится в завершающей стадии. economy.gov.ru/minec/about/structure/depasiaafrica/2017110901.
6. ЕЭК Free Trade Agreement between The Eurasian Economic Union and its Member States, on the one Part, and The Socialist Republic of Viet Nam, of the other Part. 2015, May 29.
7. Евразийский экономический союз. ЕАБР. Центр интеграционных исследований. СПб., 2017.
8. ЕЭК (2018). Обзор Соглашения о свободной торговле между государствами – членами ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам. www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp.
9. *Цветов А.* (2015). Шесть вопросов о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам. lenta.ru/articles/2015/06/29/freesha.
10. *Пылин А.Г.* К вопросу об оценке торговых эффектов соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. №1.
11. ВАВТ, РЦИА РАНХиГС при Президенте РФ. ЕАЭС и АСЕАН: открывая новые горизонты сотрудничества: Аналитический доклад. М., 2017.
12. *Лисоволик Я.* (2015). В чем польза зоны свободной торговли Россия – АСЕАН? asean.mgimo.ru/images/partn/Lissovolik_FTA_ru.pdf; asean.mgimo.ru/images/partn/Lissovolik_FTA_ru.pdf.
13. *Лисоволик Я.* Евразийский экономический союз: оценка взаимодополняемости // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 3.
14. ВАВТ (2015). Перспективы расширения экономического измерения диалогового партнерства Россия–АСЕАН, в том числе в формате заключения соглашений о партнерстве и сотрудничестве (СПС) и ЗСТ с отдельными странами – членами АСЕАН. apec-center.ru/wp-content/uploads/2015/08.pdf.
15. ЕЭК (2018). В июне состоится очередной раунд переговоров по заключению Соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и Сингапуром. www.eurasiancommssion.org/ru/nae/news/Pages/24-05-2018-1.aspx.
16. Почему российские компании переезжают в Сингапур. URL: https://www.start-business-in-singapore.com/blog/pochemu-rossijskie-it-kompanii-pereezzhayut-v-singapur.html.
17. ASEAN (2012). ASEAN Comprehensive Investment Agreement. www.asean.org/asean-economic-community/asean-investment-area-aia-council/agreements-declarations.
18. 18. Исполнительный комитет СНГ (2008). Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Аналитический доклад. www.cis.minsk.by/page.php?id=664.

ABOUT THE AUTHOR
Boris Aronovich Kheyfets – Doctor of economic sciences, Chief Research Fellow; Federal State Budgetary Institute of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS); Professor; The Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «The Financial University under the Government of the Russian Federation». Moscow, Russia. bah412@rambler.ru

PROSPECTS FOR THE CREATION OF A FREE TRADE ZONE BETWEEN THE EAEU AND ASEAN

The article considers the prerequisites for the adoption of a comprehensive agreement on free trade between the EAEU and ASEAN and concrete ways of its preparation. The problems that arose in the preparation and implementation of such an agreement with Vietnam, as well as the new agreement with Singapore, have been shown. It is noted that ASEAN is ready for a liberal economic partnership, while the EAEU is ready only for a limited and soft agreement on a free trade zone. Possible options for intensifying mutual cooperation in the format of the EAEU – ASEAN are suggested.

Keywords*: EAEU, ASEAN, free trade zone, regional integration, economic mega-partnership, investment zone.*
JEL: F14, F15, F21, F53.

Вестник Института экономики Российской академии наук
5/2018

В.П. ОБОЛЕНСКИЙ
доктор экономических наук, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН,
главный научный сотрудник Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН

МИРОВЫЕ ЦЕНЫ: ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЮЮ ТОРГОВЛЮ РОССИИ[1]

В статье рассматриваются основные факторы, определяющие векторы и динамику цен на мировых рынках базовых товаров. Обращается внимание на двойственную природу данных рынков, торговля на которых осуществляется уже не столько реальным товаром, сколько товаром «бумажным», в форме вторичных финансовых инструментов – фьючерсов и опционов. Прослеживаются тенденции движения мировых цен на современном этапе, оценивается их вклад в динамику стоимостного объема международной торговли на протяжении последних лет. Выявляется влияние изменений мировых цен на объемы российского экспорта и импорта. Отмечается, что важнейшим условием определенного снижения уязвимости российской экономики перед волатильностью мировых цен является модернизация отечественной обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства на основе современных технологий.

Ключевые слова: *мировые цены, финансиализация биржевой торговли, волатильность, мировая торговля товарами, внешняя торговля России.*

JEL: E30, F10, F14.

В ходе глобального кризиса 2008–2009 гг., сопровождавшегося резким падением мировых цен[2], заметно уменьшились объемы внешней тор-

[1] Исследование выполнено в Институте экономики РАН за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект 18-014-00032 «Новые факторы развития внешнеэкономических связей России: риски и возможности»).

[2] Под термином «мировые цены» принято понимать цены на так называемые базовые товары (англ. – commodities), динамика которых на регулярной основе отслеживается международными экономическими организациями. К таким товарам относятся продовольственные товары, сельскохозяйственное и минеральное сырье. Под мировой ценой обычно понимается цена, по которой совершаются крупные коммерческие сделки, представляющие собой не связанные друг с другом раздельные экспортные и импортные операции. Такая цена не может быть ценой случайной разовой сделки, а являет собой результат совершения регулярных коммерческих операций на важнейших мировых рынках. В свою очередь эти рынки должны быть

говли всех стран, в особенности стран – экспортеров нефти, в том числе и России. По окончании острой фазы кризиса цены быстро восстановились, превысили предкризисный уровень, а затем постоянно снижались на протяжении пяти лет, что негативно отразилось на международной торговле. В 2017 г. понижательная ценовая тенденция уступила место повышательной, однако увеличение цен происходит медленно.

Изменение мировых цен напрямую отражалось на внешней торговле России, от состояния которой во многом зависит развитие отечественной экономики. В этой связи представляется важным выявить основные факторы, определяющие векторы и динамику мировых цен, и оценить, какое влияние оказывает изменение цен на международную торговлю и внешнюю торговлю России на современном этапе и каким оно может быть в ближайшие годы.

Финансиализация торговли базовыми товарами

В основе традиционного подхода к анализу факторов, определяющих векторы изменения мировых цен, лежит тезис о том, что они, как правило, связаны с фазами экономического цикла: в период подъема цены повышаются (спрос превышает предложение), в период депрессии или спада – падают (предложение превышает спрос). Между тем в ходе глобального кризиса 2008–2009 гг. цены на сырьевые товары вначале стремительно выросли, а затем столь же стремительно снизились в течение нескольких месяцев. Очевидно, что спрос и предложение за этот короткий промежуток времени не могли измениться кардинально. Из этого следует, что тезис о тесной связи динамики мировых цен с циклическими фазами в экономике отнюдь не универсален и нуждается в уточнении с учетом заметно усилившейся в текущем столетии тенденции к финансиализации мировой экономики.

Результатом финансиализации явилось «резкое усложнение причинно-следственных связей, формирующих мировые цены на сырье. Кроме обычных фундаментальных факторов (запасы, спрос, производство, технологии, геополитические риски, цикличность) одновременно действуют финансовые факторы (инфляция, валютные курсы, спрос и предложение на финансовых рынках, их корреляция, микроструктура и т. п.)» [1, с. 11].

Финансиализация распространилась на все мировые сырьевые рынки, реализация товаров на которых производится преимуще-

открытыми, не защищаемыми высокими таможенными пошлинами или другими торговыми барьерами. К важным критериям мировой цены относят также то, что платежи по экспортным или импортным операциям с товарами производятся в свободнообратимой (конвертируемой) валюте.

ственно через биржи, в первую очередь на рынок нефти. Появление форвардных контрактов, не обеспеченных полностью товарными запасами продавца, ознаменовало конец этапа биржевой торговли исключительно реальным товаром и переход к массовой торговле товаром «бумажным». Широко используемые ныне биржами фьючерсы и опционы, по сути, выступают в роли стандартизированных обязательств по продаже обезличенного виртуального товара, вторичных финансовых инструментов (деривативов), лишь косвенно связанных с самим товарным рынком. Сроки этих обязательств достаточно длительны – 24–36 месяцев, а в ряде случаев они достигают 7 лет, что дает возможность их многократной перепродажи. Унифицированная форма деривативов делает их высоколиквидными инструментами, привлекающими на биржевые площадки новых игроков, – банки, страховые компании, пенсионные, паевые и суверенные фонды, располагающие внушительными финансовыми ресурсами.

За последние полтора десятка лет биржевые сделки с «бумажным» товаром стали преобладающими, заметно потеснив контракты на поставки реального товара. Так, на *New York Mercantile Exchange (NYMEX)* на сделки с реальным товаром приходится всего 5–7% их общего количества, а в операциях с сырой нефтью – только 2% [2, с. 7]. Фьючерсы и опционы фактически являются финансовыми активами, не имеющими пределов роста и способствующими возникновению финансовых «пузырей». Финансиализация биржевой торговли стала существенным ценообразующим фактором и катализатором возросшей изменчивости цен (волатильности) на мировых рынках сырья.

Товарно-сырьевые рынки приобрели таким образом двойственную товарно-финансовую природу, превратившись в тесно связанные с финансовыми рынками площадки, удобные для крупных спекуляций. Поскольку цены на рынках базовых товаров в значительной мере зависят от финансовых манипуляций, они в меньшей мере, чем раньше, отражают соотношение спроса и предложения, их движению присущи частые и разнонаправленные колебания.

Динамика и векторы мировых цен зависят не только от соотношения спроса и предложения на реальный и «бумажный» товар, но и от так называемых внециклических факторов, вызывающих сокращение предложения и увеличение спроса на отдельные товары. В их числе природно-климатические и технологические явления – неурожаи, стихийные бедствия, техногенные катастрофы и т. д. Наконец, на цены воздействуют и изменения военно-политической обстановки в тех или иных регионах планеты, играющих заметную роль в производстве определенных товаров, – вооруженные конфликты, государственные перевороты, полные или частичные ограничения на торговлю и финансовые операции с отдельными странами. На возникновение

или исчезновение внециклических факторов очень быстро реагируют инвесторы, которые в зависимости от характера события оперативно перебрасывают свои финансовые ресурсы на товарные биржи либо выводят средства с них.

Усилившееся переплетение товарных и финансовых рынков привело к тому, что периодические потрясения на финансовых рынках обусловливают отток с них «горячих денег» на рынки базовых товаров, а ухудшение ценовой конъюнктуры на товарных рынках влечет за собой уход финансовых ресурсов на рынки капитала.

Многократный рост биржевой торговли товарами остро ставит проблему контроля над финансовыми спекуляциями в процессах ее осуществления. В этих условиях политики и эксперты все чаще обращают внимание на необходимость выработки мер, которые обеспечили бы скоординированное и взаимоувязанное международное регулирование тех и других рынков. Однако ведущие страны мира, координируя свою макроэкономическую политику в рамках G20, не идут дальше признания важности более жестких принципов и контроля за движением производных финансовых инструментов на рынках сырья.

Современные тенденции в движении мировых цен

В изменениях мировых цен на протяжении нескольких последних десятилетий проявлялась определенная закономерность: изменение цен на сырьевые товары и готовую промышленную продукцию происходило несинхронно, диапазоны их изменений были разными. В периоды подъема сырьевые товары дорожали медленнее готовых изделий, а в периоды спада снижались быстрее и значительнее, чем цены на готовые изделия. Наиболее важная причина такого расхождения в динамике цен – постепенное уменьшение энергоемкости и материалоемкости производства в обрабатывающей промышленности. Важным фактором выступает также наращивание производства синтетических видов сырья. И то, и другое снижает спрос на натуральные его виды.

В начале нынешнего столетия в мировой экономике начался так называемый «сырьевой бум»: с 2002 г. номинальные цены на заметную часть необработанных товаров начали расти и к началу 2008 г. достигли высокого уровня, увеличившись, по данным ЮНКТАД, в 2,6 раза по сравнению с 2000 г.[3] В ходе глобального кризиса произошло резкое снижение мировых цен, однако после завершения его острой фазы они оказались все же выше среднего уровня 2002–2008 гг. [3, с. 141].

[3] UNCTADStat. Commodities. Commodity price long term trends. Официальный сайт ЮНКТАД. www.unctad.org.

В посткризисный период в условиях восстановительного роста мировые цены вновь начали расти и по большинству базовых товаров превысили пиковые уровни 2008 г. Однако вслед за этим последовало их новое постепенное снижение. В 2015 г. цены на нефть и металлы, за исключением цинка, опустились ниже уровня 2008 г., а на отдельные продовольственные товары (сахар, говядина, кофе, чай) и сельскохозяйственное сырье все еще превышали его. Наибольшее падение испытали цены на нефть, никель и каучук, наименьшее – на говядину, джут и табак. В 2016 г. цены на некоторые товары увеличивались, на другие – падали, но в своем большинстве оставались ниже уровня 2010 г.

Несмотря на понижательную тенденцию последних лет, связанную с торможением мировой экономики и сжатием глобального спроса, номинальные цены по всем укрупненным группам базовых товаров все еще в полтора-два раза превышают уровни начала века (см. табл. 1).

Таблица 1

Индексы мировых цен на базовые товары, 2000 г. = 100

Группы товаров	1990	2008	2011	2015	2016
Все базовые товары*	124	256	302	202	200
Продовольственные товары и тропические напитки	124	228	265	204	205
Сельскохозяйственное сырье	128	198	289	161	157
Минеральное сырье, руды и металлы**	100	332	385	218	205
Справочно: сырая нефть	100	344	368	180	152
Справочно: стоимость единицы экспорта продукции обрабатывающей промышленности***	100	139	123	134	131

* – в текущих ценах; ** – исключая сырую нефть; *** – в развитых странах.

Источник: Free market commodity price index, annual, 1960–2016. UNCTADSTAT. www.unctad.org.

Подсчеты с использованием данных ЮНКТАД показывают, что в течение 2012–2015 гг. продовольствие потеряло в цене 25%, сельскохозяйственное сырье и металлы – по 42%. Серьезное снижение мировых цен на продовольствие, сырье и энергоресурсы за последние годы дало повод многим экспертам оценить сложившуюся ситуацию как конец «сырьевого бума». Скорее всего, это на самом деле так. Вместе с тем ухудшение конъюнктуры на мировых товарных рынках, как представляется, стало подтверждением обоснованности выдвинутой в период глобального кризиса гипотезы о том, что для мировой экономики

в посткризисный период станут характерны замедление темпов роста по сравнению с предыдущим десятилетием, повышение безработицы, обострение долговых проблем, усиление неопределенности на мировых рынках, продолжение изменения расстановки сил в пользу развивающихся стран [4, с. 18].

Отдельно следует остановиться на причинах обвала нефтяных цен: стоимость нефти, как известно, оказывает прямое воздействие на цены природного газа, удобрений, металлов и сельскохозяйственной продукции, что в итоге отражается в ценах на продукцию обрабатывающей промышленности. Сверхглубокое падение цен на нефть (в январе 2016 г. их уровень оказался в 3,5 раза ниже, чем в середине 2014 г.) стало результатом действия нескольких ключевых факторов: более высокими, чем ожидалось, оказались объемы поставок и более низким, чем прогнозировалось, спрос; успешно разрешились некоторые геополитические конфликты на Ближнем Востоке; поменялись приоритеты в политике ОПЕК; укрепился американский доллар. Хотя выделить степень влияния каждого фактора на падение нефтяных цен невозможно, представляется, что главную роль в этом процессе сыграло быстрое и неожиданное увеличение объемов поставок.

Основной вклад в рост мировых поставок нефти внесла «сланцевая революция» в США. За 2011–2014 гг. производство сланцевой нефти в этой стране выросло на 4 млн барр. в сутки, при этом рост добычи постоянно ускорялся (за один 2014 г. прирост составил 1,5 млн барр. в сутки) и превышал прогнозы. С учетом нефти из канадских битуминозных песков и биотоплива поставки нетрадиционной нефти на мировой рынок в указанные годы составили 6 млн барр. в сутки. Мировой же спрос на нефть в указанные годы, напротив, регулярно оказывался ниже прогнозов вследствие низких темпов роста мировой экономики.

Отличие нынешнего падения нефтяных цен от прежних их заметных снижений состоит в том, что в данном случае определенную роль играл еще и валютный фактор. После сворачивания ФРС США политики «количественного смягчения» курс американского доллара по отношению к 10 главным мировым валютам за 2014 г. – март 2015 г. вырос на 15%, что не имело прецедентов за последние 40 лет. По оценке Всемирного банка, при 10%-м удорожании доллара происходит падение нефтяных цен на 3–10%[4]. Это объясняется тем, что укрепление американской валюты усиливает доверие к ней со стороны инвесторов, которые начинают активнее «вкладываться» в доллар, и параллельно снижает стимулы к использованию нефти в качестве финансового актива.

[4] Global Economic Prospects. World Bank, January 2015. P. 161. Официальный сайт Всемирного банка. www.worldbank.org.

Сдержать дальнейшее падение нефтяных цен удалось благодаря изменению позиции ОПЕК в отношении регулирования уровня добычи в странах картеля. До 2016 г. ОПЕК видела своей главной целью удержание доли мирового рынка, несмотря на то, что это противоречило интересам ряда ее участников. Организация надеялась, что низкие цены на нефть приведут к ускорению развития мировой экономики и, следовательно, к росту потребления нефти, что уменьшит объемы ее излишков на рынке. Картель также рассчитывал на то, что низкие нефтяные цены достаточно быстро вынудят производителей дорогой нетрадиционной нефти (прежде всего американской сланцевой нефти) свернуть объемы производства, что восстановит равновесие на рынке.

Накануне состоявшейся в июне 2016 г. очередной встречи ОПЕК цена на нефть марки Брент составляла около 50 долл./барр., увеличившись по сравнению с январем этого же года примерно на 70%. В этих улучшившихся условиях члены организации в конце ноября 2016 г. объявили о достижении договоренности стран картеля и некоторых не входящих в него стран, включая Россию, о согласованном сокращении добычи на 1,8 млн барр. в сутки. К концу мая 2017 г. участники договоренности вышли на согласованные показатели и договорились продлить действие соглашения ОПЕК+ до мая 2018 г., а затем, через полгода, и до конца 2018 г. Рынок отреагировал на эти новости подъемом, и в настоящее время цена нефти Брент превысила 77 долл./барр. Нельзя не признать, что согласованное сокращение добычи помогло стабилизировать рынок, снять с него давление излишних запасов, сблизить величины спроса на нефть и ее предложения.

Во многом благодаря стабилизации ситуации на рынке нефти понижательная ценовая тенденция на мировых рынках в 2017 г. уступила место повышательной. По сравнению с 2016 г. выросли цены на большинство товаров, но цены на сахар, кофе, табак и джут продолжали падать. В текущем году, по прогнозу Всемирного банка, повышение цен продолжится.

По прогнозу экспертов Всемирного банка, в ближайшие годы цены на мировых товарных рынках, за исключением рынков удобрений и драгоценных металлов, будут иметь слабо выраженную тенденцию к повышению. Но в 2020 г., если не будет резкого обострения геополитических конфликтов, ни по одной из товарных групп они не достигнут уровня 2010 г., а в 2025 г. за этот уровень могут выйти только продовольственные товары[5]. Вместе с тем стабилизация на мировом нефтяном рынке в результате реализации сделки ОПЕК+ будет оказывать стимулирующее влияние на другие товарные рынки.

[5] Commodity marcets outlook. April 2018. World Bank. openknowledge.worldbank.org/handle/10986/29721.

Многие эксперты сходятся в том, что в перспективе сохранится действие основных факторов, определявших векторы и динамику цен на мировых рынках сырья и продовольствия в предыдущие годы. В частности, замедление экономической динамики в мире, в том числе в крупных развивающихся странах, не сулит быстрого преодоления периода вялого спроса на сырьевые, инвестиционные и потребительские товары. Особую озабоченность экспертов вызывает торможение китайской экономики, выступавшей в последние годы одним из главных потребителей важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции. В ближайшие три-четыре года сохранится заметное влияние на конъюнктуру мировых рынков подорожавшего доллара США, сдерживающего рост цен товаров, номинированных в этой валюте, – энергоносителей, металлов, зерновых. Окончание программы «количественного смягчения» в США, а также геополитические риски, связанные с конфликтами на Ближнем Востоке и Украине, стимулируют приток капиталов в США, что повышает вероятность дальнейшего укрепления курса доллара к другим мировым валютам.

Внешняя торговля России в условиях волатильности цен

Сжатие глобального спроса и понижение цен на базовые и все другие товары в течение последних лет сопровождалось торможением международной торговли, которая до глобального кризиса выступала драйвером экономического роста. В период 2012–2014 гг. стоимостной объем мирового экспорта практически не увеличивался, в 2015 г. он снизился на 13%, в 2016 г. – еще на 3%. В 2017 г. на фоне повышения мировых цен темпы прироста международной торговли заметно выросли (см. табл. 2).

Приведенные в таблице 2 данные показывают, что изменение мировых цен играет решающую роль в динамике международной торговли. Вместе с тем тенденция увеличения ее реального объема не прерывается даже в условиях заметного снижения цен, несмотря на то, что в последние годы темпы прироста мирового экспорта уменьшились и составляли менее 3%, что примерно вдвое меньше, чем в предыдущие 30 лет. В текущем году мировая торговля, как прогнозирует ВТО, может вырасти на 4,4%[6].

Ситуация, складывающаяся в международной торговле, еще более рельефно воспроизводится во внешней торговле России, структурные особенности которой (3/5 экспорта приходится на минеральное сырье, примерно седьмую часть импорта составляет сельскохозяйственная

[6] Strong trade growth in 2018 rests on policy choises. www.wto.org/english/news_e/pres18_e/pr820_e.htm.

Таблица 2

Вклад мировых цен в динамику международной торговли, % к предыдущему году

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Прирост/падение мирового экспорта	20	1	2	1	–13	–3	11
Вклад мировых цен на базовые товары	18	–8	–7	–6	–17	–1	6
Справочно: прирост реального объема экспорта*	5,5	2,5	2,7	2,7	2,4	1,8	4,7

* При оценке реального объема экспорта элиминируется влияние изменений мировых цен и валютных курсов.

Источник: рассчитано по: Free market commodity price index, annual, 1960–2017. UNCTADSTAT. Официальный сайт ЮНКТАД. www.unctad.org; International Trade Statistics. WTO. 2012–2015, World trade statistical review. WTO. 2016–2017. www.wto.org.

Таблица 3

Темпы прироста российского экспорта, импорта и контрактных цен, % к предыдущему году

	2013	2014	2015	2016	2017
Стоимостной объем экспорта	0,2	–5,4	–30,9	–16,9	124,8
Вклад средних контрактных цен	–4,3	–5,8	–35,5	–20,6	20,7
Стоимостной объем импорта	–0,6	–9,0	–36,3	–0,3	124,5
Вклад средних контрактных цен	2,5	–1,9	–15,7	–2,6	6,6
Справочно: физический объем экспорта	5,0	0,5	7,1	4,8	3,6
Справочно: физический объем импорта	–3,2	–7,3	–25,0	2,3	16,7

Источник: Россия в цифрах 2017. Росстат, 2017. С. 474; Индексы внешней торговли Российской Федерации в 2017 г. – экспресс-информация ФТС РФ. Официальный сайт ФТС РФ. www.customs.ru.

продукция) предопределяют сильную зависимость объемов внешнеторговых операций от ценовой конъюнктуры на мировых рынках базовых товаров. В условиях понижательной динамики цен на внешних рынках и рецессии в национальном хозяйстве в 2014–2016 гг. стоимостные объемы экспорта и импорта неуклонно сокращались и только в 2017 г. вернулись на траекторию роста. Главным фактором падения и подъема экспорта являлось изменение уровня средних контрактных цен, а импорта – динамика физического объема закупок (см. табл. 3).

Подсчеты показывают, что в 2016 г. цены на вывозимые минеральные продукты снизились по сравнению с 2013 г. почти на 59%, на продукцию химической промышленности и каучук – 43%, на металлы и изделия из них – 34%, на машины, оборудование и транспортные средства – 33%, по экспорту в целом – на 52%. Импортные цены в целом упали почти на 20%, в том числе на продовольствие и сельхозсырье, а также химическую продукцию – примерно на четверть. В результате за 2014–2016 гг. Россия потеряла на снижении экспортных цен около 294 млрд долл. и выиграла на падении импортных цен почти 45 млрд долл. Общий проигрыш от ухудшения ценовой конъюнктуры составил за этот период 249 млрд долл. Однако валютные потери экспортеров, благодаря девальвации, были перекрыты увеличением выручки в рублях и физического объема поставок за рубеж на 13%. Результаты деятельности импортеров ухудшились: экономия на ценах (сокращение валютных расходов) была сведена на нет тратами заметно больших средств в рублях на оплату ввозимой продукции, что подталкивало вверх цены на нее на внутреннем рынке и провоцировало инфляцию. По физическому объему импортные закупки сократились на 29% [5, с. 37].

В 2017 г. в рост стоимостного объема экспорта основной вклад (почти 85%) внесло увеличение контрактных цен. Рост импорта, напротив, более чем на 68% был обеспечен расширением его физического объема. В наибольшей мере экспортные и импортные цены увеличились по минеральным продуктам, металлам и изделиям из них, машинам и оборудованию (см. табл. 4), однако ни по одной группе товаров цены не вернулись к уровню 2013 г. По минеральным продуктам, например, экспортные цены оказались на 48% ниже, чем в указанном году, по химической продукции – на 37%, по металлам и изделиям из них – на 18% ниже. Импортные цены в целом выросли на 7%, что наряду с дешевым по отношению к доллару рублем продолжало сдерживать увеличение поставок необходимой продукции из-за рубежа. Физический объем импорта по итогам года оказался на 17% меньше, чем в 2013 г., тогда как по экспорту этот показатель вырос на 16%.

По имеющимся прогнозам, мировые цены на базовые товары, как уже отмечалось, в период до 2025 г. будут расти умеренными темпами. Следовательно, вряд ли стоит ожидать, что отечественные экспорт и импорт будут расти так же быстро, как в прошедшем году.

Сильная зависимость объемов внешней торговли от ценовой конъюнктуры на мировых рынках связана с нынешним характером конкурентных преимуществ отечественной экономики, базирующихся главным образом на богатых природных ресурсах. При практически полном отсутствии у России возможностей серьезно влиять на мировые цены (кроме цен на нефть, и то при условии обязательного взаимодействия с ОПЕК) единственным путем к снижению степени такой зави-

Таблица 4

Индексы средних контрактных цен на основные группы экспортных и импортных товаров, % к предыдущему году

	2015		2016		2017	
	эксп.	имп.	эксп.	имп.	эксп.	имп.
Экспорт/импорт в целом	64,5	98,1	79,4	97,4	120,7	106,6
Продовольствие и сельскохозяйственное сырье, кроме текстильного	90,5	99,7	91,6	97,3	104,3	105,0
Минеральные продукты	57,9	93,8	75,5	95,0	127,1	123,6
Продукция химической промышленности, каучук	82,0	94,8	76,9	97,9	110,5	109,0
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	65,2	93,9	96,5	119,4	105,0	95,7
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	77,0	101,3	91,5	100,0	110,3	100,3
Текстиль и текстильные изделия, обувь	78,0	99,7	96,0	100,8	103,1	97,9
Металлы и изделия из них	79,1	97,4	85,1	95,6	124,0	107,0
Машины, оборудование и транспортные средства	88,4	99,0	85,5	96,3	113,5	107,2
Другие товары	46,8	95,2	91,0	105,0	102,0	103,5

Источник: База данных таможенной статистики внешней торговли РФ. Индексы внешней торговли РФ в 2015–2017 гг. Официальный сайт ФТС РФ. www.customs.ru.

симости, как свидетельствуют исследования мирового опыта, может быть переход на новые стадии развития конкуренции, основывающиеся на инвестициях и инновациях. [6, с. 585–608]. Иными словами, для уменьшения влияния мировых цен на отечественную экономику и внешнюю торговлю требуются существенная активизация инвестиционного процесса и вывод из коматозного состояния национальной инновационной системы, что может позволить модернизировать обрабатывающую промышленность (за пределами ОПК) и сельское хозяйство на основе современных технологий, создать фундамент для расширения производства и экспорта конкурентоспособной готовой продукции, а также рационального импортозамещения.

ЛИТЕРАТУРА
1. 1971–2025: курсы валют, мировые цены на сырье, курсы акций // Под ред. Я.М. Миркина. М.: Магистр, 2015.
2. *Спартак А.Н.* Динамические и структурные параметры современной международной торговли//Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). 2017. № 4. С. 4–15.
3. *Дюмулен И.И.* Международная торговля. Экономика, политика, практика. М.: ВАВТ, 2015.
4. Глобальная перестройка / Отв. ред. акад. А.А. Дынкин, акад. Н.И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, изд. Весь Мир, 2014.
5. *Оболенский В.П.* Внешняя торговля России в условиях снижения мировых цен и «санкционной войны» // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 9. С. 34–44.
6. *Портер М.* Международная конкуренция. М.: Международные отношения, 1993.

ABOUT THE AUTHOR
Vladimir Petrovich Obolensky – Doctor of Economic Sciences, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS) Moscow, Russia, Chief Scientific Associate of the E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
vobolenskiy@mail.ru

WORLD PRICES: THE IMPACT ON RUSSIA'S FOREIGN TRADE

The article examines the main factors that determine the vectors and dynamics of prices in the world markets of basic goods. Attention is drawn to the dual nature of these markets, where trade is carried out not so much by real goods as by "paper" goods, in the form of secondary financial instruments-futures and options. The tendencies of the movement of world prices at the present stage are traced, their contribution to the dynamics of the value volume of international trade, over the past few years, is estimated. The influence of changes in world prices on the volumes of Russian exports and imports is revealed. It is noted that the most important condition for a certain reduction in the vulnerability of the Russian economy to the volatility of world prices is the modernization of the domestic manufacturing industry and agriculture, based on modern technologies.

Keywords: *world prices, financing of exchange trade, volatility, world trade in goods, foreign trade of Russia.*
JEL: E30, F10, F14.

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

И.В. КАРАВАЕВА
доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН,
главный научный сотрудник, руководитель Сектора экономической безопасности ФГБУН Институт экономики РАН

Е.А. ИВАНОВ
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
Сектора экономической безопасности ФГБУН Институт экономики РАН

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РИСКИ ТРЕХЛЕТНЕГО БЮДЖЕТА[1]

Опыт функционирования трехлетних бюджетов и прогнозов социально-экономического развития России свидетельствует о наличии серьезных проблем в сложившейся к настоящему времени концепции их разработки. Необходим ли современной российской экономике именно трехлетний бюджет? Как сочетаются бюджет и прогноз социально-экономического развития? Какова достоверность прогнозных показателей на двухлетний и трехлетний периоды? Существует ли реальный контроль за выполнением трехлетних бюджетов? К сожалению, практика последних лет показывает катастрофическое несовпадение прогнозных и фактических данных при реализации трехлетних бюджетов, формирование реальных угроз интересам предпринимательства, торможение в решении социальных проблем. В статье предлагаются определенные подходы к совершенствованию современной бюджетной концепции. Рассматриваются возможности реформирования института бюджетирования на основе реализации положений Закона о государственном стратегическом планировании.

Ключевые слова: *бюджет, бюджетная концепция, прогноз социально-экономического развития, стратегическое планирование, экономическая безопасность, социальные риски.*

JEL: H60, H12, H77, H131.

[1] Статья подготовлена в рамках Программы ФНИ государственных академий наук на 2013–2020 гг. в соответствии с темой ГЗ № госрегистрации АААА-А17-117021750046-0 УДК 33:005 «Проблемы обеспечения социально-экономической безопасности в ходе развития государственного стратегического планирования».

Проблемные вопросы современной бюджетной политики

В середине первого десятилетия XXI в. начался переход от разработки федерального бюджета и прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на один год к механизму трехлетнего бюджетирования и прогнозирования. В конечном счете были сформированы документы под названием Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2018 г. и на плановый период 2019 и 2020 гг.»[2] и «Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2018 г. и на плановый период 2019 и 2020 гг.»[3]. К настоящему времени уже накопился немалый опыт функционирования трехлетних бюджетов и прогнозов социально-экономического развития, соответственно, возникли и серьезные вопросы, а зачастую и претензии к сложившейся бюджетной концепции.

Первый вопрос: бюджет на трехлетний период, в соответствии с действующим законодательством, формируется как жесткий плановый документ, а прогноз социально-экономического развития, описывающий этот период, воспринимается как ориентированная на корректировку проектная разработка. Возникает дилемма: плановый бюджет заставляет прогноз приобретать управляющий страной характер или никого ни к чему не обязывающий прогноз приводит к недостоверности намеченных показателей бюджета?

Вопрос второй: почему трехлетки не имеют сущностной, хорошо понимаемой задачи? Например, в конце ноября 2017 г. президент России выступил с демографической программой. Очевидно, что для ее реализации необходимы четкие производственные задачи – создать такие-то производства, построить соответствующие производственные и социальные объекты и т. д. Тогда и определится конкретный срок – трех- , четырех- или пятилетка. Ведь в свое время пятилетний период государственных планов определился именно потому, что 5 лет составлял срок длительности строительства крупных заводов, реализации крупных проектов и т. п. Это был для того времени объективный воспроизводственный цикл. Вполне вероятно, что сейчас, в условиях четвертого этапа НТР, процессы ускорились. Но тогда необходимо дать объективное обоснование трехлетнего горизонта прогнозирования.

---

[2] Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» (проект). base.garant.ru/56727430.

[3] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов. economy.gov.ru/wps/wcm/connect/2e83e62b-ebc6-4570-9d7b-e0beba79f63/prognoz2018_2020.

Вопрос третий: что в любом документе, описывающем будущее развитие экономики страны, является базовым управляющим элементом? И надо ли искать такой элемент? Так ли необходимо, чтобы вся вертикаль власти активно работала над реализацией экономических задач?

Вопрос четвертый: существует ли действенный контроль за выполнением трехлетних бюджетов? К сожалению, приходится констатировать, что сегодня отсутствует публичный ежегодный анализ выполнения трехлетних бюджетов с выявлением причин отклонений от их выполнения.

Достоверность трехлетних бюджетов

Перейдем к анализу характера трех утвержденных федеральных бюджетов периода 2012–2016 гг. и особенностей их исполнения (см. табл. 1).

Итак, основной характеристикой разработанных и утвержденных федеральных бюджетов после 2012 г., включая бюджет 2015–2016 гг., являлось максимальное сохранение сбалансированности бюджета. В 2013 г. произошел обвал темпов роста российской экономики (пока еще при высокой цене на нефть и отсутствии санкций); в 2014 г. мы уже вошли в рецессию, а Минфин РФ все продолжал снижать дефицит федерального бюджета (практически до нуля, даже в 2015 г.).

Как это достигалось?

В период 2012–2014 гг. наблюдался значительный рост доходов бюджета – с 106,4% в 2012 г. до 110,9% в 2014 г. и резкое снижение темпов роста расходов – с 114% в 2012 г. до 100,2% в 2014 г. (см. табл. 1). Это означало существенное изъятие денежной массы из хозяйственного оборота и снижение объемов финансирования производства, чему в полной мере соответствовала политика снижения дефицита и практически полной сбалансированности бюджета вплоть до 2015 г. Правда, в 2014–2015 гг. все же была предпринята попытка некоторого, крайне робкого опережения роста расходов, не нарушающего тенденции снижения дефицитности бюджета.

Что же касается исполнения данного трехлетнего бюджета, то до 2014 г. сохранялась инерция низкого дефицита бюджета, хотя страна уже вошла в рецессию, а вот в 2015 г. и 2016 г. наблюдался спад экономического развития и резкое увеличение дефицита бюджета. Однако реальная экономика уже была лишена нужного объема финансирования. И в значительной мере именно это, а не санкции и падение цен на нефть, стало главной причиной вхождения в кризис 2014–2016 гг. Бюджет явно не стал достоверным документом, правильно ориентирующим экономику.

Таблица 1

Основные параметры федеральных бюджетов 2012–2014 гг., 2013–2015 гг. и 2014–2016 гг. и их исполнение

Наименования	2012–2014 гг.			2013–2015 гг.			2014–2016 гг.		
	2012	2013	2014	2013	2014	2015	2014	2015	2016
Бюджеты									
Доходы, всего, трлн руб.	11,8	12,7	14,1	12,9	14,1	15,6	15,1	15,8	16,5
В % к ВВП	20,1	19,6	19,4	19,3	19,0	18,8	19,5	19,0	18,4
В % к предыдущему году	106,4	107,9	110,9	101,5	109,3	110,6	107,2	104,6	104,4
Расходы, всего, трлн руб.	12,7	13,7	14,6	13,4	14,2	15,6	15,5	16,3	17,0
В % к ВВП	21,6	21,2	20,1	20,1	19,2	18,8	20,0	19,6	19,0
В % к предыдущему году	114	108,5	100,2	104,4	106,0	110,0	111,1	105,2	104,3
Дефицит (–), профицит (+), трлн руб.	–0,9	1,0	0,5	–0,52	–0,14	0,02	–0,43	–0,5	–0,5
В % к ВВП	–1,5	–1,6	–0,7	–0,8	–0,2	–0,01	–0,6	–0,6	–0,6
Исполнение*									
Доходы, всего, трлн руб.	12,9	13,0	14,5	13,0	14,5	13,6	14,5	13,6	13,5
В % к предыдущему году									
Расходы, всего, трлн руб.	12,9	13,3	14,8	13,3	14,8	15,6	14,8	15,6	16,4
В % к предыдущему году									
Дефицит (–), профицит (+), трлн руб.		–0,3	–0,34	–2,0	–0,34	–2,0	–0,34	–2,0	–3,0
В % к ВВП		–0,6	–0,4	–0,6	–0,4	–2,5	–0,4	–2,5	–3,5

* Впоследствии в справочниках «Россия в цифрах» эти данные очень незначительно уточнялись, что никак не влияет на аналитические выводы. К сожалению, в стат. справочниках «Россия в цифрах» Росстат перестал публиковать полный баланс федерального бюджета.

Источник: Россия в цифрах. 2013. Краткий стат. сб. М.: Росстат, 2013. С. 179; Россия в цифрах. 2014. Краткий стат. сб. М.: Росстат. 2014. С. 177; Россия в цифрах. 2015. Краткий стат. сб. М.: Росстат, 2015. С. 171; Россия в цифрах. 2016. Краткий стат. сб. М.: Росстат, 2016, С. 161; Россия в цифрах. 2017. Краткий стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 171–177.

Обращают на себя внимание и весьма крупные расхождения между предусмотренными и фактическими размерами дефицита в утвержденном бюджете. Особенно это заметно в первой анализируемой трехлетке. Это также свидетельствует о том, что именно снижение дефицита бюджета позиционировалось как главная задача, которую ставил перед собой Минфин, сознательно нарушая в процессе исполнения бюджета ранее намеченные в утвержденном бюджете пропорции.

Теперь о другой особенности разработок трехлеток. В представленных в таблице трех трехлетних бюджетах *дважды* встречается 2013 г. и *трижды* 2014 г. *Это означает, что для каждого из этих лет были разработаны два и соответственно три самостоятельных бюджета.* И эти бюджеты существенно отличаются друг от друга. Так, дефицит бюджета на 2013 г., составленного в рамках трехлетки на 2012–2014 гг., был предусмотрен в размере 1,6% к ВВП, а в трехлетке 2013-2015 гг. в размере 0,8% к ВВП. На 2014 г. было разработано 3 бюджета: в рамках трехлетки на 2012–2014 гг. с дефицитом 0,7% к ВВП, в рамках трехлетки 2013–2015 гг. в размере 0,2% к ВВП и в рамках трехлетки 2014–2016 гг. в размере 0,6% к ВВП. Это все совершенно разные бюджеты. Закономерно возникает вопрос: по какому же из этих трех бюджетов жила страна в 2014 г.?

Для того чтобы прояснить этот вопрос, обратимся к сегодняшней ситуации. На текущий 2018 г. имеется два бюджета: один – разработанный в рамках трехлетки на 2017–2019 гг., где этот год был вторым годом трехлетнего бюджета, и другой, на 2018–2020 гг., где этот год стал первым. По какому из этих бюджетов будет жить страна в 2018 г.? Конечно же, по последнему бюджету. А он значительно отличается от предыдущего бюджета на данный период в связи с тем, что за год был принят ряд новых решений: это и приближение МРОТ к прожиточному минимуму, что потребует пересмотра уровня расходов на рост зарплат и ряда пособий; это и учет очень крупной демографической программы, объявленной президентом России; это и решение вопроса по военным пенсиям; это и выборочное повышение зарплат педагогам, социальным работникам и врачам.

Ну а что же с предыдущим бюджетом на 2018 г.? Складывается впечатление, что о нем надо забыть, так же как через год будут забыты разработанные ранее бюджеты на 2019 г. и 2020 г., а страна будет жить по бюджету, разработанному в рамках новой трехлетки на 2019–2021 гг. Так было и во всех так называемых предыдущих трехлетках. Во всех этих бюджетных документах действующим бюджетом всегда был бюджет на первый год трехлетки, а бюджеты на остальные два года представляли собой пропагандистские приложения к реально действующему бюджету.

Таким образом, так называемое трехлетнее бюджетирование – это очередной миф в реализации концепции планового поступательного

развития российской экономики. Сегодня, когда эта детская игра в трехлетки продолжается с крайне серьезным видом при их разработке и обсуждении в Государственной Думе и Федеральном Собрании России, представляется, что мифичность трехлетнего бюджетирования в глубине души понимается и депутатами, и сенаторами, и особенно оппозицией. Ведь в своих выступлениях по трехлетнему бюджету их замечания в основном касаются первого года трехлетки.

Соотношение плана и прогноза в бюджетной политике

Рассмотрим, как складывалась реализация прогнозов по развитию экономики в разрезе важнейших ее сфер (см. табл. 2).

Даже без особо тщательного анализа табл. 2 наглядно демонстрирует катастрофическое несовпадение прогнозных и фактических данных. Как видим, темпы роста ВВП резко упали уже в 2013 г., когда цены на нефть были еще очень высокими и никаких западных санкций еще не было. Это должно было насторожить экономический блок правительства. Но не насторожило. На первый план были выдвинуты достижение сбалансированности бюджета в 2012 г. и снижение дефицита в 2014 г. Какая обеспокоенность, если достигнуты такие успехи?

Однако уже в конце 2013 г. стало очевидно, что российская экономика входит в рецессию: резко упали темпы роста ВВП, практически приостановился рост инвестиций в основной капитал, перестала снижаться инфляция. В последующие годы, когда рост ВВП приостановился, а инвестиции в основной капитал и реальные доходы населения начали снижаться, МЭР продолжал прогнозировать рост ВВП в 2014 г. – на 4,6%, а в 2015 г., когда все показатели вошли в минус и инфляция резко скакнула вверх, – на 4,5%, инвестиций – на 7,3%, доходы населения – на 7,9%, инфляция же по прогнозу должна была сниться на 1 п.п. И в последующей трехлетке, когда страна уже два года жила в условиях рецессивной экономики, на 2016 г. по всем показателям, указанным в табл. 2, прогнозировался рост на 2–3%, а по инфляции – дальнейшее снижение [1, с. 46].

Что это – полная слепота или стандартный казенный оптимизм? Почему плановый, законодательно подтвержденный статус трехлетнего бюджета никак не повлиял на очевидную безответственность правительственного прогноза?

Напомним, федеральный бюджет был принят Госдумой 24 ноября 2017 г., одобрен Советом Федерации 29 ноября 2017 г. и утвержден Президентом России 5 декабря 2017 г. Необходимо также упомянуть, что этот бюджет был принят и утвержден в тесной увязке с прогнозом Минэкономразвития России. Напомним также темпы прироста ВВП в рамках этого прогноза: 2018 г. – 2,1%, 2019 г. – 2,2%, 2020 г. – 2,3% [1,

Таблица 2

Динамика важнейших сфер экономики по прогнозам и фактический рост, в % к предыдущему году

Наименование показателей	Прогноз к трехлетке 2012–2014 гг.,			Фактический рост		
	2012	2013	2014	2012	2013	2014
ВВП	103,7	104,0	104,6	103,5	101,3	100,7
Промышленность	103,4	103,9	104,2	103,4	100,4	101,7
Инвестиции в основной капитал	107,8	107,1	107,2	106,6	100,8	98,5
Розничный товарооборот	105,5	105,3	105,5	106,3	103,9	102,7
Реальные денежные доходы населения	105	104,8	105,3	105,0	104,0	99
Инфляция	5–6	4,5–5,5	4–5	106,6	106,5	111,4
Наименование показателей	**Прогноз к трехлетке 2013–2015 гг.,**			**Фактический рост**		
	2013	**2014**	**2015**	**2013**	**2014**	**2015**
ВВП	103,7	104,3	104,5	101,3	100,7	97,2
Промышленность	103,7	103,7	103,7	100,4	101,7	96,8
Инвестиции в основной капитал	107,2	107,3	107,9	100,8	98,5	89,9
Розничный товарооборот	105,4	105,8	105,8	103,9	102,7	90,0
Реальные денежные доходы населения	103,7	105,2	105,3	104,0	99,0	97,0
Инфляция	5–6	4–5	4–5	6,5	11,4	12,9
Наименование показателей	**Прогноз к трехлетке 2014–2016 гг.,**			**Фактический рост**		
	2014	**2015**	**2016**	**2014**	**2015**	**2016**
ВВП	103,0	101,2	102,3	100,7	97,2	99,8
Промышленность	102,2	101,6	101,7	101,7	96,8	101,1
Инвестиции в основной капитал	103,9	102,7	102,5	98,5	89,9	99,1
Розничный товарооборот	104,0	100,6	102,9	102,7	90,0	95,4
Реальные денежные доходы населения	103,3	100,4	102,6	99,0	97,0	94,0
Инфляция	4,5–5,5	5–6	4–5	11,4	12,9	5,4

Источник: Россия в цифрах, 2017. С. 38, 39, 117, 445; прогнозные данные за 2015–2016 гг. взяты частично из прогноза на 2015–2016 гг.

С. 47]. Вот ведь как тщательно считали. Но уже 4 декабря 2017 г. МЭР заявило, что собирается пересмотреть этот прогноз, так как цены на нефть будут выше тех, которые были заложены в бюджет, его доходы и расходы можно изменить, если пересмотреть бюджетное правило и увеличить цену отсечения. Минфин резко возразил против этого. И началась бурная дискуссия, касающаяся пересмотра только что принятого бюджета[4]. Таким образом, прогноз, за выполнение которого никто не несет реальной ответственности, пересилил жесткий плановый бюджет, сделав его таким же необязательным к исполнению.

Закономерно возникает вопрос: как же в условиях непрерывного пересмотра запланированных позиций правительство управляет российской экономикой? Нужно отдать должное активности и энергии нашего президента, решающего в режиме «Прямой линии» наиболее острые социальные, инвестиционные, кадровые, демографические, экологические и все иные вопросы. Однако действенность модели государственного управления экономикой, основанной на россыпи отдельных поручений и решений, которые вряд ли могут быть сбалансированы между собой и с экономикой в целом, в современных условиях неэффективна. Представляется, что это понимает и руководство страны, принявшее закон о стратегическом планировании. Отсюда вытекает необходимость реализации комплекса мер в совершенствовании бюджетной концепции государства.

Возможности совершенствования бюджетной политики

Все сказанное закономерно приводит к мысли о целесообразности прекращения разработки трехлетних бюджетов и возврате к годовому бюджетированию. *Однако этого делать не стоит.*

В современных условиях трехлетние бюджеты служат приоритетным ориентиром для бизнеса, который внимательно следит за намерениями правительства при принятии своих решений. Очевидно, что такой бюджет является для бизнеса важным прогнозным ориентиром по базовым направлениям развития экономической и социальной ситуации в стране. Понятно также, что бизнесу не нужен бюджет, разработанный по всем правилам, с многочисленным и очень трудоемким приложением, с росписью всех расходов по министерствам, федеральным целевым программам, указам президента, субъектам Федерации и т. д., а также всех доходов по множеству налогов и иных фискальных поступлений.

По нашему мнению, представляется целесообразным разрабатывать федеральный бюджет в полном формате, со всеми приложениями, на первый год. На последующие же два года целесообразно формировать прогноз

[4] Независимая газета. 4.12.2017.

социально-экономического развития, в котором будут представлены основные направления экономической, и в том числе бюджетной, политики государства, с учетом вариативности прогнозных заданий и показателей.

И если структура и содержание годового бюджета формируются на основе уже устоявшейся и наработанной системы форм и методов, то последовательное формирование и развитие концепции среднесрочного и стратегического прогнозирования бюджетной политики требуют разработки системы основополагающих принципов. Процесс формирования и реализации стратегического прогноза социально-экономического развития должен обладать для этого совершенно определенными свойствами:

1. *Прогноз социально-экономического развития должен разрабатываться не отдельной группой пусть даже самых квалифицированных специалистов, а всей страной.* Эта на слух очень пафосная фраза означает, что стратегический прогноз социально-экономического развития должен быть единой суммой стратегических прогнозов развития предприятий, субъектов Федерации, федеральных министерств. Эти прогнозы необходимо разрабатывать на одинаковый период, по системе показателей, установленной Минэкономразвития, для сведения их в единый документ. Конечно, возникает вопрос о правомерности обязывать коммерческие предприятия разрабатывать, да еще и представлять в МЭР свои стратегические прогнозы. Но это вполне правомерно для унитарных предприятий, для госкорпораций, для бизнеса, в котором заметная часть акций принадлежит государству, и для бизнеса, работающего с государством на контрактной основе. При таком подходе к разработке прогноза социально-экономического развития страны можно привлечь подавляющее число предприятий. По остальным можно воспользоваться данными, представляемыми ими в налоговые органы. И главное – каждое предприятие, субъект Федерации, министерство должно видеть себя в структуре данного стратегического прогноза социально-экономического развития.

2. *Прогноз социально-экономического развития должен быть тщательно сбалансирован по всем параметрам и разделам*. Эту работу в основном может практически осуществить только МЭР, в котором должны быть существенно усилены балансовые службы.

Особое значение приобретает сбалансирование стратегического прогноза социально-экономического развития страны с годовыми федеральными и субфедеральными бюджетами. Прогноз неизбежно будет разрабатываться поэтапно. Вариант, разработанный МЭР на начальном этапе, должен явиться заявкой этого министерства на объем бюджетного финансирования, необходимый для формирования потоков финансовых ресурсов на экономическое развитие. Возможно, и даже наиболее вероятно, что Минфин РФ не будет согласен

с этой заявкой и будет настаивать на значительно меньших бюджетных расходах. Это обычный конфликт интересов, который правомерен между Минэкономразвития и Минфином, поэтому необходимо создать механизм оптимального разрешения этого конфликта. Здесь одинаково опасно отдавать безусловный приоритет только одному из интересов. В настоящее же время этот приоритет отдается в основном Минфину, что и формирует многие наши трудности.

3. *Стратегический прогноз социально-экономического развития страны должен содержать задания, за выполнение которых есть ответственные.* Здесь опять возникает вопрос о правомерности заданий для бизнеса. Со всей очевидностью нельзя привносить в современное рыночное функционирование экономики главный порок советского планирования, когда предприятиям сверху навязывались задания, ответственность за которые ложились полностью на коллективы предприятий. По нашему мнению, задания для предприятий любой формы собственности могут даваться только на основе контрактов, заключенных предприятиями с государством. Но руководство субъектами Федерации и федеральными министерствами должны нести определенную административную ответственность за разработанные ими же задания. Это повысит ответственность всей вертикали власти за заявленные результаты, а прогноз социально-экономического развития страны станет наконец управляющим документом.

4. *Необходим ежегодный публичный контроль за выполнением прогнозов и стратегий социально-экономического развития как страны в целом, так и по всей вертикали власти.* Приведенные выше условия превращения прогнозов социально-экономического развития в управляющие документы позволяют это сделать. Надо, чтобы такой контроль влиял на ход выполнения документа, на причины отклонений и предлагал бы меры по выправлению ситуации. Целесообразна также законодательно зафиксированная оценка работы правительства, отдельных губернаторов и министров за отчетный период.

5. *При соблюдении указанных выше условий должна быть резко повышена роль Минэкономразвития России*. Сейчас она мизерная. Недаром по рейтингу влияния 100 ведущих политиков России, регулярно публикуемому Независимой газетой, министр финансов и глава Центробанка находятся, как правило на 7–10 местах, а министр экономразвития – в третьей-четвертой десятке. Мы полагаем, что статус министра экономического развития РФ необходимо повысить. Логично было бы, чтобы он получил статус вице-премьера, т. е. руководителя всего экономического блока правительства. Кроме того, разработка стратегического прогноза социально-экономического развития страны должна быть поручена Минэкономразвития России. Только оно может тесно

работать со всей вертикалью власти при разработке этой стратегии и обеспечить соблюдение всех указанных выше условий.

Такое последовательное взаимодействие и взаимозависимость утвержденного годового федерального бюджета на текущий период и прогноза социально-экономического развития страны на последующие два года позволит в итоге реализовать перспективные идеи, заложенные в Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Караваева И.В., Бухвальд Е.М., Казанцев С.В., Иванов Е.А.* и др. Федеральный бюджет России на 2018–2020 годы: новый шаг к победе над дефицитом и инфляцией? // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 1. С. 40–61.

ABOUT THE AUTHORS

Irina Vladimirovna Karavaeva – Doctor of Economic s Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Economic Security Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Chief Scientific Associate of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. ikaravaeva30@yandex.ru

Evgeny Alexandrovich Ivanov – Candidate of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Economic Security Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.

STRATEGIC RISKS OF THREE-YEAR BUDGET

The experience of functioning of three-year budgets and forecasts of the socio-economic development of Russia testifies to the existence of serious problems in the current concept of their development. Is it necessary for the modern Russian economy to have namely a three-year budget? How is the budget combined with the forecast of social and economic development? What is the reliability of the projected indicators for the two-year and three-year periods? Is there real control over the implementation of the three-year budgets? Unfortunately, the practice of recent years shows a catastrophic discrepancy between forecast and actual data in the implementation of three-year budgets, the formation of real threats to the interests of entrepreneurship, inhibition in solving social problems. The article suggests certain approaches to improving the modern budget concept. The possibilities of reforming the institution of budgeting, based on the implementation of the provisions of the Law on State Strategic Planning, are considered.

Keywords*: budget, budget concept, forecast of social and economic development, strategic planning, economic security, social risks.*

JEL: H60, H12, H77, H131.

Вестник Института экономики Российской академии наук
5/2018

И.Н. ГУРОВ

кандидат экономических наук, член управляющего совета
магистерской программы «Финансовая аналитика»
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Г.А. БОБКОВ

студент экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

ПРЕМИИ ЗА РИСК ИНФЛЯЦИИ В СТРУКТУРЕ ПРОЦЕНТНЫХ СТАВОК В РОССИИ В 2003–2018 ГОДАХ

Вследствие неопределенности относительно будущей инфляции инвесторы не могут заранее определить величину ожидаемых доходов в реальном выражении. В связи с этим любой не склонный к риску инвестор будет требовать дополнительную премию к ожидаемой доходности по вложенным средствам, которая называется премия за риск инфляции. Целью настоящего исследования является оценка размера премии за риск инфляции в структуре процентных ставок в России для каждого года в период с 2003 по 2018 гг. на основе авторской модели. В результате исследования впервые были рассчитаны значения премии за риск инфляции в структуре процентных ставок и реальные процентные ставки в России за 16-ти летний период. Значения премии за риск инфляции в указанный период принимали статистически значимые значения от 0,46 до 3,49 процентных пунктов. Результаты исследования могут быть использованы при оценке стоимости активов, разработке мер по стимулированию инвестиций в России, а также в исследованиях в области денежно-кредитной политики.

Ключевые слова: *премия за риск инфляции, структура процентных ставок, инфляция, неопределенность относительно инфляции.*

JEL: G10, G12, E31, D89.

Введение

В течение последних трех десятилетий рост цен являлся одной из ключевых проблем для социально-экономического развития России. В настоящей статье обращается внимание на один из негативных эффектов высокой и волатильной инфляции, а также низкого доверия к денежным властям – на формирование премии за риск инфляции в структуре процентных ставок.

Вследствие неопределенности относительно будущей инфляции инвестор заранее не знает величину своего ожидаемого дохода в реальном выражении (как по финансовым, так и по нефинансовым активам), даже если он точно знает, какой доход в номинальном выражении получит. В соответствии с концепцией риск-доходность не склон-

ный к риску инвестор будет требовать премию за принятие такого риска. Чем выше неопределенность относительно будущей инфляции, тем более существенным может быть отклонение фактических доходов в реальном выражении от ожидаемой величины и, следовательно, тем более высокой будет требуемая премия за риск инфляции. Более высокие премии за риск приводят к удорожанию финансирования, при этом уменьшая стимулы как к формированию сбережений домохозяйствами, так и к осуществлению финансово-инвестиционной деятельности нефинансовыми компаниями.

Премия за риск инфляции затрагивает формирование требуемых доходностей для всех доступных финансовых инструментов (включая банковские депозиты, облигации, акции, инструменты инвестиций в недвижимость). Кроме этого, именно на длительных промежутках времени, соответствующих срокам окупаемости капиталоемких и многих наукоемких проектов, отклонения фактической инфляции от ожидаемой могут нанести очень существенный вред будущим доходам в реальном выражении. В результате высокие значения премии за риск инфляции снижают доступность долгосрочного финансирования, что является очень существенным в условиях необходимости увеличения объемов инвестиций в ВВП России. Во многих исследованиях обращалось внимание на значимое влияние инфляционных процессов на сбережения, инвестиции, рост производительности труда и рост экономики. В частности, представитель австрийской школы Л.фон Мизес показал [2], что деньги не являются нейтральными, а инфляция приводит к перераспределению богатства между экономическими группами и оказывает существенное влияние на экономический рост. Тема влияния инфляционных процессов на экономический рост поднимается и в современных исследованиях. В частности, Ф. Картаев показал, что деньги даже в долгосрочном периоде не являются нейтральными, а инфляция и неопределенность относительно будущей инфляции влияют на темпы экономического роста [3]. В большинстве моделей величина инфляции оказывается значимым фактором, негативно влияющим на темпы экономического роста [4]. Все это подчеркивает значимость поставленных проблем по оценке премии за риск инфляции в структуре процентных ставок. В частности, исследование структуры процентных ставок в последние десятилетия позволит более детально разобраться в причинах низкой доли сбережений и инвестиций в ВВП России.

Обзор литературы

В ряде зарубежных исследований поднимался вопрос о расчете премии за риск инфляции в структуре процентных ставок [5; 6; 7]. Однако такие оценки проводились только в странах с развитым рын-

ком облигаций с защитой от инфляции. Это позволяло использовать при расчетах премии данные о доходностях к погашению облигаций с защитой от инфляции и таким образом обеспечить нахождение величины премии за риск инфляции только на основе расчета величины инфляционных ожиданий. В работе соавтора настоящей статьи предложены различные методы оценки премии за риск инфляции, подходящие для стран, где отсутствует рынок облигаций с защитой от инфляции [8].

В отечественной научной литературе представлено много научных работ, посвященных исследованиям структуры процентных ставок. В частности, в одной из статей проводилась оценка премии за ликвидность в структуре процентных ставок в России [9]. Также в научных исследованиях рассматривалось влияние волатильности рынка на временную структуру процентных ставок [10]. Однако в опубликованных научных исследованиях не был представлен расчет премии за риск инфляции в структуре процентных ставок в России с 2000-х годов по настоящее время.

Описание периода исследования

В исследовании представлены результаты оценки премии за риск инфляции во временной структуре рублевых процентных ставок в 2003–2018 гг. со сроком погашения от 1 до 15 лет. Нижняя граница оценки (2003 г.) обусловлена отсутствием данных по бескупонной доходности облигаций федерального займа, которые использовались для расчета премии за риск инфляции, за более ранние даты.

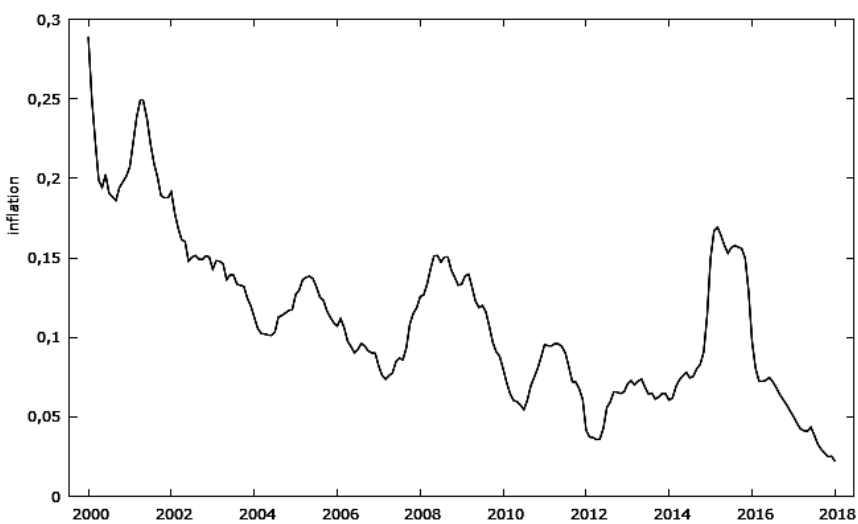


Рис. 1. Динамика инфляции в России в с января 2000 г. по январь 2018 г.

При проведении оценки премии за риск инфляции в 2003–2018 гг. использовались данные по инфляции и динамике процентных ставок с 2001–2018 гг., так как на формирование премии за риск инфляции в 2003 г. оказывала воздействие динамика инфляции в предыдущие годы. Период 2001–2018 гг. характеризовался различной динамикой инфляционных процессов, а также различным уровнем доверия к денежным властям. Так, в 2001–2006 гг. инфляция была высокой и волатильной, при этом имели место понижательные тренды. В 2007–2008 гг. инфляция снова увеличивалась и становилась менее стабильной. В 2009–2013 гг. наблюдались определенные успехи в антиинфляционной политике, которые снова сменились существенным ростом цен в 2014–2015 гг. Наконец, в последние два с половиной года рублевая инфляция существенно замедлилась и стабилизировалась.

Расчет значений номинальных процентных ставок

Для расчета значений номинальных процентных ставок в настоящем исследовании использовались ежедневные данные по бескупонной доходности облигаций федерального займа (ОФЗ) со сроком погашения от 1 до 15 лет. Поскольку возможности определить динамику инфляционных ожиданий на каждодневной основе не имеется, целесообразно привести доходности по облигациям к сопоставимым с инфляцией помесячным данным [8]. На основании этих данных бескупонная доходность за месяц k может быть определена как бескупонная доходность по состоянию на конец месяца. Однако в целях учета наиболее полной информации (о динамике доходности в течение месяца) целесообразно рассчитывать среднемесячные значения доходности к погашению.

Для расчета средних доходностей за месяц доступны данные по ежедневным доходностям к погашению. Доходность к погашению облигации с нулевым купоном можно выразить через цену и номинал облигации:

$$P = \frac{N}{(1+i)^n}, \tag{1}$$

где: P – цена облигации, N – номинал, i – доходность к погашению, n – число лет до погашения. Доходность к погашению облигации с нулевым купоном будет равной:

$$i = \left(\frac{N}{P}\right)^{1/n} - 1. \tag{2}$$

Поскольку рассматривается не конкретная облигация на протяжении нескольких периодов, а гипотетическая облигация с фиксирован-

ным сроком до погашения, то число лет до погашения (n) является постоянной величиной. Таким образом, если рассматривается доходность к погашению облигации в начале и в конце периода, то определяющим ее фактором является только цена (поскольку средняя доходность к погашению за период определяется средней ценой за период).

$$i_{начало} = \left(\frac{N}{P_{начало}} \right)^{1/n} - 1 \qquad \text{и} \qquad i_{конец} = \left(\frac{N}{P_{конец}} \right)^{1/n} - 1. \tag{3}$$

В случае, когда имеются только два наблюдения (начало и конец периода), то среднюю доходность можно найти как:

$$\bar{i} = i(\overline{P}) = i\left(\frac{P_{начало} + P_{конец}}{2} \right). \tag{4}$$

По формуле среднего арифметического:

$$2 * \overline{P} = \frac{N}{(1+i_{начало})^n} + \frac{N}{(1+i_{конец})^n}, \tag{5}$$

в то же время:

$$\overline{P} = \frac{N}{(1+\bar{i})^n}. \tag{6}$$

Выражая среднюю доходность к погашению через среднюю цену облигации и подставляя (1), получаем:

$$(1+\bar{i}) = \left(\frac{N}{\overline{P}} \right)^{1/n} = 2 \Big/ \left[\frac{1}{(1+i_{начало})^n} + \frac{1}{(1+i_{конец})^n} \right]^{1/n}. \tag{7}$$

Заметим, что формула под показателем степени в (7):

$$\frac{2}{\dfrac{1}{(1+i_{начало})^n} + \dfrac{1}{(1+i_{конец})^n}}$$

является средним гармоническим соотношением номинала и цены бескупонной облигации, определяемой доходностями к погашению за весь период до погашения облигаций[1].

[1] Заметим, что при наличии данных об объемах торгов целесообразно было бы взвешивать данные по доходностям по соответствующим объемам торгов.

Для случая, когда за период имеется несколько наблюдений (в частности, за один календарный месяц имеется около 19–22 наблюдений по бескупонной доходности для каждого срока погашения), средняя доходность к погашению может быть рассчитана как:

$$(1+\bar{i}) = \left(\frac{N}{\overline{P}}\right)^{1/n} = M \Big/ \left[\frac{1}{(1+i_1)^n} + \frac{1}{(1+i_2)^n} + \ldots + \frac{1}{(1+i_M)^n}\right], \qquad (8)$$

где: *M* – количество наблюдений за период, *i2*- доходность к погашению, соответствующая дате второго наблюдения в периоде.

Таким образом, на основании (8) могут быть рассчитаны средние доходности для значений бескупонной доходности за рассматриваемый период.

Неопределенность относительно будущей инфляции как фактор премии за риск инфляции

В период проведения исследования (2003–2018 гг.) значения инфляции в России во многом определялись динамикой цен в прошлых периодах, а доверие к денежным властям (за исключением последних 1–2 лет) находилось на низком уровне. В этих условиях волатильность инфляции прошлых периодов может использоваться как репрезентативный показатель для неопределенности относительно будущей инфляции). Также следует добавить, что данный метод хорошо согласуется с общепринятым методом оценки премии за идиосинкратический риск ценных бумаг, исходя из волатильности их доходности в прошлые периоды. Данный метод фактически объясняет поведение инвесторов на рынках капитала, в связи с чем целесообразно предположить хорошую объясняющую способность полученных по нему результатов при проведении оценки премии за риск инфляции во временной структуре процентных ставок.

Сохраняя предположение о структуре уравнения Фишера с выделенной премией за риск инфляции

$$r^f + r^\pi = \left(i - \pi^e\right) \Big/ \left(1 + \pi^e\right) - 1, \qquad (9)$$

где: r^f – безрисковая ставка, r^π – премия за риск инфляции, π^e – ожидаемая инфляция.

Рассчитаем, насколько изменится ставка по бескупонным облигациям федерального займа при изменении ожидаемой волатильности инфляции:

$$\frac{\partial\left(r^{f}+r^{\pi}\right)}{\partial\sigma^{\pi e}}=\frac{\left(\partial i/\partial\sigma^{\pi e}-\partial\pi^{e}/\partial\sigma^{\pi e}\right)\times\left(1+\pi^{e}\right)-\left(i-\pi^{e}\right)\times\left(\partial\pi^{e}/\partial\sigma^{\pi e}\right)}{\left(1+\pi^{e}\right)^{2}}, \quad (10)$$

где: $\sigma^{\pi e}$ – это волатильность ожидаемой инфляции.

В соответствии с введенным определением безрисковой ставки $\partial r^{f}/\partial\sigma^{\pi e}=0$. Данное предположение, как и ранее, основывается на предположении о независимости безрисковой ставки (очищенной от риска инфляции) от колебаний инфляции. Тогда:

$$\frac{\partial r^{\pi}}{\partial\sigma^{\pi e}}=\frac{\left(\partial i/\partial\sigma^{\pi e}-\partial\pi^{e}/\partial\sigma^{\pi e}\right)\times\left(1+\pi^{e}\right)-\left(i-\pi^{e}\right)\times\left(\partial\pi^{e}/\partial\sigma^{\pi e}\right)}{\left(1+\pi^{e}\right)^{2}}. \quad (11)$$

На основе статистических данных можно рассчитать все необходимые показатели из правой части уравнения. На основе данных по бескупонной доходности сроком погашения от 0,5 до 15 лет, статических инфляционных ожиданий, волатильности инфляции за период с января 2003 г. по январь 2018 г. был произведен расчет значений показателей $\partial i/\partial\sigma^{\pi e}$ и $\partial\pi^{e}/\partial\sigma^{\pi e}$. Наиболее качественные и статистически значимые оценки были получены для волатильности инфляции измеренной за 24 последовательных месяца без лага.

В качестве инфляционных ожиданий использовались статические инфляционные ожидания за последние 12 месяцев. Например, Газпромбанк предлагал в том числе считать инфляционные ожидания путем аннуализирования инфляции за предыдущий месяц [11], однако применяемая авторами статьи методика позволяет убрать сезонность инфляции. Также использование статических инфляционных ожиданий обосновано тем, что доверие на рассматриваемом промежутке было низким, динамика фактической инфляции на 90% объяснялась инфляцией прошлого года. Стоит отметить, что наиболее качественные и статистически значимые оценки были получены для волатильности инфляционных ожиданий, измеренной за 24 последовательных месяца без лага, и в дальнейшем под волатильностью инфляционных ожиданий будет подразумеваться именно эта величина.

Для оценки чувствительности номинальных процентных ставок к волатильности инфляционных ожиданий использовались первые разности указанных величин, являющиеся стационарными временными рядами. Для проверки на стационарность ряда волатильности инфляционных ожиданий был проведен расширенный тест Дики-Фуллера (ADF-тест) с константой с использованием первой разности переменной (порядок лагов 13). Асимптотическое *p*-значение для теста Дики-Фуллера получилось равным $2{,}855^{e-12}$, что говорит о стационарности данного временного ряда.

Полученные результаты строятся на предположении о том, что изменение величины премии за риск инфляции при изменении волатильности инфляции на 1 единицу является постоянным на протяжении 2003–2018 гг.

В России в настоящее время более двух лет эмитируются облигации с индексированным номиналом, что позволяет пользоваться более простыми методами оценки премии за риск инфляции. Однако использование различных методик оценки премии за риск инфляции необходимо по следующим причинам:

1. В России невозможно произвести расчет величины премии за риск инфляции до 2015 г. на основе стандартных методик, поскольку до этого года отсутствовали торгуемые облигации с индексируемым номиналом.

2. Во многих странах с развитыми рынками облигаций с защитой от инфляции крайне существенной является проблема ликвидности рынка облигаций с защитой от инфляции [12], в результате чего многие оценки премии, полученные на основе данных по доходностям облигаций с защитой от инфляции, могут оказаться неверными.

3. Любой из методов оценки премии за риск инфляции требует использования предпосылок о формировании инфляционных ожиданий. В связи с этим использование различных методов и сопоставление полученных по ним результатов может быть полезно для определения наиболее подходящей модели формирования инфляционных ожиданий.

Основные результаты

Авторами настоящей статьи проведен расчет значений премии за риск инфляции для облигаций сроком погашения от 0,5 до 15 лет за период с января 2003 г. по январь 2018 г. Полученные результаты приведены в Приложении 1.

В качестве примера рассмотрим полученные результаты на примере облигаций с пятилетним сроком погашения, так как для них получены наиболее статистически значимые оценки. В соответствии с полученными результатами величина премии за риск инфляции для таких бумаг в 2003–2018 гг. изменялась в границах от 0,42% до 3,5%. Наибольшие значения получены в 2015–2016 гг., что обусловлено периодами высокой инфляции 2014–2015 гг. и увеличившейся в связи с этим волатильности инфляции. В середине 2017 гг. величина премии составила 0,86%, такой же величиной премии отмечен третий квартал 2014 г.

Также на графиках ниже представлена динамика премии за риск инфляции и величины номинальных процентных ставок (i – номинальная процентная ставка, стоящая после знака цифра означает срок до погашения, аналогично для *irp* (inflation risk premium).

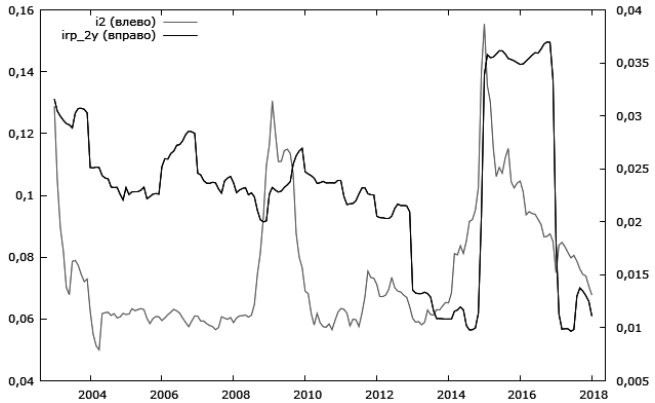


Рис. 2. Динамика двухлетней бескупонной доходности ОФЗ (i2) и премии за риск инфляции (irp_2y) в России в 2003–2018 гг.

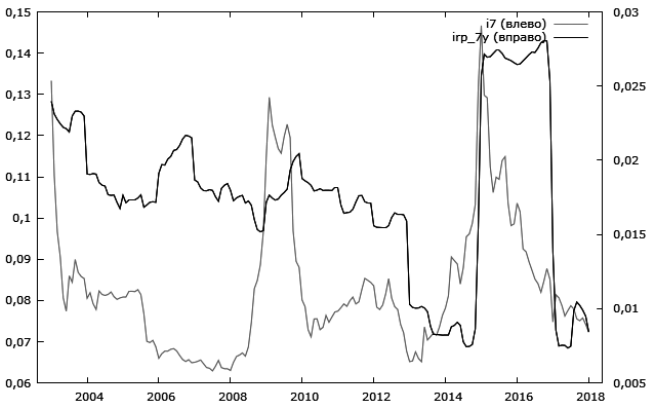


Рис. 3. Динамика семилетней бескупонной доходности ОФЗ (i7) и премии за риск инфляции (irp_7y) в России в 2003–2018 гг.

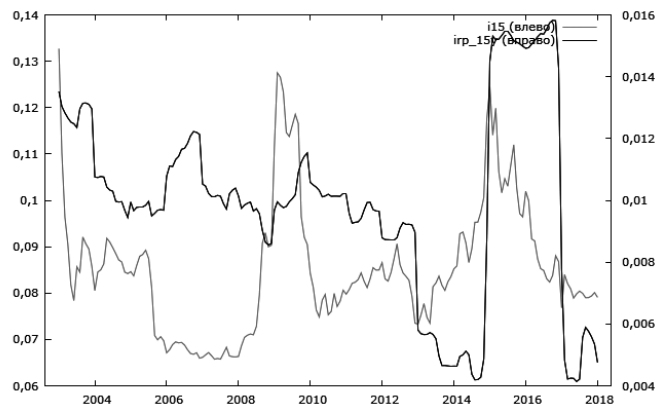


Рис. 4. Динамика пятнадцатилетней бескупонной доходности ОФЗ (i15) и премии за риск инфляции (irp_15y) в России в 2003–2018 гг.

На отрезке 2003–2018 гг. наиболее значимой репрезентативной величиной для неопределенности относительно будущей инфляции оказалось стандартное отклонение помесячной инфляции за последние 24 месяца.

При этом следует отметить, что результаты являются робастными, так как стандартные отклонения помесячной инфляции за последние 24–48 месяцев, а также другие меры (волатильности, расчитанные на основе годовых данных, полуволатильности) давали, в целом, соответствующие значимые результаты.

При этом стандартные отклонения инфляции, рассчитанные за последние 12 месяцев и рассчитанные за последние 60 месяцев, не позволили получить значимых оценок регрессий при расчете премии за риск инфляции. Однако такие результаты могут быть обоснованы следующими фактами. С одной стороны, в ряде исследований был подчеркнут долгосрочный характер формирования инфляционных ожиданий и длительная память экономических агентов [13]. В частности, причиной этого может быть тот факт, что экономические агенты помнят рост цен, который был в прошлые годы, даже если в последний год цены не росли. В то же время длительные периоды (60 месяцев и более) могут содержать чрезмерно большой объем информации о динамике цен в прошлые периоды.

Также следует отметить, что наилучшие оценки были получены для бескупонной доходности ОФЗ сроком погашения от 2 до 10 лет. Уровень значимости для большинства оценок составил 5%.

Низкое качество оценок с низкими сроками погашения отражает теорию о формировании процентных ставок. Выделение «краткосрочного» и «долгосрочного» доверия к денежным властям [14] также позволяет сделать вывод о том, что премия за риск инфляции более существенной становится именно для финансовых инструментов сроком погашения 3–5 и более лет, так как вероятность того, что центральный банк не будет выполнять свои цели, рассматривается экономическими агентами как более высокая. Низкое качество оценок для наиболее долгосрочных сроков погашения может быть объяснено тем, что данные по долгосрочным ставкам бескупонной доходности не являются репрезентативными, так как долгосрочные рублевые финансовые инструменты являются, как правило, неликвидными.

По мнению авторов, результаты исследования могут быть использованы при оценке стоимости активов на основе модели дисконтированных денежных потоков, при разработке мер по стимулированию инвестиций в России, а также в исследованиях в области денежно-кредитной политики.

Для проведения оценки стоимости активов на основе модели дисконтированных денежных потоков необходимо сформировать предпо-

сылки о формировании ставки дисконтирования, которая состоит из номинальной безрисковой ставки и одной или нескольких компонент, отражающих премии за риск. Проведенное авторами настоящего исследования разделение номинальной премии за риск на очищенную от риска инфляции реальную безрисковую ставку, премию за риск инфляции и инфляционные ожидания позволяет вносить корректировки в расчет ставки дисконтирования. Например, для расчета ставки дисконтирования по облигациям с индексированным номиналом может использоваться только реальная безрисковая ставка, очищенная от риска инфляции (дополнительно возможно добавление одной или нескольких компонент премий за риск). Помимо этого, для расчета ставки дисконтирования для оценки компаний, которые имеют возможность оперативно и в полном объеме увеличивать свои денежные потоки на уровень инфляции, следует уменьшить полученную ставку дисконтирования по традиционным методам на некоторую часть премии за риск инфляции.

Разработка мер по стимулированию инвестиций в России может опираться на анализ влияния величины процентных ставок на объем сбережений и инвестиций (особенно, в капиталоемкие активы). Поскольку неопределенность относительно инфляции влияет на принятие инвестиционных решений, то целесообразно различать отдельные понятия процентных ставок (в том числе номинальные процентные ставки, реальные процентные ставки и очищенные от риска инфляции реальные процентные ставки). В частности, такое разделение необходимо для объяснения динамики экономической конъюнктуры. Например, снижение процентных ставок, вызванное сокращением премии за риск инфляции, может привести к росту объема сбережений домашних хозяйств. Если не учитывать изменения значений премии за риск инфляции, то не удастся дать объяснение росту сбережений в ответ на снижение процентных ставок.

Наконец, при проведении исследований в области денежно-кредитной политики в условиях инфляционного таргетирования целесообразно принимать во внимание не только величину инфляционных ожиданий, но и неопределенность относительно инфляции, которая оказывает влияние на принятие решений экономическими агентами, а также может служить мерой доверия к целевым значениям по инфляции, устанавливаемым центральным банком.

Таким образом, в настоящем исследовании были проведены расчеты для величины премий за риск инфляции в структуре процентных ставок в 2003–2018 гг. При этом возможно проведение дальнейших исследований, позволяющих уточнить и расширить полученные результаты.

Во-первых, перспективным направлением дальнейших исследований является разработка более сложного показателя неопределенности относительно будущей инфляции, который помимо волатильности инфляции[2] учитывал бы, в частности, изменения краткосрочного и долгосрочного доверия к денежным властям.

Во-вторых, в качестве одного из направлений продолжения исследования может быть учет дополнительных контрольных переменных, влияющих на величину процентных ставок. На значения номинальных процентных ставок может оказывать влияние большое количество факторов, таких как объем денежной массы, величина ключевой ставки, динамика валютных курсов и объем госрасходов, состояние институциональной среды. При исследовании влияния неопределенности относительно будущей инфляции на номинальные процентные ставки целесообразно учитывать указанные факторы в качестве контрольных переменных.

В-третьих, отталкиваясь от предположения о том, что реальная требуемая доходность облигаций федерального займа с индексированным номиналом (ОФЗ-ИН) равняется доходности бескупонной облигации с аналогичным сроком погашения за вычетом премии за риск инфляции и инфляционных ожиданий, в дальнейших исследованиях представляется возможным смоделировать параметры эмиссии для облигаций с номиналом, индексируемым на инфляцию.

Приложение 1

Значения инфляционных ожиданий, бескупонной доходности, премии за риск инфляции и безрисковой процентной ставки (очищенной от риска инфляции)

Условные обозначения: π^e – ожидаемая инфляция, i – номинальная процентная ставка (доходность бескупонной *ОФЗ),* r^{π} – премия за риск инфляции, r^f – безриковая ставка. Нижний индекс показывает срок до погашения в годах.

Обозначение * соответствует 10%-ому уровню значимости, обозначение ** соответствует 5%-ому уровню значимости, обозначение *** соответствует 1%-му уровню значимости.

[2] Ежемесячные значения неопределенности относительно будущей инфляции за 2003–2017 гг., рассчитанные на основе волатильности инфляции, представлены в Приложении 2.

Таблица 1

Значения инфляционных ожиданий, бескупонной доходности, премии за риск инфляции и безрисковой процентной ставки (очищенной от риска инфляции) для 10- и 15-летних рублевых процентных ставок

Date	π^e	i_{10}	r^{π}_{10}	r^{f}_{10}		Date	π^e	i_{15}	r^{π}_{15}	r^{f}_{15}
Jan-03	15,06	13,30	1,94**	–3,47		Jan-03	15,06	13,27	1,35*	–2,90
Jan-04	11,99	8,08	1,54**	–5,03		Jan-04	11,99	8,06	1,08*	–4,59
Jan-05	11,74	8,32	1,43**	–4,48		Jan-05	11,74	8,46	0,99*	–3,93
Jan-06	10,91	6,67	1,55**	–5,38		Jan-06	10,91	6,71	1,08*	–4,87
Jan-07	9,00	6,56	1,51**	–3,74		Jan-07	9,00	6,62	1,05*	–3,24
Jan-08	11,87	6,45	1,45**	–6,30		Jan-08	11,87	6,64	1,01*	–5,69
Jan-09	13,28	11,37	1,39**	–3,08		Jan-09	13,28	11,15	0,97*	–2,85
Jan-10	8,80	8,24	1,52**	–2,03		Jan-10	8,80	8,43	1,06*	–1,40
Jan-11	8,78	7,86	1,47**	–2,31		Jan-11	8,78	7,98	1,02*	–1,76
Jan-12	6,10	8,56	1,26**	1,06		Jan-12	6,10	8,66	0,88*	1,53
Jan-13	6,58	6,87	0,83**	–0,56		Jan-13	6,58	7,33	0,58*	0,13
Jan-14	6,45	8,18	0,67**	0,96		Jan-14	6,45	8,52	0,46*	1,48
Jan-15	11,36	13,67	2,08**	–0,01		Jan-15	11,36	12,45	1,45*	–0,48
Jan-16	12,91	10,26	2,14**	–4,49		Jan-16	12,91	10,20	1,49*	–3,89
Jan-17	5,38	7,57	1,12**	0,97		Jan-17	5,38	7,68	0,78*	1,41
Jan-18	2,52	7,51	0,68**	4,18		Jan-18	2,52	7,91	0,48*	4,78

Таблица 2

Значения инфляционных ожиданий, бескупонной доходности, премии за риск инфляции и безрисковой процентной ставки (очищенной от риска инфляции) для 5- и 7-летних рублевых процентных ставок

Date	π^e	i_5	r^{π}_5	r^{f}_5		Date	π^e	i_7	r^{π}_7	rf_7
Jan-03	15,06	13,34	2,74**	–4,23		Jan-03	15,06	13,33	2,40**	–3,90
Jan-04	11,99	7,87	2,18**	–5,85		Jan-04	11,99	8,05	1,91**	–5,42
Jan-05	11,74	7,71	2,02**	–5,63		Jan-05	11,74	8,08	1,76**	–5,04
Jan-06	10,91	6,50	2,18**	–6,17		Jan-06	10,91	6,60	1,91**	–5,80
Jan-07	9,00	6,40	2,13**	–4,51		Jan-07	9,00	6,50	1,87**	–4,16
Jan-08	11,87	6,19	2,05**	–7,13		Jan-08	11,87	6,30	1,80**	–6,78

Date	π^e	i_5	$r^{\pi}{}_5$	$r^f{}_5$		Date	π^e	i_7	$r^{\pi}{}_7$	rf_7
Jan-09	13,28	11,57	1,96**	–3,47		Jan-09	13,28	11,49	1,72**	–3,30
Jan-10	8,80	7,74	2,14**	–3,11		Jan-10	8,80	8,01	1,88**	–2,60
Jan-11	8,78	7,54	2,07**	–3,21		Jan-11	8,78	7,74	1,81**	–2,77
Jan-12	6,10	8,09	1,78**	0,10		Jan-12	6,10	8,36	1,56**	0,57
Jan-13	6,58	6,26	1,18**	–1,47		Jan-13	6,58	6,52	1,03**	–1,09
Jan-14	6,45	7,45	0,94**	0,00		Jan-14	6,45	7,82	0,82**	0,46
Jan-15	11,36	15,33	2,94**	0,62		Jan-15	11,36	14,67	2,57**	0,40
Jan-16	12,91	10,43	3,02**	–5,22		Jan-16	12,91	10,36	2,65**	–4,90
Jan-17	5,38	7,44	1,58**	0,38		Jan-17	5,38	7,48	1,38**	0,61
Jan-18	2,52	7,03	0,96**	3,44		Jan-18	2,52	7,23	0,84**	3,75

Таблица 3

Значения инфляционных ожиданий, бескупонной доходности, премии за риск инфляции и безрисковой процентной ставки (очищенной от риска инфляции) для 2- и 3-летних рублевых процентных ставок

Date	π^e	i_2	$r^{\pi}{}_2$	$r^f{}_2$		Date	π^e	i_3	$r^{\pi}{}_3$	$r^f{}_3$
Jan-03	15,06	12,88	3,16**	–5,05		Jan-03	15,06	13,20	3,06**	–4,67
Jan-04	11,99	6,26	2,51**	–7,63		Jan-04	11,99	7,14	2,43**	–6,76
Jan-05	11,74	6,15	2,32**	–7,33		Jan-05	11,74	6,88	2,25**	–6,60
Jan-06	10,91	5,95	2,52**	–6,99		Jan-06	10,91	6,26	2,44**	–6,64
Jan-07	9,00	6,10	2,46**	–5,12		Jan-07	9,00	6,24	2,38**	–4,91
Jan-08	11,87	5,89	2,37**	–7,72		Jan-08	11,87	6,03	2,29**	–7,52
Jan-09	13,28	11,63	2,26**	–3,72		Jan-09	13,28	11,64	2,19**	–3,64
Jan-10	8,80	6,90	2,47**	–4,22		Jan-10	8,80	7,27	2,39**	–3,79
Jan-11	8,78	6,34	2,39**	–4,63		Jan-11	8,78	6,97	2,31**	–3,97
Jan-12	6,10	7,12	2,05**	–1,09		Jan-12	6,10	7,58	1,99**	–0,60
Jan-13	6,58	6,02	1,36**	–1,87		Jan-13	6,58	6,06	1,31**	–1,79
Jan-14	6,45	6,52	1,08**	–1,02		Jan-14	6,45	6,89	1,05**	–0,63
Jan-15	11,36	15,55	3,39**	0,37		Jan-15	11,36	15,68	3,28**	0,60
Jan-16	12,91	10,47	3,49**	–5,65		Jan-16	12,91	10,47	3,37**	–5,54
Jan-17	5,38	7,50	1,82**	0,19		Jan-17	5,38	7,46	1,76**	0,21
Jan-18	2,52	6,78	1,11**	3,04		Jan-18	2,52	6,85	1,08**	3,15

Таблица 4

Значения инфляционных ожиданий, бескупонной доходности, премии за риск инфляции и безрисковой процентной ставки (очищенной от риска инфляции) для полугодовых и годовых рублевых процентных ставок

Date	π^e	$i_{0,5}$	$r^{\pi}_{0,5}$	$rf_{0,5}$		Date	π^e	i_1	r^{π}_1	rf_1
Jan–03	15,06	11,10	2,95*	–6,39		Jan-03	15,06	12,00	3,13**	–5,78
Jan–04	11,99	3,86	2,34*	–9,60		Jan-04	11,99	4,82	2,49**	–8,90
Jan–05	11,74	4,41	2,17*	–8,73		Jan-05	11,74	5,11	2,30**	–8,24
Jan–06	10,91	4,42	2,35*	–8,20		Jan-06	10,91	5,21	2,50**	–7,64
Jan–07	9,00	5,24	2,30*	–5,74		Jan-07	9,00	5,77	2,44**	–5,40
Jan–08	11,87	5,31	2,21*	–8,08		Jan-08	11,87	5,57	2,35**	–7,98
Jan–09	13,28	11,18	2,11*	–3,97		Jan-09	13,28	11,42	2,24**	–3,89
Jan–10	8,80	5,98	2,31*	–4,89		Jan-10	8,80	6,36	2,45**	–4,69
Jan–11	8,78	4,42	2,23*	–6,23		Jan-11	8,78	5,24	2,37**	–5,62
Jan–12	6,10	5,97	1,92*	–2,04		Jan-12	6,10	6,41	2,04**	–1,74
Jan–13	6,58	5,87	1,27*	–1,93		Jan-13	6,58	5,96	1,34**	–1,93
Jan–14	6,45	6,03	1,01*	–1,41		Jan-14	6,45	6,18	1,07**	–1,33
Jan–15	11,36	14,80	3,16*	–0,07		Jan-15	11,36	15,09	3,36**	0,00
Jan–16	12,91	9,80	3,25*	–6,00		Jan-16	12,91	10,31	3,46**	–5,76
Jan–17	5,38	7,29	1,70*	0,12		Jan-17	5,38	7,55	1,81**	0,25
Jan–18	2,52	6,57	1,04*	2,91		Jan-18	2,52	6,66	1,10**	2,93

Приложение 2

Значения репрезентативного показателя для неопределенности относительно будущей инфляции (волатильности инфляции за последние 24 месяца)

Условные обозначения: σ_{24} – волатильность инфляции, рассчитанная за последние 24 месяца.

Date	σ_{24}	Date	σ_{24}
Jan-03	0,7510	Jan-11	0,5685
Jan-04	0,5974	Jan-12	0,4883
Jan-05	0,5525	Jan-13	0,3225
Jan-06	0,5989	Jan-14	0,2577
Jan-07	0,5848	Jan-15	0,8050
Jan-08	0,5633	Jan-16	0,8287
Jan-09	0,5380	Jan-17	0,4335
Jan-10	0,5879	Jan-18	0,2642

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуров И.Н.* Теоретические подходы к обоснованию возможности управления инфляционными ожиданиями в России на современном этапе // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2014. № 6. С. 35–51.
2. *Мизес Л. фон*. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2012.
3. *Картаев Ф.С.* Моделирование влияния выбора целевого ориентира монетарной политики на экономический рост. Автореферат диссертации… доктора экономических наук. М., 2017.
4. *Ang A., Briere M., Signori O.* Inflation and Individual Equities //National Bureau of Economic Research// Working Paper. 2012. № 17798.
5. *D'Amico S., Kim D., We M.* Tips from TIPS: the informational content of Treasury Inflation-Protected Security prices // BIS Papers. 2008. № 248.
6. *Garcia J., Werner T*. Inflation Risks and Inflation Risk Premia //European Central Bank. // Working Paper Series. 2010. March № 1162.
7. *Hordahl P., Tristani O*. Inflation Risk Premia in the Term Structure of Interest Rates //BIS Papers. Working Paper 2007. May. № 228.
8. *Гуров И.Н.* Управление инфляционными ожиданиями как метод развития долгосрочного финансирования нефинансовых компаний в России. Диссертация… кандидата экономических наук. М., 2015.
9. *Гамбаров Г.М., Шевчук И.В.* Срочная структура процентных ставок: оценка в условиях неоднородной ликвидности рынка // Финансы и кредит. 2004. № 30. С. 27–39.

10. *Корнев К.В.* Моделирование динамики ненаблюдаемых факторов временной структуры процентных ставок //Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 54–69.
11. Облигации, привязанные к инфляции: новый класс от Минфина. Газпромбанк. Стратегия деловых рынков. 2015.
12. *Fleckenstein M., Longstaff F., Lustig H.* Why Does the Treasury Issue TIPS? The TIPS-Treasury Bond Puzzle. UCLA Anderson School, 2010.
13. Capital Market Expectations, Market Valuation, and Asset Allocation. CFA Program Curriculum. 2012. Vol. 3. L. 3.
14. *King R., Lu Y., Pasten E.* Managing Expectations // Journal of Money, Credit and Banking. 2008. Vol. 40. № 8. P. 1625–1665.
15. *Bangake C., Eggoh J.* Further Evidence on Finance-Growth Causality: A Panel Data Analysis // Economic Systems. 2011. Vol. 35. Issue 2. P. 176–188

ABOUT THE AUTHORS

Ilya Nickolaevich Gurov – candidate of economic sciences, Board Member of Master Program "Financial Analytics", Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ingurov@mail.ru

Gleb Aleksandrovich Bobkov – student of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. gleb-bobkov@mail.ru

PREMIUMS FOR THE RISK OF INFLATION IN THE STRUCTURE OF INTEREST RATES IN RUSSIA DURING THE YEARS FROM 2003 THROUGH 2018

Due to uncertainty about future inflation, investors cannot determine the value of expected revenues in real terms, in advance. . In this regard, any risk-averse investor will demand an additional premium to the expected yield on invested funds, which is called the inflation risk premium. The purpose of this study is to estimate the size of the premium for the risk of inflation in the structure of interest rates in Russia for each year in the period from 2003 to 2018, based on the author's model. As a result of the study, the values of the inflation risk premium in the structure of interest rates and real interest rates in Russia for the 16-year period were calculated for the first time. The values of the premium for the risk of inflation, during this period, took statistically significant values from 0.46 to 3.49 percentage points. The results of the research can be used in assessing the value of assets, in developing measures to stimulate investments in Russia, as well as in research in the field of monetary policy.

Keywords: *inflation risk premium, interest rate structure, inflation, inflation uncertainty.*
JEL: G10, G12, E31, D89.

ЭКОНОМЕТРИКА

М.Р. САФИУЛЛИН
доктор экономических наук, профессор, проректор по вопросам экономического и стратегического развития Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

А.А. АБДУКАЕВА
ведущий научный сотрудник Государственного бюджетного учреждения «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан»

Л.А. ЕЛЬШИН
доктор экономических наук, заведующий отделом макроисследований и экономики роста, Государственного бюджетного учреждения «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан»

РАЗРАБОТКА ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ДИНАМИКИ КУРСА КРИПТОВАЛЮТ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНСТРУМЕНТОВ СТОХАСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА[1]

Ускоренные темпы развития рынка криптовалюты и его интеграция в систему хозяйственных, операционных, финансовых и других процессов определяют необходимость комплексного изучения данного явления. Особую актуальность этому придает то, что на государственном уровне активизировались обсуждения перспектив легализации рынка криптовалюты и возможностей использования его инструментов в хозяйственной деятельности экономических агентов. Несмотря на порой полярные взгляды и подходы, сформировавшиеся на текущий момент среди российских экспертов относительно решения данного вопроса, развитие крипторынка происходит крайне высокими темпами вне зависимости от его регулирования. Это обусловливает и актуализирует проведение научных исследований в области оценки перспектив развития данного рынка с целью предсказания возможных эффектов

[1] Публикация подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-010-00536).

и рисков для национальной экономической системы. Решению данных вопросов отчасти и посвящена настоящая статья, направленная на поиск методических подходов к прогнозированию динамики развития рынка криптовалюты на основе «предвидения» перспективных колебаний стоимости «цифровых денег» с использованием специального экономико-математического инструментария.

Ключевые слова: *рынок криптовалюты, биткоин, стохастический анализ, прогнозирование, модели авторегрессии*.

JEL: F47, G17, F63.

Происходящее в последние десятилетия стремительное развитие IT-технологий повлекло за собой трансформацию традиционного мира денег и финансовой системы в целом. Инновации в финансовом секторе, новые технологии и инструменты влекут за собой серьезные и глубокие изменения привычных нам финансовых институтов. Одним из важнейших этапов этих трансформационных процессов стало появление криптовалют, сопровождаемое стремительным развитием связанных с ними технологий и отсутствием четкой картины будущего ландшафта экосистем.

На сегодняшний день государства демонстрируют неоднозначное отношение к криптовалютам: одни страны рассматривают биткойн как товар, вторые – как цифровой актив, третьи признают валютой. Однако, несмотря на неопределенный правовой статус, большинству криптовалют присущи некоторые функции, выполняемые денежными единицами. Например, самая распространенная криптовалюта «биткойн» на сегодняшний день может выступать как средство платежа, как мера стоимости, а также – как средство накопления [1].

Интеграция глобального рынка криптовалюты в хозяйственный оборот национальных экономических систем существенным образом трансформирует привычные механизмы регулирования. Рост рынка криптовалют увеличивает давление на денежное обращение, что соответствующим образом отражается на национальной экономике в целом [2]. В связи с этим представляется актуальным исследование основных направлений, ограничивающих или, наоборот, расширяющих диапазон регулирования финансовых рынков и развития национальной платежной системы вследствие интеграции бизнес-процессов в «криптопространство». Целесообразность данного исследования во многом обусловлена тем, что любое нарушение институциональной действительности, основанной на традиционных инструментах регулирования, может повлечь за собой определенного рода последствия, выраженные, к примеру, в нарушении финансовой стабильности, что, несомненно, отразится и на развитии реальных секторов экономики.

Следует заметить, что на текущий момент времени, даже несмотря на экспоненциальный рост мирового рынка криптовалюты в послед-

ние годы, многими экономистами и государственными деятелями фактор его влияния на макроэкономическую и финансовую стабильность не рассматривается как значимый. Основой данного подхода является крайне низкий объем крипторынка в общем балансе платежной системы. К примеру, в Российской Федерации еженедельный оборот Bitcoin составляет всего 0,006% наличности и 0,001 % денежной массы [3].

Вместе с тем в обозримом будущем весьма вероятен сценарий, предусматривающий дальнейшую активизацию исследуемого рынка и его многоукладную интеграцию в национальные экономические системы, что обусловливает необходимость уже сегодня обратить на данный вопрос самое пристальное внимание со стороны научного и экспертного сообщества. Существенный вклад в ускоренный рост капитализации глобального рынка криптовалюты может внести не только его популяризация как прогрессивного инструмента, используемого в трансакционных операциях, но и дальнейший рост обменного курса (как вследствие фактора, выраженного в ограниченной эмиссии криптовалюты (к примеру, эмиссия Bitcoin ограничена 21 млн единиц), так и в результате спекулятивных операций на криптобиржах) [4; 5].

В связи с вышеизложенным на текущий момент времени представляется крайне актуальной задачей поиск и разработка специального инструментария, позволяющего предвидеть и прогнозировать корректировки обменных курсов современных «цифровых денег».

Необходимо отметить, что на текущий момент в научном публикационном пространстве крайне редко можно встретить работы, посвященные этой тематике. В основном рассматриваются вопросы экспертной оценки текущих и предстоящих перспектив развития рынка криптовалюты, либо использования специальных методов биржевого технического анализа, раскрывающего особенности и тренды курсовых колебаний «цифровых денег». Вместе с тем представляется целесообразным, в рамках проведения научно-исследовательских мероприятий, использование специальных методов экономико-математического моделирования, предусматривающих применение прогрессивных инструментов и механизмов.

Отсутствие монетарного органа, уполномоченного на поддержание стабильности денежной системы, приводит к сильной волатильности курса криптовалют. Курс относительно к твердым деньгам формируется исключительно за счет спроса и предложения на криптовалюту, следовательно, ежедневные колебания курса могут превышать 25% [6]. Это отрицательно влияет на использование ее в качестве расчетной валюты в торговых операциях и порождает мотивацию для спекуляции. К тому же прогнозирование изменений курса является весьма нетривиальной задачей: использование фундаментального анализа

для прогнозирования волатильности биржевых котировок неэффективно, в связи с тем, что курс не зависит от состояния экономики определенной страны; использование технического анализа также неэффективно, так как невозможно определить состояние рынка в силу формирования спроса и предложения за счет лиц, готовых купить, либо продать определенные товары или услуги по всему миру.

На наш взгляд, одним из действенных механизмов прогнозирования временных финансовых рядов является использование моделей авторегрессии скользящего среднего (ARMA, ARIMA). Особую актуальность данный подход приобретает в связи с отсутствием на текущий момент времени эффективных инструментов прогнозирования курсовых колебаний подобного рода финансовых активов, характеризующихся неравномерностью колебаний их курсов во времени, отсутствием «привязки» к базовым активам, высоким уровнем спекулятивного спроса и т. п.

Модели ARMA, ARIMA это – важный класс параметрических моделей, позволяющих описывать как стационарные, так и нестационарные ряды. Целью данной работы является выявление модели авторегрессии и проинтегрированного скользящего среднего с минимально необходимым порядком параметров, на основе которой можно совершать достоверные краткосрочные прогнозы волатильности криптовалюты.

Эмпирический и экспертный анализ продемонстрировал целесообразность использования в качестве объекта исследования криптовалюту bitcoin. Это обусловлено целым рядом причин, главные из которых:

– доминирующая доля в общей мировой капитализации криптовалют (около 45 %)[2];
– наиболее популярная криптовалюта, колебания курса которой всецело обусловливают волатильность абсолютного большинства других видов криптовалют на рынке.

Возвращаясь к вопросам методологического характера, следует заметить, что использование рассматриваемых в работе моделей предполагает реализацию пяти основных итераций:

1) построение временного ряда;

2) проверку ряда на стационарность (в результате чего определяется класс используемой модели – ARMA или ARIMA);

3) подбор параметров модели;

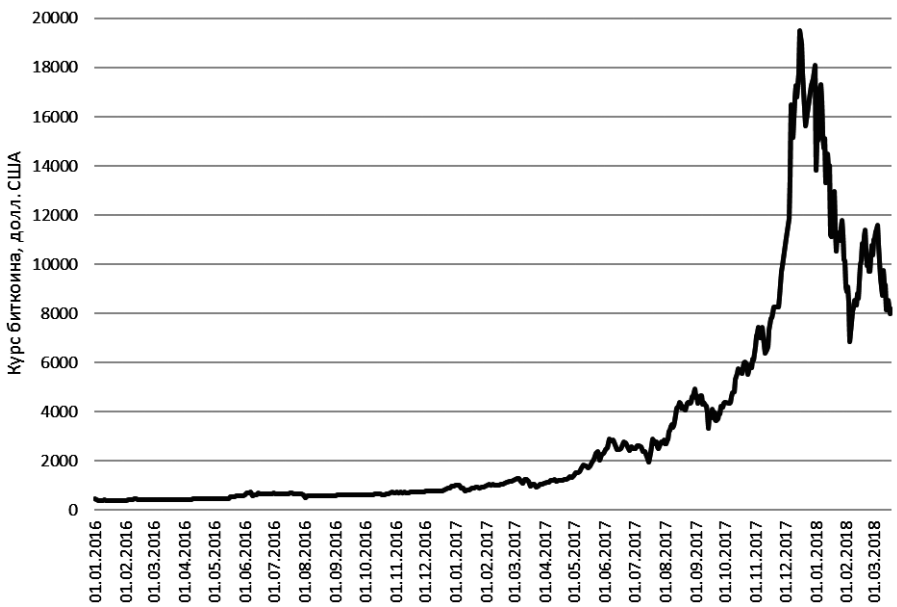
4) оценку достоверности и адекватности построенной модели;

5) разработку прогностических параметров исследуемого временного ряда.

[2] coinmarketcap.com/coins.

Процесс моделирования применительно к объекту исследования, рассматриваемого в настоящей работе, представлен ниже с подробным изложением последовательности решаемых итераций.

Расчеты проводились для данных, отражающих динамику курса криптовалюты «биткойн». Ряд описывает стоимость биткойна в период с 01.10.2016 по 18.03.2018 гг. (см. рис. 1) Источником данных послужил сервис виртуальных биткойн-кошельков «Blockchain.info»[3]. Расчеты проводились с помощью прогнозного аналитического ПО Eviews, IBM SPSS.



Источник: blockchain.info.

Рис. 1. Динамика изменения курса криптовалюты «биткойн» в период с 01.10.2016 по 04.03.2018 г., в долл. США

Моделирование стационарных временных рядов или рядов, которые могут быть приведены к стационарным, может быть произведено при помощи класса моделей авторегрессии скользящего среднего (ARMA), которая является комбинацией двух моделей: авторегрессии порядка p и скользящего среднего порядка q. В обобщенном виде модель ARMA (p, q) выглядит следующим образом:

$$Y_t = a_0 + a_1 X_{t-1} + a_2 X_2 + \ldots + a_n X_{t-n} + \varepsilon_t - \beta_1 \varepsilon_{e-1} - \beta_2 \varepsilon_{e-2} - \ldots - \beta_n \varepsilon_{t-n}. \quad (1)$$

Для нестационарных данных Боксом и Дженкинсом предложена модель ARIMA (p, d, q), которая после взятия d последовательных раз-

[3] Сервис виртуальных биткойн-кошельков. blockchain.info/ru.

ностей может быть приведена к стационарному виду [7], где p, d, q – структурные параметры, характеризующие порядок для соответствующих частей модели – авторегрессионной, интегрированной и скользящего среднего.

Методология подбора модели состоит из нескольких этапов.

1. Идентификация модели.

На первоначальном этапе исследования необходимо выяснить, обладает ли изучаемый ряд свойством стационарности[4].

Оценка стационарности ряда может проводиться при помощи различных методов. Базовыми способами проверки стационарности ВР является расширенный тест Дики-Фуллера, а также построение автокорреляционной функции (АКФ) и частной автокорреляционной функции (ЧАКФ). Расчет автокорреляционной функции производится по следующей формуле:

$$\rho_k = \frac{\gamma_k}{\gamma_0} = \frac{cov(k)}{var} = \frac{cov(y_t; y_{t-k})}{var(y_t)}; |\rho_k| \le 1. \quad (2)$$

Частная автокорреляционная функция (PACF или ЧАКФ) определяется как частная корреляция между значениями y_t и y_{t-k}, «очищенная» от влияния на них промежуточных переменных [8].

Для исходного ряда были построены АКФ и ЧАКФ (см. рис. 2).

Построенная АКФ характеризуется замедленным убыванием коэффициентов автокорреляционной функции по угасающей экспоненте от значения коэффициента, близкого к 1. ЧАКФ имеет высокое значение коэффициента автокорреляции на первом лаге и близкие к 0 значения на последующих лагах.

Таким образом, можно сделать вывод о нестационарности исходного временного ряда.

Кроме визуального анализа для проверки стационарности временного ряда был проведен расширенный тест Дики – Фуллера (ADF-тест). Тест заключается в проверке нулевой гипотезы о наличии единичного корня в уравнении:

$$yt = ay_{t-1} + \varepsilon_t.$$

Решение о стационарности ВР принимается в случае, если рассчитанные оценки теста больше статистики $t_{набл}$ ($t_{крит} > t_{набл}$). Результаты теста представлены в табл. 1.

[4] Стационарный ряд – это ряд, поведение и свойства которого в настоящем и будущем совпадают с поведением в прошлом.

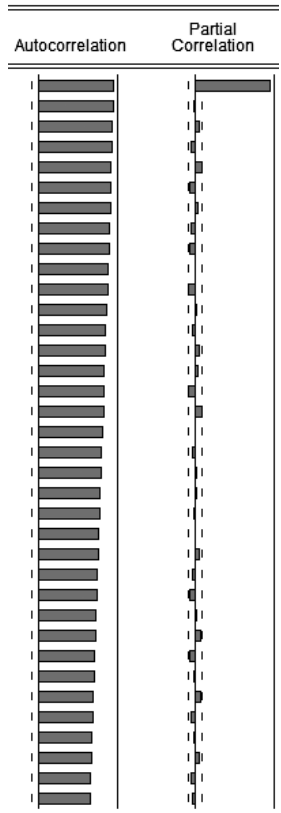


Рис. 2. Автокорреляционная функция (Autocorrelation)
и Частная автокорреляционная функция (Partial Correlation)

Таблица 1

Результаты ADF-теста

		t-Статистика
Расширенный тест Дики-Фуллера, %-ный уровень значимости		–0,74
Критические значения	1	–3,44
	5	–2,86
	10	–2,57

Для исследуемого ряда $t_{набл}$ = –0,74. Так как полученные значения при различных уровнях значимости (1, 5 и 10%) имеют значения меньше, чем *tнабл*, то принимается гипотеза о нестационарности ВР.

Таким образом, моделирование курса криптовалюты биткоин было проведено на основе модели авторегрессии проинтегрированного скользящего среднего (АРПСС или ARIMA).

2. Критерии подбора параметров модели.

После выбора модели необходимо подобрать параметры. После взятия первой разности исходный ряд был приведен к стационарному виду. Таким образом, параметр d =1.

Для моделирования динамики изменения курса криптовалют были протестированы следующие модели ARIMA (1,1,1), ARIMA (1,1,2), ARIMA (2,1,0) ARIMA (2,1,1), ARIMA (2,1,2).

Основанием для выбора модели послужили построенные АКФ и ЧАКФ функции, а также рассчитанные критерий Акаике (3) и байесовский информационный критерий (4).

Данные критерии, позволяют выбрать наилучшую модель из группы моделей-претендентов. Преимущество отдается той модели, значения AIC и BIC которой минимальны. Расчет произведен по следующим формулам:

$$AIC = ln\widehat{\delta^2} + \frac{2}{n}r, \tag{3}$$

$$BIC = ln\widehat{\delta^2} + \frac{ln\, n}{n}r, \tag{4}$$

где δ^2 – остаточная сумма квадратов, деленная на количество наблюдений, r – общее количество слагаемых ARIMA-модели.

Результаты расчета приведены в табл. 2.

Таблица 2

Выбор модели на основании AIC и BIC критериев

	AIC	BIC
ARIMA (2,1,1)	12,162015	12,19668655
ARIMA (2,1,2)	12,086669	12,13000837
ARIMA (1,1,2)	12,163773	12,19844515
ARIMA (1,1,1)	12,166205	12,19220874
ARIMA (2,1,0)	12,181602	12,20760531

Модель ARIMA (2,1,2) имеет минимальные значение BIC и AIC критериев.

Таким образом, итоговая модель приняла следующий вид:

$$\Delta X = 32{,}3 - 1{,}329\Delta X_{t-1} - 0{,}585\Delta X_{t-2} - 1{,}602\varepsilon_{t-1} - 0{,}845\varepsilon_{t-2} + \varepsilon t.$$

Качественные оценки полученных параметров модели приведены в табл. 3.

Таблица 3

Оценки параметров модели

		Оценка	Ст. ош.	T
Константа		32,328	8,913	3,627
AR	Лаг 1	–1,329	0,080	–16,595
	Лаг 2	–0,585	0,079	–7,400
Дифференциальный		1		
CC	Лаг 1	–1,602	0,054	–29,523
	Лаг 2	–0,845	0,054	–15,742

3. Получение прогнозных значений.

При помощи полученной модели был спрогнозирован курс криптовалюты биткойн на 10 точек вперед. Результаты прогноза приведены на рис. 3.

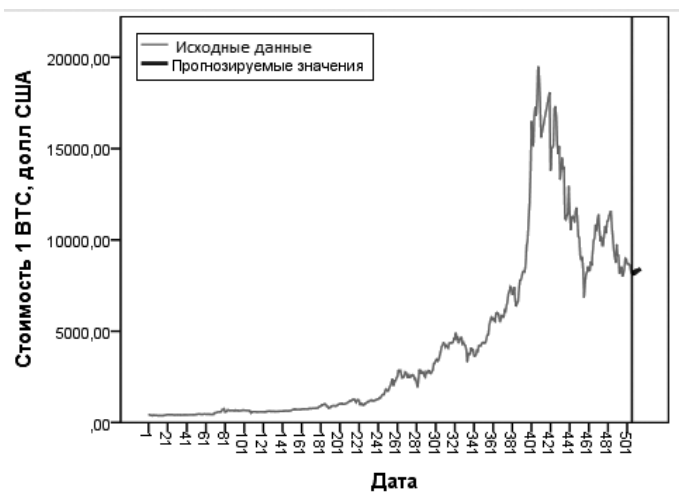


Рис. 3. Прогнозные значения курса биткойн, полученные с помощью ARIMA (2, 1, 2)

Показатели, свидетельствующие о качестве полученной модели, приведены в табл. 4.

Достоверность и адекватность полученных результатов были подтверждены сопоставлением фактических и прогностических параметров курса bitcoin, а также на основании высокого значения *R*-квадрат (см. рис. 4).

Как видно из представленного графика, предсказанные значения с высокой точностью описывают предстоящие корректировки, что

Таблица 4

Качественные характеристики модели

	Среднее значение
Стационарный R-квадрат	0,87
R-квадрат	0,9
КСКО	165, 9
СОМО	4,18
МОМО	39,6
СМО	102,6
ММО	634,7

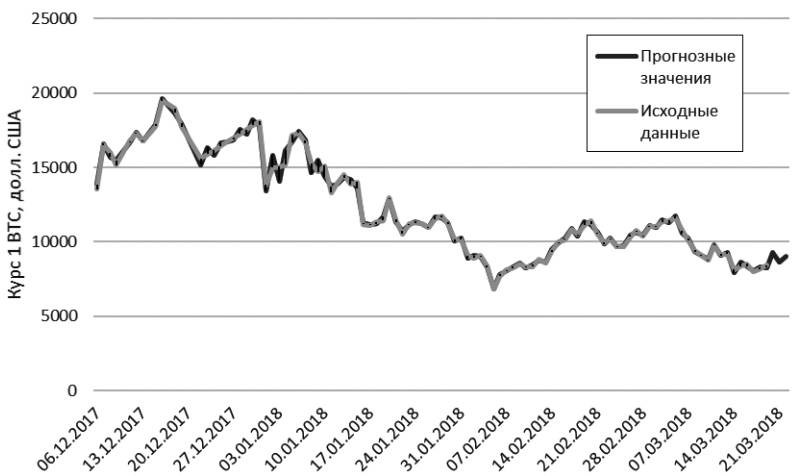


Рис. 4. Сходимость прогностических и фактических данных, оценивающих биржевой курс. bitcoin/USD

подтверждается крайне высоким уровнем предсказанной ежедневной смены трендов. Вместе с тем, несомненно, наблюдаются и незначительные расхождения между абсолютными значениями рядов, что вполне допустимо и укладывается в рамки прогностической погрешности.

Полученные результаты во многом свидетельствуют о перспективности выбранного инструментария прогнозирования, основанного на использовании алгоритмов авторегрессии и проинтегрированного скользящего среднего. Однако необходимо отметить, что построенная модель требует своего дальнейшего совершенствования. Так, к примеру, в связи с высокой изменчивостью исследуемого ряда представляется целесообразным применение моделей стохастической волатильности.

Подводя итог реализованным оценкам и разработанному методическому инструментарию, необходимо отметить весьма высокий уровень его перспективности в рамках моделирования бизнес-процессов, основанных на использовании криптотрансакций. Это связано в первую очередь с острой необходимостью понимания и предсказания биржевых курсов криптовалюты, поскольку ее использование в хозяйственном обороте формирует весьма высокие риски финансовых потерь хозяйствующих субъектов, вызванных значительной волатильностью [9; 10].

Несомненно, учитывая крайне низкий уровень развития рынка криптовалют в РФ (точнее, зачаточный уровень) в части обеспечения товарооборота, следует констатировать, что на текущий момент времени имеет место относительно невысокий уровень востребованности со стороны бизнес-сообщества на подобного рода модели. Однако, учитывая динамично растущий спекулятивный спрос на рынке криптовалюты, а также полагаясь на возросшую в последнее время активность со стороны государственных регуляторов в сфере легализации рынка криптовалюты в РФ, интерес к подобного рода методологическому инструментарию и его важность приобретают повышенную актуальность. Достаточно отметить, что только в 2017 г. реализована целая серия крупных научно-исследовательских проектов на эту тему, к которым, к примеру, можно отнести такие исследования, как «Сценарное моделирование развития рынка криптовалют в Российской Федерации и его влияние на перспективы развития расчетов за авиатранспортные услуги в деятельности ПАО «Аэрофлот», «Законодательное регулирование внедрения и практического применения современных финансовых технологий. Анализ международного опыта и модальности адаптации в российской экономике» для Государственной Думы Федерального Собрания РФ. В 2018 г. Аппарат Государственной Думы РФ проводит тендер по исследованию способов нормативно-правового регулирования применения технологии блокчейн на финансовом рынке.

Несомненно, такого рода активизация деятельности по данной проблеме обусловлена во многом тем, что в конце 2017 г. Президент Российской Федерации утвердил поручение Правительству РФ в сфере регулирования рынка криптовалюты в национальной экономике[5]. В январе 2018 г. Министерством финансов РФ совместно с ЦБ разработан и опубликован проект федерального закона «О цифровых финансовых активах»[6].

---

[5] Перечень поручений по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере. kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899.

[6] Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах». www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810.

Учитывая вышеизложенное, предлагаемые в исследовании методологические подходы в значительной степени расширяют возможности предвидения перспектив развития рынка криптовалюты, что позволит выработать механизмы адаптации хозяйствующих субъектов к ее волатильности, а также сформируют основу для процессов моделирования и прогнозирования финансовой устойчивости национальной экономики при ее интеграции в глобальную систему «цифровых денег».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cheah E.T., Fry J.* (2015). Speculative bubbles in Bitcoin markets? An empirical investigation into the fundamental value of Bitcoin //Economics Letters. 130, 32–36. dx.doi.org/10.1016/j.econlet.2015.02.029.
2. *Bariviera A.F., Basgall M.J., Hasperué W., Naiouf M.* (2017). Some stylized facts of the Bitcoin market // Physica A. 484, 82–90. doi-org.lcproxy.shu.ac.uk/10. 1016/j.physa.2017.04.159.
3. *Ельшин Л.А., Абдукаева А.А.* Возможности ускорения деловой активности экономических агентов на основе криптотранзакций // Методы, механизмы и факторы международной конкурентоспособности национальных экономических систем. Казань, 2017. С. 88–91.
4. *Ельшин Л.А., Абдукаева А.А.* Перспективы генерации деловой активности на основе использования цифровых денег // Методы, механизмы и факторы международной конкурентоспособности национальных экономических систем. Казань, 2017. С. 91–94.
5. *Ельшин Л.А., Абдукаева А.А.* Финансовые инструменты активизации деловой активности: особенности и перспективы // Проблема риска в современных кризисных условиях мировой экономики. 2017. С. 74–77.
6. *Bouoiyour J., Selmi R.* (2015). Bitcoin price: Is it really that new round of volatility can be on way? //Munich Personal RePEc Archive 6558 (August). mpra.ub.uni-muenchen.de/id/eprint/65580.
7. *Бокс Дж., Дженкинс Г.* Анализ временных рядов. Прогноз и управление. М.: Мир, 1994.
8. *Канторович Г.Г.* Лекции: Анализ временных рядов // Экономический журнал ВШЭ. 2002. С. 379–400.
9. *Harwick C.* (2016). Cryptocurrency and the problem of intermediation // Independent Review. 20(4). Pp. 569–588.
10. *Luther W.J.* (2016). Cryptocurrencies, network effects, and switching costs // Contemporary Economic Policy. 34(3). Pp. 553–571.
11. *White L.H.* (2015). The market for cryptocurrencies // Cato Journal. 35(2). Pp. 383–402.
12. *Woo D.* et al. (2013). Bitcoin: A First Assessment FX and Rates.

ABOUT THE AUTHORS

Marat R. Safiullin – Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice-Rector for Economic and Strategic Development of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education "Kazan (Privolzhsky) Federal University", Russia. Marat.Safiullin@tatar.ru

Aliya A. Abdukaeva – Leading Scientific Associate of the State Budgetary Institution "Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan", Russia. Aliya.Abdukaeva@tatar.ru

Leonid A. Yelshin – Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Macroeconomics and Growth Economics of the State Budgetary Institution "Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan", Russia. Leonid.Elshin@tatar.ru

DEVELOPMENT OF A PREDICTIVE MODEL FOR THE DYNAMICS OF THE EXCHANGE RATES OF THE CRYPTO-CURRENCIES USING STOCHASTIC ANALYSIS TOOLS

Accelerated rates of development of the crypto-currency market and its integration into the system of economic, operational, financial and other processes determine the need for a comprehensive study of this phenomenon. Particularly topical is the fact that discussions on the prospects of legalization of the crypto currency market and the possibilities of using its instruments in the economic activities of economic agents have intensified at the state level. Despite the sometimes polar views and approaches that have been formed at the moment among Russian experts, regarding the solution of this issue, the development of cryptology occurs very rapidly , regardless of its regulation. This causes and actualizes the conduct of scientific research in the field of assessing the prospects for the development of this market, in order to predict possible effects and risks for the national economic system. Part of this article is devoted to the solution of these questions, aimed at finding methodical approaches to forecasting the dynamics of the development of the crypto currency market ,based on the "foresight" of future fluctuations in the value of "digital money," using a special economic and mathematical toolkit.

Keywords: *crypto-currency market, bitcoin, stochastic analysis, forecasting, autoregression models.*
JEL: F47, G17, F63.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Е.В. МЕРЕКИНА
аспирант кафедры финансов и кредита экономического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

ФАКТОРЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ФОНДОВ

В средствах массовой информации и онлайн-ресурсах активно используется термин «инвестиционная привлекательность». Традиционно под этим понимается максимизация доходности при минимизации рисков. Однако это определение прежде всего относится к оценке инвестиционной привлекательности портфеля активов, но оно не отражает все особенности оценки инвестиционных фондов и деятельности управляющих компаний. Сложившиеся подходы не учитывают и уникальные характеристики альтернативных инвестиционных фондов. Как же инвестору выбрать фонд для вложения капитала? Для ответа на этот вопрос в статье выделены основные группы фондов, их инвестиционные стратегии и стратегии инвесторов, а также определены основные качественные и количественные факторы инвестиционной привлекательности данных институтов. Выявленные факторы в совокупности могут использоваться как инвесторами при выборе фонда для вложения средств, так и управляющими компаниями для оценки инвестиционных предпочтений потенциальных клиентов.

Ключевые слова: *альтернативный инвестиционный фонд, инвестиционная привлекательность, инвестиции.*

JEL: G11, G15, G18, G23, G24.

Понятие альтернативного инвестиционного фонда

Инвестиционные фонды в настоящее время являются одними из ключевых финансовых институтов, осуществляющих коллективные инвестиции. Они относятся к группе небанковских финансовых посредников, которые аккумулируют сбережения физических и юридических лиц и вкладывают их в покупку ценных бумаг и иных финансовых инструментов. Управляет фондом юридическое лицо – управляющая компания (в зарубежной терминологии – инвестиционная

компания). У каждой управляющей компании может быть один или несколько фондов, различающихся между собой по стратегиям инвестирования. Первым инвестиционным фондом считается Массачусетский трастовый фонд инвесторов, открытый в 1924 г.

Бурное развитие рынка предопределило разделение фондов на традиционные и альтернативные. Под традиционными понимаются фонды, осуществляющие инвестиции в акции и облигации и инструменты денежного рынка, под альтернативными инвестиционными фондами (АИФ) – все остальные. Объектом инвестиций АИФ могут быть самые разнообразные активы – от деривативов до недвижимости. В связи с неограниченностью стратегий и объектов инвестирования существует огромное количество типов АИФ. В целом они отличаются от традиционных тем, что предпочитают более рискованные инвестиции с потенциально большей отдачей. К другим критериям альтернативности исследователи Е. Соколовска [17], Г. Фрасер-Сампсон [4], Г. Грегориоу [5], Х. Бромма и Л. Бромма [6], Л. Жаегер [8], М. Ансон, Ф. Фабоцци и Ф. Жонес [11], Р. Киесел, М. Счерер и Р. Загст [13] относят следующие характеристики фондов:

- в портфеле активов фонда находятся не только акции, облигации и инструменты денежного рынка, но и любые другие, не торгуемые на бирже и, следовательно, менее доступные, а также менее ликвидные и более рискованные инструменты;
- фонд доступен лишь для квалифицированных инвесторов – узкой категории состоятельных инвесторов, обладающих специальными знаниями и навыками;
- фонд является закрытым[1] и не информирует инвесторов о своей деятельности и финансовом состоянии до срока окончания инвестиционного договора[2];
- используются стратегии абсолютной доходности[3].

По мнению автора, если хотя бы один из критериев выполняется, инвестирование в такой фонд сопряжено с более высокими рисками, чем в традиционный. Систематизировав характеристики самых популярных и распространенных в США и Европе АИФ – хедж-фондов, фондов прямых инвестиций, венчурных фондов и фондов недвижимо-

[1] Закрытый фонд – один из видов инвестиционных фондов, продажа долей (акций, паев) которого осуществляется управляющей компанией лишь в момент его формирования. Приобретая доли (акции, паи) закрытого фонда, инвестор размещает денежные средства на весь период функционирования фонда.

[2] В настоящее время уровень раскрытия информации европейскими и американскими фондами повысился из-за появления применимых законодательных норм.

[3] Стратегия, при которой достигается положительная доходность вне зависимости от движения рынка.

сти, автор выявил, что на практике все эти критерии обычно выполняются одновременно.

Законодательное разделение фондов на традиционные и альтернативные в настоящее время реализовано только в Европейском союзе. Традиционные инвестиционные фонды называются фондами UCITS[4] и регулируются Директивой UCITS, утвержденной Европейским Парламентом и Советом ЕС еще в 1985 г.[5] Первый законодательный акт, применимый к АИФ, – Директива AIFMD[6] (Alternative Investment Fund Manager Directive) – появился лишь в 2011 г.[7]

Все фонды, функционирующие в ЕС, обязаны соответствовать одной из этих Директив, что значительно упрощает выбор фонда для потенциального инвестора, так как позволяет более точно судить о рисках и стратегиях фонда. Подобное однозначное разделение фондов на традиционные и альтернативные целесообразно использовать и в других странах с развитым фондовым рынком, в том числе и в России.

Инвесторы альтернативных инвестиционных фондов

В соответствии с законами ведущих развитых стран вкладывать средства в АИФ имеют право только квалифицированные инвесторы, которыми могут быть как физические, так и юридические лица. Предполагается, что обладание этим статусом отражает способность верно оценивать риски работы со сложными финансовыми инструментами при инвестировании средств в АИФ.

В США квалифицированные инвесторы называются аккредитованными инвесторами. Требования к ним устанавливаются в Правиле 501 Распоряжения Ди Комиссии по ценным бумагам и биржам США[8]. Инвесторы – физические лица должны иметь активы не ниже 1 млн долл. или годовой доход не менее 200 тыс. долл. (учитываются послед-

---

[4] Аббревиатура UCITS расшифровывается как Undertakings for Collective Investment in Transferable Securities, т. е. Положения о совместных инвестициях в обращающиеся ценные бумаги. Также иногда используется русскоязычный аналог – Директива ЮКИТС.

[5] Directive 2009/65/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 on the coordination of laws, regulations and administrative provisions relating to undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS).

[6] Directive 2011/61/EU of the European Parliament and of the Council of 8 June 2011on Alternative Investment Fund Managers and amending Directives 2003/41/EC and 2009/65/EC and Regulations (EC) No 1060/2009 and (EU) No 1095/2010.

[7] Директива еще практически не рассматривалась в российских источниках. Примерный перевод ее названия – Директива об управляющих альтернативными инвестиционными фондами.

[8] Rule 501 of Regulation D of the U.S. Securities and Exchange Commission (SEC).

ние два года и ожидаемый доход в текущем году). Директива Европейского союза «О рынках финансовых инструментов»[9] в Приложении II устанавливает сходные требования для профессиональных клиентов, то есть для квалифицированных инвесторов, по европейской классификации. Для присвоения категории профессионального клиента физическому лицу необходимо предоставить общий баланс на сумму не менее 500 тыс. евро, либо осуществить операции со значительным объемом и средней частотой в количестве не менее 10 сделок в квартал за предыдущие четыре квартала, либо работать или иметь стаж работы в финансовом секторе не менее одного года в должности, которая требует знания соответствующих сделок или услуг. В России статус квалифицированного инвестора присваивается в соответствии с указанием Банка России от 29.04.2015 № 3629-У «О признании лиц квалифицированными инвесторами и порядке ведения реестра лиц, признанных квалифицированными инвесторами»[10]. В Указании содержатся качественные критерии, аналогичные требованиям иностранных нормативных актов, что сближает российское и зарубежное законодательство, но размер баланса, сделок и собственных средств различается[11].

Требования к юридическим лицам значительно выше, чем к физическим, во всех трех юрисдикциях.

В отчете Всемирного экономического форума приводится распределение ключевых инвесторов АИФ по группам на основе данных информационного веб-ресурса Prequin (см. рис. 1).

На рис. 1 видно, что наиболее многочисленными группами инвесторов АИФ на Западе являются фонды целевого финансирования, пенсионные фонды, финансовые институты, под которыми в отчете Всемирного экономического форума подразумеваются банки и стра-

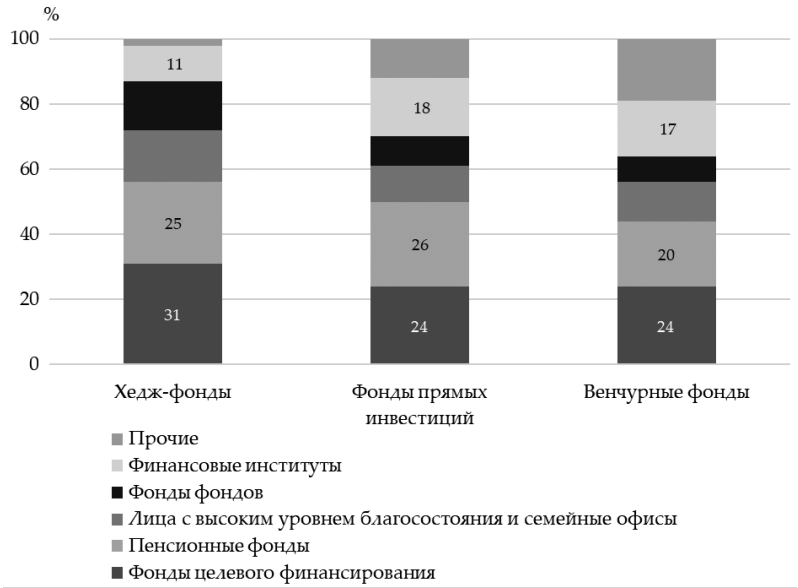
---

[9] Другие названия Директивы: "The Markets in Financial Instruments Directive", "MiFID", "Директива 2004/39/ЕС Европейского парламента и Совета от 21 апреля 2004 года".

[10] Требования действительны с 26.06.2015 г. (действующие условия).

[11] В Российской Федерации физическое лицо, претендующее на признание его квалифицированным инвестором, должно соответствовать хотя бы одному из следующих условий:

- стоимость активов и/или обязательств, в том числе денежных средств, должна быть не менее 6 млн руб.;
- опыт работы на рынке ценных бумаг и производных финансовых инструментов – не менее трех лет;
- сделки с финансовыми инструментами за последние 4 квартала должны быть совершены с периодичностью в среднем не реже 10 раз в квартал, но не реже одного раза в месяц и на сумму не менее 6 млн руб.;
- наличие аттестата о высшем экономическом образовании или аттестата ФСФР любой серии, или квалификационного аттестата аудитора, или квалификационного аттестата страхового актуария, или CFA, или CHA, или FRM.

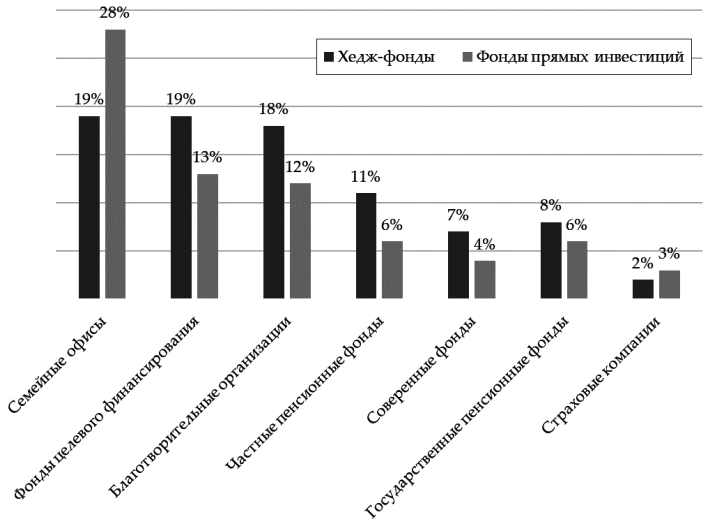


Источник: [18].
Рис. 1. Структура ключевых видов инвесторов в АИФ

ховые компании, а также семейные офисы и лица с высоким уровнем благосостояния – так называемые HNWI (High Net Worth Individuals). Для большинства этих инвесторов сохранение средств играет более важную роль, чем их приумножение, так как они обязаны вернуть вложенные средства их собственным клиентам по истечении времени, либо при наступлении страхового случая, либо передать их по наследству будущим поколениям. Они инвестируют в АИФ лишь определенную долю средств, которая обычно оговаривается в их инвестиционной декларации или аналогичных документах. По расчетам Всемирного экономического форума, в настоящее время она колеблется от 2 до 28% у различных видов инвесторов (см. рис. 2).

Согласно приведенным данным, семейные офисы инвестируют в АИФ большую долю капитала по сравнению с другими фондами. Государственные пенсионные фонды и страховые компании не могут себе позволить такую высокую долю вложений из-за законодательных ограничений их стратегий.

Инвестируя в АИФ, все эти инвесторы стремятся застраховать себя от убытков во время падения рынка традиционных активов, а также рассчитывают на получение доходности выше рыночной в момент роста рынка за счет повышенных рисков таких инвестиций, премии за неликвидность и эффекта масштаба. Цели инвесторов, таким образом, предопределили факторы инвестиционной привлекательности АИФ.



Источник: [18].
Рис. 2. Доля вложений инвесторов в зарубежные АИФ в 2015 г.

Факторы инвестиционной привлекательности

Большинство существующих в настоящее время исследований по оценке инвестиционной привлекательности фондов ориентированы на помощь менеджерам фондов и касаются в основном формирования оптимального портфеля активов фонда с точки зрения его рисков и доходности. Данный подход в недостаточной степени удовлетворяет целям инвесторов по двум причинам. Во-первых, решение о вложении средств в тот или иной фонд принимается не менеджером, а инвестором, действующим в условиях неполноты информации и когнитивных искажений. Во-вторых, АИФ не являются стандартизированным инструментом инвестирования, в отличие от традиционных фондов, поэтому для оценки их инвестиционной привлекательности недостаточно учитывать лишь риск и доходность.

В связи с этим общепринятое определение инвестиционной привлекательности посредством установления критерия риск/доходность недостаточно подходит для выявления факторов инвестиционной привлекательности АИФ и осуществления инвестором ее комплексной оценки.

Основываясь на вышеперечисленных зарубежных исследованиях, а также на научных трудах таких российских авторов, как И.А.Бланк [1] и Л.С. Валинурова и О.Б. Казакова [2], становится возможным предложить следующую формулировку определения инвестиционной привлекательности фонда: это комплекс инвестиционных характеристик,

одни из которых повышают, а другие понижают желание инвестора вкладывать средства в данный фонд. Итоговым показателем является уровень удовлетворенности инвестора результатами своих вложений.

Таким образом, ключевые инвестиционные характеристики АИФ и цели инвесторов предопределяют факторы инвестиционной привлекательности фондов. Наиболее значимые факторы были выявлены в опросе Ассоциации по финансовому планированию (Financial Planning Association), результаты которого приведены в исследовании Р. Столза [16]. Инвесторам предлагалось выбрать 5 самых важных параметров, которыми они руководствуются при оценке эффективности вложений в АИФ (см. табл. 1).

Таблица 1

Факторы инвестиционной привлекательности АИФ

Факторы	Доля инвесторов, которые выбрали этот критерий как один из пяти самых важных, %
Обратная корреляция с рынком	70,6
Риск	67,7
Ликвидность	61,5
Затраты	55,6
Прошлая деятельность	45,7
Использование финансового рычага	32,1
Юридическая структура фирмы	26,5
Деятельность менеджера	25,4
Налоговая эффективность	18,2
Объем активов под управлением	10,4
Текущая деятельность и налоговая отчетность	3,5
Другое	2,9

Источник: составлено автором по: [15].

Из полученных результатов видно, что для инвесторов АИФ важную роль играют не только риск и доходность вложений, но и другие количественные и качественные факторы. К количественным факторам можно отнести те, которые оказывают влияние на итоговый доход инвестора: риск, доходность, издержки, налоги, квалификацию менеджера и обратную корреляцию с рынком, к качественным – факторы, наличие либо отсутствие которых может повлиять на решение инве-

стора о вложении средств, – прозрачность, объем активов под управлением, низкая ликвидность, использование финансового рычага, прошлая деятельность фонда.

Заметим также, что одни из этих факторов относятся к деятельности управляющих компаний фондов, а другие – к формированию портфеля активов под управлением фонда. В большинстве существующих исследований изучаются только инвестиционные характеристики портфеля, хотя, на наш взгляд, правильнее рассматривать все факторы как части единого целого. Представим выявленные факторы в виде таблицы (см. табл. 2).

Таблица 2

Факторы инвестиционной привлекательности АИФ

	Количественные	**Качественные**
Факторы, характеризующие деятельность управляющей компании фонда	Затраты	Прошлая деятельность фонда
	Налоговая эффективность	Прозрачность
	Квалификация менеджера	Объем активов под управлением
Факторы, характерные для инвестиционного портфеля	Обратная корреляция с рынком	Низкая ликвидность
	Доходность (риск)	Использование финансового рычага

Источник: составлено автором.

Строки табл. 2 представляют собой факторы, относящиеся к деятельности управляющей компании и к портфелю фонда, а столбцы – количественные и качественные факторы. Базируясь на результатах опроса, факторы проранжированы в порядке их значимости для инвесторов. В первую очередь рассмотрим факторы, относящиеся к управляющей компании фонда (так как инвестор сначала выбирает компанию), начиная с количественных, потому что в опросе они оказались более значимыми. Затем проанализируем (также двигаясь от количественных к качественным) факторы, характерные для инвестиционного портфеля.

Наиболее важным фактором, относящимся к управляющим компаниям фондов, являются затраты на ведение деятельности. Под ними следует понимать комиссии и вознаграждения менеджера фонда. Затраты по альтернативным фондам в целом выше, чем по традиционным, так как АИФ несут издержки на осуществление оценки уникальных по своей природе альтернативных вложений, что требует соответствующей оплаты деятельности менеджеров. Следующий фак-

тор – возможность налоговой оптимизации, т. е. минимизация налоговых выплат со стороны как фондов, так и инвесторов. Как правило, это достигается за счет регистрации в юрисдикциях с пониженным налогообложением. В связи с этим значительное число фондов зарегистрировано в таких местах, как о. Джерси, о. Кипр и др. Если раньше подобные юрисдикции причислялись к офшорам, то сейчас многие из них являются странами – участниками ЕС, сохраняющими при этом свою лояльную налоговую систему.

Квалификация менеджера также важна, так как решения о вложениях принимаются именно менеджером фонда, и они непосредственно влияют на прибыльность инвестиций. Квалификация менеджера особенно значима для альтернативных фондов, где менеджерам зачастую приходится работать с уникальными инвестициями, трудно поддающимися оценке. Для оценки квалификации менеджера Женсен впервые в 1968 г. предложил использовать коэффициент Альфа, позволяющий оценить дополнительную доходность, полученную благодаря выбору изначально недооцененного актива. Таким образом, коэффициент помогает определить, насколько управляющий обыгрывает рынок или проигрывает ему. Чем выше значение коэффициента, тем качественнее управление фондом [9]. Но оценить способности менеджера на практике не так просто. Для этого следует, во-первых, рассматривать не только удачные результаты, но и средние результаты за период в целом; во-вторых, проверять, способен ли менеджер создать устойчивый портфель или силен лишь в определенных видах активов; в-третьих, определить, насколько менеджер способен к диалогу и делится информацией в процессе принятия решений.

Результаты прошлой деятельности АИФ являются наиболее значимым качественным фактором инвестиционной привлекательности фонда, согласно результатам опроса. Под ними также подразумеваются финансовая история и репутация фонда. Многолетняя история может свидетельствовать о финансовой устойчивости фонда хотя бы потому, что ему удалось успешно преодолеть кризисы.

Следующий качественный фактор – это прозрачность, под которой подразумевается доступность и открытость текущей активности фонда и его отчетности. Гарантом прозрачности фонда для инвестора выступает организационно-правовая структура фонда. Эти два параметра реализованы в европейских АИФ, согласно требованиям Директивы AIFMD. Фонды, руководствующиеся такими принципами, должны обеспечивать инвесторам регулярные выплаты при наличии прибыли, а также быть способными урегулировать претензии, в том числе судебные, иными словами, быть в состоянии обеспечивать юридическую защиту инвесторов.

Текущий объем активов оказался также значимым для инвесторов: фонды с большим объемом активов под управлением психологически воспринимаются инвесторами как более надежные; они могут снижать издержки инвестора за счет эффекта масштаба; крупные фонды обслуживают команды квалифицированных специалистов, способные обеспечить грамотное разделение обязанностей и более высокое качество обслуживания.

Таким образом, при оценке инвестиционной привлекательности управляющей компании АИФ важную роль играют не только количественные, но и качественные факторы. Это же можно утверждать и о факторах, характерных для инвестиционного портфеля.

К наиболее значимым качественным факторам, определяющим инвестиционную привлекательность портфеля активов, относятся уровень ликвидности и возможность использования финансового рычага. Очевидно, что если инвесторы недовольны результатами деятельности АИФ, то они поспешат вывести оттуда средства настолько быстро, насколько это возможно с учетом ликвидности активов фонда. Однако низкий уровень ликвидности не для всех клиентов АИФ является негативным фактором. Так, институциональные инвесторы, в отличие от частных, имеют возможность инвестировать средства на длительный период, рассчитывая получить за это так называемую премию за неликвидность [14]. В связи с этим низкая ликвидность выступает качественным фактором, повышающим инвестиционную привлекательность АИФ.

Возможность использования финансового рычага является привилегией не всех видов АИФ и чаще всего касается хедж-фондов. Несмотря на то что количество инвесторов, готовых пойти на риск ради увеличения доходности, не уменьшается со временем, количество фондов, использующих значительный финансовый рычаг, имеет тенденцию к снижению. С точки зрения автора, на это есть две причины. Во-первых, Директива AIFMD налагает на АИФ обширный перечень требований по раскрытию информации. Инвесторы, узнав о размере финансового рычага, могут посчитать риски слишком высокими и отказаться от вложений. Во-вторых, в Директиве также указывается максимальный размер финансового рычага, ограничивающий риски.

Важным шагом в исследовании инвестиционной привлекательности портфеля активов фонда является ее количественная оценка. В случае АИФ наиболее значимым фактором, согласно опросу, является степень корреляции с динамикой традиционных инвестиций. Так, в одном опросе этот показатель составил целых 95,5% [15]. При этом 72% инвесторов (по сравнению с 60% годом ранее) при вложениях в альтернативные инвестиции рассчитывали на больший рост доходности по сравнению с традиционными вложениями. Выбор фактора корреля-

ции в качестве первоочередного логичен, так как АИФ изначально задумывались как альтернатива рынку, что становится понятно из их названия. Их включают в портфель по двум причинам: во-первых, выступать в роли подушки безопасности во время кризисов, когда традиционные вложения демонстрируют убытки, и, во-вторых, приносить доходность выше среднерыночной, когда рынок на подъеме.

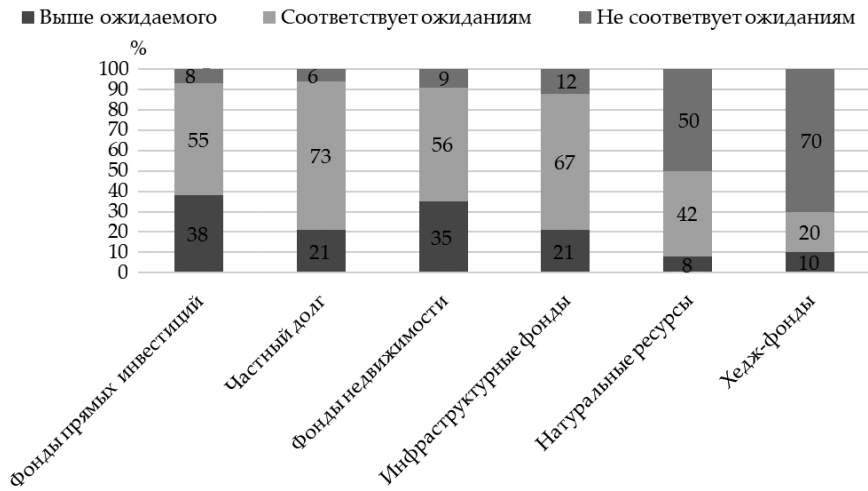
Вторым по важности показателем привлекательности (67,7%), на который указали респонденты, стал уровень риска. Очевидно, что риски вложений в АИФ существенно более высокие, чем в случае традиционных фондов. Это связано и с низкой ликвидностью альтернативных инструментов, и с их многообразием, и со сложностью их оценки. Обратная сторона рисков – доходность выше среднерыночной, что дает возможность инвесторам получать высокие доходы. Ключевой способ снижения рисков – это, как известно, диверсификация портфеля. Некоторые консультанты советуют инвесторам поддерживать долю инвестиций в АИФ на уровне 15–20% [3]. Однако, по мнению автора, она может значительно варьироваться в зависимости от инвестиционных целей и персональной склонности к риску. Известно, что среди институциональных инвесторов эта доля в среднем выше, чем у частных [10].

Определение факторов инвестиционной привлекательности АИФ и их анализ позволяют рассуждать о построении комплексной модели оценки фонда. Тем не менее на практике это сделать невозможно, в первую очередь в связи с отсутствием информации о результатах деятельности фондов в открытом доступе[12]. Другим существенным препятствием для моделирования является отсутствие возможности учета специфических характеристик каждого из типов АИФ. У каждого вида фондов есть своя специализация, удовлетворяющая соответствующие инвестиционные предпочтения инвесторов, поэтому было бы неверным сравнивать различные виды фондов между собой.

Итоговым показателем удовлетворенности инвесторов результатами своих вложений, по мнению автора, являются результаты опросов. В исследовании Prequin 2017 г. [12] отражено восприятие инвесторами показателей ключевых видов альтернативных активов за последние три года (см. рис. 3).

За исключением хедж-фондов все прочие виды активов, как видно на рис. 3, оказались высокооцененными среди инвесторов. Результатами вложений в фонды прямых инвестиций, в фонды частного долга

[12] Благодаря вступлению в силу Директивы AIFMD менеджеры европейских фондов теперь обязаны отчитываться перед регуляторами и своими инвесторами, но для потенциальных клиентов узнать необходимые данные по-прежнему проблематично в связи с запретом на рекламу и маркетинг АИФ в кругу неквалифицированных инвесторов.



Источник: [12].
Рис. 3. Оценка инвесторами вложений в ключевые виды альтернативных активов

и фонды недвижимости довольны более 90% клиентов. В опросе FPA 2011 г. приведено значительно большее количество альтернативных стратегий, но уровень удовлетворенности инвесторов примерно тот же – около 86% [14].

Что касается хедж-фондов, в прошлом их оценки были гораздо выше, чем сейчас. Согласно опросу Prequin, посвященному деятельности хедж-фондов в 2008–2013 гг., уровень удовлетворенности инвесторов в среднем колебался от 60 до 70%, достигнув максимального значения в 84% в 2013 г. [7].

Таким образом, при оценке инвестиционной привлекательности АИФ важно комплексно учитывать роль как количественных, так и качественных характеристик. Одни факторы повышают инвестиционную привлекательность (например, наличие положительной доходности вне зависимости от движений рынка или доходности выше среднерыночной), а другие снижают (к примеру, высокие вознаграждения менеджмента). Оценка ряда других факторов зависит от предпочтений самого инвестора и его личной склонности к риску.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бланк И.А.* Инвестиционный менеджмент. Киев: МП ИТЕМ ЛТД, Юнайтед Лондон Трейд Лимитед, 1995.
2. Инвестирование: учебник для вузов / Л.С. Валинурова, О.Б. Казакова. М.: Волтерс Клувер, 2014.
3. *Clark A.* The hidden allure of Alternatives Investments. January, 2014.

4. *Fraser-Sampson G.* Alternative Assets Investments for a Post-Crisis World. Wiley, 2011.
5. *Gregoriou G.N.* Encyclopedia of Alternative Investments. Chapman and Hall/CRC, 2008.
6. *Bromma H., Bromma L.M.* How to Make Money in Alternative Investments. McGraw-Hill Education, 2009.
7. *Ide M.* (20.12.2013 г.). Hedge Funds Have Record High Client Satisfaction Despite Rough Year. Получено 24.03.2018г., из VALUEWALK. www.valuewalk.com/2013/12/hedge-funds-have-record-high-client-satisfaction.
8. *Jaeger L.* Managing Risk in Alternative Investment Strategies. Successful Investing in Hedge Funds and Managed Futures. FT Press, 2002.
9. *Jensen M.C.* The Performance of Mutual Funds in the Period 1945-64. 1968.
10. *Levaux J.* Alternatives stay on growth path. (July). 2012.
11. *Anson M.J.P., Fabozzi F.J., Jones F.J.* The Handbook of Traditional and Alternative Investment Vehicles Investment Characteristics and Strategies. John Wiley & Sons, 2011.
12. Prequin. 2017 Prequin Alternative assets performance monitor. Prequin. 2017.
13. *Kiesel R., Scherer M., Zagst R.* Alternative investments and strategies. 2010.
14. *Sedlacek V.O.* Alternatives reality: what to expect from future allocations // Commonfund Institute, January 2014. P. 19.
15. *Shulaka C.* Advisers Embrace Alternative Investments. (September). 2011.
16. *Stolz R.F.* Investigating alternative Investments. Journal of financial planning. 2011 г., September.
17. *Sokołowska E.* Alternative Investments in Wealth Management. A Comprehensive Study of the Central and East European Market. Springer, 2014.
18. WEF. Alternative Investments 2020: An Introduction to Alternative Investments. 2015.

ABOUT THE AUTHOR

Elena Vladimirovna Merekina – Postgraduate Student of the Department of Finance and Credit of the Faculty of Economics of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. elena.bulakhova@yandex.ru

FACTORS OF INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF ALTERNATIVE INVESTMENT FUNDS

The term "investment attractiveness" is actively used in the media and in online resources. Traditionally, this is meant to maximize profitability while minimizing risks. However, this definition primarily refers to assessing the investment attractiveness of the portfolio of assets, but it does not reflect all the features of the assessment of investment funds and the activities of management companies. The existing approaches do not take into account the unique characteristics of alternative investment funds as well. How can an investor choose a fund for investment? To answer this question, the article identifies the main groups of funds, their investment strategies and investor strategies, and identifies the main qualitative and quantitative factors of the investment attractiveness of these institutions. The identified factors, in aggregate, can be used both by investors, when choosing a fund for investment, and by the management of companies to assess the investment preferences of potential customers.

Keywords: *alternative investment fund, investment attractiveness, investments.*
JEL: G11, G15, G18, G23, G24.

Вестник Института экономики Российской академии наук
5/2018

В.Е. ЗАЙЦЕВ
аспирант факультета государственного управления
МГУ им. М.В. Ломоносова

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье сделана попытка обосновать, что более эффективным способом преодоления трудностей, возникающих при переходе к бюджетированию, ориентированному на результат (БОР), является не разработка новых программно-целевых инструментов, а осуществление комплексных преобразований, направленных на оптимизацию системы оценки и мониторинга государственных программ. Рассматривая опыт решения проблем, подобных в Российской Федерации и в Республике Корея, автор приходит к выводу, что южнокорейская практика проведения преобразований с акцентом на аспектах оценки эффективности программ оказывается успешнее российской инициативы по разработке и реализации приоритетных проектов и пилотных госпрограмм.

Ключевые слова: *государственные программы, оценка государственных программ, приоритетные проекты, БОР, Южная Корея.*

JEL: H11, H61, D72.

Практика реализации государственных программ в Российской Федерации в качестве инструментального воплощения концепции бюджетирования, ориентированного на результат (БОР), может считаться успешной лишь с некоторыми оговорками. Так, по итогам сводных годовых докладов Министерства экономического развития Российской Федерации, в 2016 г. высокоэффективной признана реализация лишь 6 государственных программ Российской Федерации из 37 госпрограмм, эффективность которых оценивалась (16,2% от общего числа; размах – 37,5 процентных пункта)[1]; в 2015 г. количество высокоэффективных государственных программ составило только 3 из

[1] Сводный доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ в 2016 году // Правительство Российской Федерации. government.ru/news/28684 (дата обращения: 04.03.2018).

32 госпрограмм, для которых такая оценка была дана (9,4 % от общего числа; размах – 51,1 процентных пункта)[2].

Одним из направлений повышения эффективности реализации программно-целевых инструментов в настоящее время становится применение проектного подхода в деятельности органов исполнительной власти РФ. В октябре 2016 г. Правительством РФ принято постановление[3], установившее общие принципы внедрения проектного подхода, а в октябре 2017 г. были заданы концептуальные основы осуществления новых, пилотных государственных программ (начиная с 2018 г.)[4], призванных обеспечить интеграцию приоритетных проектов и существующего программного инструментария. Сегодня еще рано отвечать на вопрос, является ли включение в госпрограммы приоритетных проектов той мерой, которая повысит эффективность бюджетных расходов, так как значительных изменений непосредственно в механизмы разработки, реализации и оценки эффективности программно-целевых инструментов пока внесено не было.

Анализ публикаций по данной тематике позволяет заключить, что в работах по проблемам применения программно-целевого управления в России в основном внимание уделяется методологическим аспектам программно-целевого бюджетирования и предложениям по точечной доработке существующего инструментария [3; 10; 2]. В ряде работ дан детальный анализ преобразований и предложены рекомендации по их совершенствованию [1; 9]. Однако в связи со значительными изменениями, произошедшими с момента внедрения БОР в России, часть рекомендаций нуждается в актуализации. По мнению автора, наблюдаемые в настоящий момент трудности имплементации принципов БОР выступают прямым следствием проблем, возникших ранее, при переходе к программному бюджетированию. При этом количество исследований, посвященных данному аспекту, очень мало.

---

[2] Сводный доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ по итогам 2015 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. economy.gov.ru/minec/about/structure/depstrategy/20160926 (дата обращения: 04.03.2018).

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 15.10.2016 № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Справочная правовая система]. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_206009 (дата обращения: 04.03.2018).

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 12.10.2017 № 1242 «О разработке, реализации и об оценке эффективности отдельных государственных программ Российской Федерации» (вместе с «Правилами разработки, реализации и оценки эффективности отдельных государственных программ Российской Федерации») // КонсультантПлюс [Справочная правовая система]. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280803 (дата обращения: 04.03.2018).

Простое заимствование лучших зарубежных (в большинстве случаев западных) практик затруднено в силу особенностей российской экономики, прежде всего значительной доли госсектора, на что указывают и представители экспертного сообщества [9].

На наш взгляд, заслуживает внимание опыт Республики Корея, в которой, также как и в России, имеется большое количество компаний, аффилированных с государством. В условиях, аналогичных российским, руководство Республики Корея провело детальный и своевременный анализ негативных последствий первого этапа перехода к программному бюджетированию, идентифицировало ключевые недостатки и выработало перечень мер, направленных на их преодоление. При этом преобразования в первую очередь касались доработки уже существующей системы, с концентрацией усилий на вопросах мониторинга и оценки.

На наш взгляд, в России более эффективным способом преодоления трудностей, возникающих при имплементации БОР, является не столько разработка новых программно-целевых инструментов, сколько проведение комплексных преобразований, направленных в том числе на оптимизацию системы оценки и мониторинга государственных программ.

Для подтверждения указанного тезиса в статье проведен сравнительный анализ опыта перехода на БОР в России и в Республике Корея.

I этап внедрения БОР

I этап внедрения БОР в Республике Корея. Первая попытка перехода на программный бюджет в Южной Корее была предпринята в 1999 г., вскоре после азиатского экономического кризиса 1997–1998 гг. [15]. В рамках пилотного проекта 16-ти из 47-и министерств и ведомств предлагалось сформировать сводный план деятельности на 2000 г., который содержал бы цели и показатели эффективности, а к концу года – представить отчет о достигнутых результатах. В рамках данных планов предполагалось отразить практически всю деятельность органов исполнительной власти, включая выплату заработной платы сотрудникам. Разработчиком методических указаний и основным инициатором преобразований выступило Министерство планирования и бюджета Республики Корея. Вместе с тем, по оценкам экспертов, реформа изначально была обречена на провал [13, p. 7]. В числе основных причин можно отметить следующие.

1. Отсутствие проработанных механизмов учета отчетной информации при планировании бюджетных ассигнований, что выражалось в том числе в отсутствии единых стандартов («ситуационном подходе») и в многочисленных жалобах отраслевых министерств на недо-

статок корреляции между их вкладом в достижение программных целей и объемами финансирования, выделяемыми в дальнейшем на обеспечение их деятельности.

2. Низкая заинтересованность ключевых лиц, принимающих решения (ЛПР), в связи с незначительным масштабом преобразований (в рамках лишь ⅓ министерств).

3. Дублирование оценочных функций из-за параллельно проводимой администрацией премьер-министра оценкой политик на основе американской системы GPRA, а также деятельностью Совета по аудиту и инспекциям Республики Корея, который осуществлял в том числе и экспертно-аналитическую работу.

Кроме того, при имплементации бюджетной реформы разработчикам не удалось обеспечить политическую поддержку преобразований и вынести их на правительственный уровень, вследствие чего ключевые задачи в части бюджетного планирования и подготовки отчетности были отнесены к компетенции рядовых государственных служащих, с минимальным вовлечением руководящего персонала. В результате реализация пилотного проекта безрезультатно завершилась в 2003 г., ознаменовав собой окончание I этапа.

I этап внедрения БОР в Российской Федерации. Российская практика разработки и включения госпрограмм в бюджетный процесс в их современном виде имеет много сходных черт с описанным выше южнокорейским опытом. Несмотря на применение отдельных программных инструментов (федеральных целевых программ) еще начиная с 1995 г., первая попытка крупномасштабного внедрения системы БОР в бюджетный процесс была предпринята только в 2005 г. В рамках концепции реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации предлагалась к использованию увязка ведомственных целевых программ и докладов о результатах и основных направлениях деятельности (ДРОНДы), однако в целом применение подобного инструментария не привело к каким-либо значительным успехам [8]. Ключевыми причинами неудачного внедрения выступили: концептуальная неопределенность и разнонаправленность использовавшихся программно-целевых инструментов, недостаток межведомственной координации, а также отсутствие проработанных на должном уровне механизмов оценки и мониторинга [7, с. 193]. В связи с этим начавшаяся в 2010 г. реализация государственных программ Российской Федерации была направлена как на преодоление негативных факторов, так и на повышение качества государственного управления в целом.

Госпрограммы представляют собой механизм среднесрочного бюджетного планирования, в рамках которого были интегрированы как федеральные целевые программы в качестве одного из структурных элементов, так и ведомственные целевые программы как элемент

более низкого уровня (основное мероприятие), что имело целью систематизацию существовавшего программного инструментария. Широкие полномочия ответственных исполнителей госпрограмм – органов исполнительной власти и госкорпораций – должны были способствовать решению проблемы межведомственной координации, а детально прописанные процедуры мониторинга и отчетности – преодолению проблемы отсутствия соответствующих механизмов.

Вместе с тем указанные проблемы не были в полной мере преодолены по причинам, во многом аналогичным южнокорейским, а именно:

1. В связи с отсутствием проработанных механизмов учета отчетной информации при планировании бюджетных ассигнований, а также с наличием деструктивных факторов, отрицательно влияющих на развитие этих механизмов, среди которых:
   – невозможность сокращения финансирования ряда основных мероприятий госпрограмм вне зависимости от эффективности их реализации по причине явно «процессного» характера последних (например, связанных с обеспечением деятельности центральных аппаратов, в том числе с выплатой заработной платы, закупкой канцелярских принадлежностей и т. д.);
   – необходимость утверждения фактических значений показателей и уровня кассового исполнения в целях предотвращения их ретроспективного изменения (даже несмотря на то, что госпрограмма является инструментом стратегического планирования, а не отчетным документом).

2. В связи с низкой заинтересованностью ключевых ЛПР в фактической имплементации основных принципов БОР, наиболее ярким проявлением чего выступает отсутствие с 2010 г. тех госпрограмм, реализация которых была бы в явном виде прекращена вследствие их неэффективности [6, с. 124].

3. В связи с дублированием функций оценки четырьмя крупными центрами, компетенции которых во многом пересекаются: Минэкономразвития России, Минфин России, Счетная палата РФ и Аналитический центр при Правительстве РФ.

Частично вследствие названных выше причин до сих пор остаются нерешенными в полной мере и специфические проблемы российской практики, упомянутые ранее [7, с. 203]. На основании представленных выше сведений можно утверждать, что негативные факторы внедрения программно-целевых инструментов в Российской Федерации и в Южной Корее во многом сходны (см. табл. 1).

Вместе с тем опыт решения похожих проблем в Российской Федерации и в Республике Корея качественно различен. В то время как в Южной Корее способом преодоления сложившихся трудностей

Таблица 1

Негативные факторы I этапа внедрения программно-целевых инструментов в южнокорейской и российской практиках

№ п/п	Наименование	Проявление в южнокорейской практике	Проявление в российской практике
1	Отсутствие проработанных механизмов учета отчетной информации при планировании бюджетных ассигнований	Отсутствие единых стандартов при оценке госпрограмм, значимой корреляции между вкладом в достижение целей и доводимыми в дальнейшем объемами финансирования	Невозможность сокращения финансирования «процессных» мероприятий вне зависимости от эффективности их реализации; необходимость утверждения фактических значений показателей, уровня кассового исполнения
2	Низкая заинтересованность ключевых ЛПР	Незначительное число решений правительства РК, подготовленных и принятых по результатам оценки госпрограмм (в том числе в связи с малым масштабом преобразований)	Отсутствие госпрограмм, реализация которых была бы в явном виде прекращена вследствие их неэффективности
3	Дублирование оценочных функций	Сосуществование 3-х центров по оценке эффективности госпрограмм, компетенции которых частично пересекаются	Сосуществование 4-х центров по оценке эффективности госпрограмм, компетенции которых частично пересекаются

Источник: составлено автором.

выступил анализ ключевых негативных факторов и последующее масштабное преобразование с концентрацией на мониторинге и оценке эффективности госпрограмм, в России с 2016 г. была инициирована реализация приоритетных проектов, постепенно меняющих суть госпрограмм в их привычном виде.

II этап внедрения БОР

II этап внедрения БОР в Республике Корея. Начало II этапа внедрения программно-целевого управления в Республике Корея (2003 г.) было во многом аналогично предшествующей стадии, за исключением того, что по программному принципу решено было реализовывать лишь наиболее масштабные проекты, исключающие небольшие

бюджетные программы, направленные на обеспечение текущей деятельности [13, p. 9]. В целях преодоления ошибок I этапа предлагалось наделить отраслевые министерства более широкими полномочиями и автономией и, кроме того, – более высоким уровнем ответственности в рамках обновленных систем оценки и мониторинга госпрограмм. В настоящее время система оценки госпрограмм в Южной Корее включает 3 элемента: мониторинг, анализ программ самими субъектами бюджетного планирования и углубленная оценка.

В рамках мониторинга, который проводится Министерством стратегии и финансов Республики Корея (МСиФ) (бывшим Министерством планирования и бюджета РК), органы исполнительной власти подготавливают ежегодные отчеты о ходе реализации планов своей деятельности. Такого рода план представляет собой иерархическое представление бюджетных программ в разрезе отраслевого министерства и отражает его миссию, стратегические цели, цели программ и подпрограмм, а также соответствующие показатели. Отчетные данные позволяют идентифицировать недостаточность либо избыточность существующего программного портфеля и могут быть интерпретированы двояко: как с точки зрения того, способствует ли конкретная программа достижению соответствующей цели (целей), так и, напротив, обеспечена ли конкретная цель необходимым программным портфелем. Вместе с тем такие данные носят по большей части информационный характер и в первую очередь направлены на предотвращение проблем на ранних стадиях, что в дальнейшем послужит началу диалога органов власти с представителями научного, экспертного и бизнес-сообществ. После агрегирования соответствующей информации МСиФ направляет отчетные сведения в Совет по аудиту и инспекциям РК, который в дальнейшем представляет их в южнокорейский парламент.

Анализ госпрограмм проводится ежегодно самим органом исполнительной власти, ответственным за их реализацию. Содержание анализа состоит в ответе на перечень типовых контрольных вопросов, которые формируются и ежегодно актуализируются МСиФ и касаются хода реализации госпрограммы, ее структуры, системы управления и достигнутых результатов. Отчетные сведения, получаемые в результате, дают основания для присвоения госпрограммам оценок и их последующего рейтингования: по аналогии с американской системой PART [11] программы ранжируются на группы «эффективные», «умеренно эффективные», «соответствующие требованиям», «неэффективные» и «крайне неэффективные». При этом объем финансирования неэффективных госпрограмм подлежит сокращению как минимум на 10%. В отличие от мониторинга, данные, получаемые по результатам анализа, активно используются при принятии управленческих реше-

ний для ранжирования госпрограммы по приоритетам при планировании и распределении бюджетных ассигнований.

Объектом углубленной оценки выступают подпрограммы госпрограмм различных направлений (секторов) либо совокупность общих для подпрограмм факторов, которые подвергаются детальному рассмотрению и анализу. Внедрение процедуры углубленной оценки обусловливалось необходимостью институционализации системы оценки эффективности в рамках БОР [14, p. 55–56], проведения системных оценок, а также учета актуальных тенденций в сфере оценки программ. Углубленная оценка проводится МСиФ, однако подавляющее большинство членов экспертных групп приглашается со стороны – из научно-исследовательского и экспертного сообществ. С учетом сложности объекта анализа члены групп по оценке ежегодно анализируют лишь около 8–10 госпрограмм. Полученные сведения представляются в МСиФ, а затем в бюджетную комиссию парламента Южной Кореи, которая принимает решение об оптимизации программного портфеля (например, следует ли учитывать полученные данные при перераспределении ресурсов в рамках очередного бюджетного цикла; целесообразно ли укрупнение и объединение существующих госпрограмм и т. д.).

Сводная информация о системе мониторинга и оценки государственных программ в Южной Корее представлена в табл. 2.

Проблема привлечения высокопоставленных ЛПР по госпрограммам носила во многом политический характер. Давление со стороны экспертного и научного сообщества, возросшее после не самого удачного I этапа, а также наличие площадок для диалога заинтересованных сторон положительно сказались на политической подоплеке преобразований [13, p. 17]. Кроме того, рост полномочий министерств в обмен на возросшую ответственность способствовал вовлечению в процесс продвижения реформы также и отраслевых министров. Одновременно большую роль сыграли заинтересованность и личный вклад президента Южной Кореи Ни Му Хёна.

Наконец, сложившая система БОР способствовала относительно четкому разделению функций ведомств, осуществляющих процедуры оценки. Так, МСиФ обладает сравнительно узким спектром полномочий, что обеспечивает максимальное использование результатов оценки и мониторинга при планировании бюджетных ассигнований. Функции же аудита и финансового контроля отнесены к компетенции высшего контрольно-надзорного органа, подчиненного парламенту, – Совету по аудиту и инспекциям РК. При этом, как упоминалось выше, крупнейшие научные и экспертные организации (прежде всего Корейский институт общественных финансов и др.) регулярно взаимодействуют как с МСиФ, так и с представителями проверяемого министерства на

Таблица 2

Система мониторинга и оценки государственных программ в Южной Корее

Наименование	Субъект	Объект	Способ осуществления	Роль в бюджетном процессе
Мониторинг	МСиФ (I стадия); Контрольно-ревизионное управление Республики Корея (II стадия)	Планы деятельности органов исполнительной власти (в разрезе программ и подпрограмм)	Анализ отчетной информации о ходе реализации планов деятельности	Способ идентификации проблем системы БОР на ранних стадиях
Анализ программ самими субъектами бюджетного планирования	Субъекты бюджетного планирования – ответственные исполнители государственных программ (I стадия); МСиФ (II стадия)	Ход реализации госпрограмм, их структура, система управления, достигнутые результаты	Ответ на перечень типовых вопросов (чек-листы), подготавливаемых МСиФ	Способ определения приоритетов программ при планировании бюджетных ассигнований (тактический уровень)
Углубленная оценка	МСиФ, представители научного и экспертного сообщества	Подпрограммы госпрограмм различных направлений (секторов), совокупность общих для подпрограмм факторов	Сбор данных, проведение опросов, подготовка аналитических отчетов	Способ оптимизации программного портфеля (стратегический уровень)

Источник: составлено автором.

соответствующих площадках, но представляют свои предложения непосредственно министерствам, а не правительству страны.

Таким образом, правительством Республики Корея были проанализированы ключевые негативные факторы и выработан комплекс мер, направленных на преодоление основных трудностей, возникших на I этапе внедрения принципов БОР. Безусловно, упомянутые меры не решают всех проблем (например, в текущих условиях отраслевые министерства играют скорее роль простых собирателей информа-

ции с минимальным аналитическим вкладом, а интерес высокопоставленных ЛПР к вопросам оценки госпрограмм по мере рутинизации и усложнения соответствующих процессов начинает ослабевать [13; 14]). Однако государством предпринимаются меры по реальному учету результатов оценки эффективности госпрограмм при планировании расходов бюджета.

В частности, для неэффективных госпрограмм осуществляется более интенсивный мониторинг и экспертиза в последующих бюджетных циклах, сокращаются объемы финансирования, в том числе и замораживаются расходы по ряду программных направлений, в то время как для руководителей органов исполнительной власти, чьи программы продемонстрировали неэффективность, предусмотрены санкции и уменьшение годовых премий [14, p. 60–61]. Следует отметить, что объем ежегодно сокращаемых бюджетных расходов на государственные программы, получившие неудовлетворительные результаты, в период 2008–2012 гг. в среднем составлял 13,4 % [12, p. 25] от начального объема их финансирования.

II этап внедрения БОР в Российской Федерации. В России разработка новых, пилотных государственных программ выступила своего рода косвенным признанием того, что госпрограммы старого формата не в полной мере эффективны. При этом в отличие от южнокорейского опыта глобальные преобразования непосредственно в системе разработки, реализации и оценки эффективности программно-целевых инструментов не осуществлялись.

Следует отметить, что в настоящий момент оценка пилотных госпрограмм затруднена чисто методологически в связи с отсутствием механизмов учета отчетной информации при планировании бюджетных ассигнований. Несмотря на то что приоритетный проект содержательно представляет собой структурный элемент госпрограммы (что отражено даже в бюджетной классификации расходов федерального бюджета на 2018 г.), механизмы его разработки, реализации и оценки эффективности урегулированы отдельными документами и нормативными правовыми актами. Принципиальные отличия приоритетного проекта и госпрограммы состоят в способе их утверждения, в структурных элементах, механизмах реализации, а также мониторинга и ежегодной оценки. При этом пилотные госпрограммы, призванные нивелировать указанные недоработки, представляют собой скорее рамочные конструкции, в составе которых реализуются разнородные структурные элементы (приоритетные проекты, межпрограммные проекты, ведомственные целевые программы), каждый из которых связан с собственными нормативными правовыми актами, что затрудняет выработку унифицированных подходов как к оценке, так и к учету ее результатов в бюджетном процессе.

В части повышения заинтересованности ключевых ЛПР в имплементации принципов БОР следует отметить, что, по оценкам экспертов [4; 5], в текущих институциональных условиях уровень влияния в России представителей бизнеса, научного и экспертного сообществ на процесс разработки и принятия государственных решений сравнительно низок. В результате привлечение внимания высокопоставленных ЛПР наиболее вероятно лишь при формировании соответствующего «запроса сверху».

Таблица 3

Особенности текущего этапа развития систем программно-целевого управления в России и в Южной Корее

№ п/п	Параметр	Характеристика	
		Республика Корея	**Российская Федерация**
1	Объекты мониторинга и оценки	Однородные программно-целевые инструменты в рамках трехуровневой системы оценки эффективности	Качественно различные программно-целевые инструменты в рамках двухуровневой системы (мониторинг и оценка)
2	Уровень вовлеченности ключевых ЛПР	Высокий: политическое давление со стороны экспертного и научного сообщества; широкие полномочия руководителей отраслевых министерств; личная инициатива главы государства	Низкий: незначительное влияние представителей бизнес- и экспертного сообщества; необходимость «инициативы сверху»
3	Функционал процессов оценки госпрограмм	Раздельные компетенции МСиФ и Совета по аудиту и инспекциям Республики Корея	Увеличение центров по оценке госпрограмм, компетенции которых частично дублируются, с 4-х до 5-ти

Источник: составлено автором.

Наконец, в части разграничения оценочных функций эффект от внедрения приоритетных проектов прямо противоположный. Так, нормативно установлено, что ключевым актором в сфере оценки приоритетных проектов является федеральный проектный офис, функции которого закреплены за Департаментом проектной деятельности Правительства Российской Федерации. В результате, если ранее пересечение функционала в части оценки госпрограмм не было критичным, то в настоящий момент существуют риски обострения межведомственной конкуренции между федеральным проектным офисом, оценивающим ключевую составляющую пилотных госпрограмм – приори-

тетные проекты, и Минэкономразвития России, проводящего оценку эффективности реализации госпрограмм в целом (как пилотных, так и «обычных»). Таким образом, число ключевых игроков, участвующих в процессе оценки, в настоящий момент увеличилось до 5-ти.

В результате проведенного исследования мы можем утверждать, что проблемы, характерные для более ранних этапов внедрения БОР, в настоящий момент в российской практике, в отличие от южнокорейской, до конца не решены (см. табл. 3).

Выводы

Проблемы, с которыми столкнулись Российская Федерация и Республика Корея при переходе к программному бюджетированию, во многом похожи. Ключевыми негативными факторами на I этапе для обеих стран выступали: отсутствие проработанных механизмов учета предоставляемой органами исполнительной власти отчетной информации при планировании бюджетных ассигнований, низкая заинтересованность ключевых ЛПР, дублирование функций основных акторов, задействованных в сфере программной оценки.

Вместе с тем опыт решения сходных проблем в России и в Южной Корее оказался качественно различен. В то время как в Республике Корея основным способом преодоления сложившихся трудностей на II этапе выступило реформирование системы мониторинга и оценки госпрограмм, в Российской Федерации с 2016 г. была инициирована реализация приоритетных проектов, а с 2018 г. – пилотных государственных программ, постепенно меняющих суть госпрограмм в их привычном виде.

Положительными чертами южнокорейского опыта можно считать наличие детально проработанной системы оценки госпрограмм, программно-целевых инструментов, активный диалог органов исполнительной власти с представителями экспертного и научного сообщества, а также четкое разграничение функций в сфере оценки госпрограмм. В то же самое время в России пилотные госпрограммы представляют собой скорее рамочные конструкции, вопросы интеграции приоритетных проектов в госпрограммы урегулированы не до конца, политическая составляющая предложений по принятию государственных решений на основе результатов оценки весьма вероятно может быть обеспечена лишь «сверху», а в сфере оценки продолжают действовать 5 крупных игроков, компетенции которых частично дублируются. В результате данные факторы отрицательно сказываются на эффективности реализации программно-целевых инструментов в российской практике.

На основании проведенного анализа автор приходит к выводу, что более эффективным способом преодоления трудностей, возникающих

при имплементации БОР, является не разработка новых программно-целевых инструментов, а проведение комплексных преобразований, направленных на оптимизацию системы оценки и мониторинга государственных программ. Попытка же осуществления точечных изменений и внедрения приоритетных проектов является мерой, долгосрочные последствия которой еще только предстоит оценить, что требует проведения дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьев М.П., Шаш Н.Н.* Инструментарий оценки эффективности государственных программ // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. №. 3. С. 48–69.
2. *Бабкин А.В., Бухвальд Е.М.* Проблемы стратегического планирования в региональном и муниципальном звене управления Российской Федерации // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2015. № 4 (223).
3. *Бреусова А.Г.* Оценка эффективности государственных программ // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. №. 2.
4. *Дидикин А.Б.* «Открытое правительство» в механизме взаимодействия гражданского общества и государства: формирование правовой модели и ее противоречия // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. №. 1. С. 16–19.
5. *Добрынин Н.М., Митин А.Н.* Кому нужно «открытое правительство»? // Бизнес, менеджмент и право. 2013. №. 2. С. 78–83.
6. *Зайцев В.Е.* Организационные и методологические проблемы государственных программ // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 57. С. 115–135.
7. *Зайцев В.Е.* Современный этап развития программно-целевого управления в России // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 65. С. 188–209.
8. *Хабаев С.Г.* ДРОНДы. Опыт применения // Бюджет. 2010. № 6. С. 72–75.
9. *Шаш Н.Н., Бородин А.И., Татуев А.А.* Проблемы перехода на программный бюджет: новые вызовы бюджетной политике России // Финансы и кредит. 2014. №. 14 (590).
10. *Южаков В., Добролюбова Е., Александров О.* Как оценить результативность реализации государственных программ: вопросы методологии // Экономическая политика. 2015. Т. 10. №. 6. С. 79–107.
11. *Gilmour J.B.* Implementing OMB's Program Assessment Rating Tool (PART): Meeting the challenges of integrating budget and performance // OECD Journal on Budgeting. 2007. Vol. 7. Issue 1. Pp. 1–40.
12. *Park N.* Current Issues of PFM Reforms in Korea / Korea Institute of Public Finance. 2017. P. 25. www.unescap.org/sites/default/files/Panel 1-2. KIPF_Dr. Nowook Park.pdf (accessed: 03.05.2017).
13. *Park N., Choi J.-Y.* Making Performance Budgeting Reform Work: A Case Study of Korea // The World Bank Policy Research Working Paper No 6353. February 2013. P. 1–26.

14. *Park N., Jang J.J.* Performance Budgeting in Korea: Overview and Assessment // OECD Journal on Budgeting. 2015. Vol. 14. Issue 3. Pp. 1–16.
15. *Yang S.B., Torneo A.R.* Government performance management and evaluation in South Korea: History and current practices // Public Performance & Management Review. 2016. Vol. 39. №. 2. Pp. 279–296.

ABOUT THE AUTHOR
Vladislav Evgenievich Zaitsev – Postgraduate student of the Faculty of Public Administration of M.V. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia. zaitsev.ve@gmail.com

STATE PROGRAMS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KOREA: COMPARATIVE ANALYSIS

The article attempts to substantiate that a more effective way of overcoming the difficulties, arising in the transition to results-based budgeting (RBB) is not the development of new program-targeted tools, but the implementation of complex transformations, aimed at optimizing the system for evaluating and monitoring government programs. Considering the experience of solving problems, similar to those in the Russian Federation and in the Republic of Korea, the author comes to the conclusion that the South Korean practice of transformations, with an emphasis on the aspects of program effectiveness, is more successful than the Russian initiative to develop and implement priority projects and pilot state programs.

Keywords: *state programs, evaluation of state programs, priority projects, result-based budgeting (RBB), South Korea.*
JEL: H11, H61, D72.

Вестник Института экономики Российской академии наук
5/2018

Д.А. ШВЕЛИДЗЕ
ассистент кафедры «Государственно-частное партнерство»
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

РАЗВИТИЕ ОПОРНОЙ СЕТИ МАГИСТРАЛЕЙ И СКОРОСТНЫХ АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Сеть автомобильных дорог составляет наиболее разветвленную часть транспортной инфраструктуры, выполняющую самые разнообразные задачи, а автомобильный транспорт является наиболее универсальным, обеспечивая все типы пассажирских и грузовых перевозок. Россия существенно отстает от ведущих зарубежных стран по показателям подвижности населения, скорости доставки грузов, плотности и качеству дорожной сети, что приводит к высокой доле транспортной составляющей в себестоимости продукции, к снижению конкурентоспособности отечественных производителей, сдерживанию роста производительности труда и снижению инвестиционной привлекательности территорий. В результате несоответствия уровня развития дорожной сети растущему спросу наша страна несет значительные экономические потери. Международный опыт подтверждает, что неотъемлемым фактором экономического развития любой страны является синхронное (или даже опережающее) расширение и улучшение состояния национальной дорожной сети. В России очевидна необходимость реализации нового единого подхода к развитию дорожной сети в стране. Значительное улучшение состояния российской экономики может быть достигнуто за счет реализации долгосрочной программы по созданию опорной сети автомагистралей и скоростных дорог, проходящей по всей территории страны и соединяющей основные экономические центры.

Ключевые слова: *экономическое развитие, инфраструктура, дорожная сеть, долгосрочная стратегия развития, автомагистрали и скоростные дороги, социально-экономические эффекты*.

JEL: O18, O20, R42.

Развитость национальной сети автодорог определяет скорость передвижения населения, интенсивность обмена товарами и услугами, возможности освоения новых ресурсов и развития территорий, что способствует повышению инвестиционного потенциала отдельных городов и целых регионов, а также ведет к росту качества жизни населения.

Сегодня автотранспорт обеспечивает около 3/4 от общего объема грузо- и пассажироперевозок, выполняемых всеми видами транспорта, и значимость автотранспорта в экономике Российской Федерации с каждым годом повышается. Существенное повышение значимости автомобильных дорог вызвано тремя основными причинами: изменение образа жизни населения – автомобиль является самым популярным средством передвижения, переориентация ряда отраслей экономики на автотранспортные перевозки, а также рост популярности автотуризма [5].

Помимо увеличивающейся роли автомобильного транспорта к основным предпосылкам развития национальной сети автодорог можно отнести: значительное отставание в развитии дорожной сети от темпов автомобилизации страны[1] и неудовлетворительное состояние сети автодорог (лишь 40% дорог соответствуют нормативным транспортно-эксплуатационным показателям).

До недавнего времени создание качественной дорожной сети не входило в перечень российских национальных приоритетов. Период распада СССР и до 2009 г. характеризуется хроническим недофинансированием отрасли дорожного строительства (в 2001–2009 гг. было построено всего 2,85 тыс. км). Современная российская дорожная сеть в основном была сформирована в период СССР (в бóльшей степени, в 60–70-е годы XX в.), поэтому она не рассчитана на объемы перевозок, которые ей сейчас приходится выдерживать. Протяженность автодорог с твердым покрытием достигла 500 тыс. км (45 тыс. км – протяженность федеральной сети) только к 1991 г.

К основным недостаткам российской дорожной сети можно отнести [4, с. 192]:

- «звездная» конфигурация, характеризующаяся связанностью стратегических объектов с центром, а не связанностью территорий, что влечет за собой сильнейшую региональную неравномерность в развитии дорожной сети;
- отсутствие качественных дорог с необходимой пропускной способностью (более 2 полос движения) между регионами страны[2];
- отсутствие у 30% населенных пунктов (в основном это населенные пункты с численностью менее 1000 человек)[3] круглогодичного доступа к дорогам с твердым покрытием;

[1] По данным Росстата, численность автотранспортных средств за последние 15 лет увеличилась более чем в два раза (с 25,4 млн до 51,4 автомобилей). Сегодня при увеличении численности парка автотранспортных средств на 5–7% в год общая протяженность и пропускная способность дорог растет ежегодно примерно на 1%.

[2] К концу 1980-х годов большая часть дорог имела не более 2 полос движения, к тому же перспективы роста автомобильного парка не принимались в расчет.

[3] 45 717 населенных пунктов с численностью жителей не более 1000 человек, 207 – с численностью более 1000 человек.

- недостаточная прочность дорожных конструкций (прочность задавалась исходя из осевой нагрузки в 6 т), т.к. предполагалось, что тяжелые грузы будут перевозиться по железной дороге и внутренним водным путям;
- неинтегрированность в мировое транспортное пространство (практически не реализован транзитный потенциал страны).

Из-за неудовлетворительного состояния автомобильных дорог себестоимость перевозок может увеличиваться в 3 раза (увеличиваются затраты времени и топлива, имеет место больший износ транспортных средств). В России размер транспортной составляющей в себестоимости продукции достигает 15–20%, в странах с развитой экономикой данный показатель составляет 7–8% [5]. В целом ежегодные потери российской экономики (прямые экономические потери) от плохого состояния дорог и недостаточного уровня их развития, по самым скромным меркам, составляют около 3% от ВВП России (примерно 500 млрд руб.) [6].

Исходя из этого можно предположить, что недостаточная развитость сети автомобильных дорог является одним из существенных ограничителей экономического роста и развития отдельных регионов и страны в целом. Поскольку автомобильные дороги являются общественным благом и создание сети дорог относится к зоне ответственности государства, вопрос об эффективности дорожной инфраструктуры является государственно важным и влияет на принятие политических решений об инвестировании в развитие дорожной инфраструктуры.

Мировые научное и экспертное сообщества изучают влияние уровня развития дорожной инфраструктуры на экономический рост. В 1992 г. был выпущен документ, в котором отражены результаты исследований зависимости роста дохода на душу населения от увеличения протяженности и плотности дорог с твердым покрытием [1]. Авторы данного исследования провели анализ 98 стран мира (преимущественно стран с развитой экономикой, т.к. зачастую в странах с развивающейся и отстающей экономикой отсутствуют актуальные статистические данные) и выявили прямую зависимость роста дохода на душу населения от увеличения протяженности и плотности дорог с твердым покрытием.

Согласно этому и другим исследованиям (см., например, [7]), развитая и качественная инфраструктура автомобильных дорог позволяет:

– во-первых, сократить долю транспортной составляющей в себестоимости продукции и расширить размер доступных рынков для производителей, что приводит к росту производительности и улучшению финансового состояния компаний и в конечном счете к увеличению ВРП региона (ВВП страны);

– во-вторых, улучшить структуру рынка труда, что приводит к общему росту доходов населения и стимулирует потребление, которое является одним из главных факторов экономического роста.

Целесообразно обратиться к опыту США, где была реализована одна из самых известных дорожных программ «Highway Interstate System» (1956–1980 гг.). Экономистами лучших университетов США был проведен анализ эффективности данной дорожной программы. Ценность исследования состоит в том, что они располагали рядами статистических данных за период порядка 100 лет. Стоит отметить, что ученые оценивали эффективность не отдельных проектов, а всей сети (сооружение «квадратной» сетки магистральных автомобильных дорог), призванной обеспечить транспортную связность территорий по принципу «каждый штат связан с каждым соседним». Был сделан вывод о том, что инвестиции в дорожное строительство являются наиболее эффективными именно на этапе формирования транспортного каркаса федерального или регионального уровня. Экономические выгоды от строительства скоростных дорог превысили затраты на строительство в 16–19 раз, а ежегодное повышение производительности в 1950-х годах составило 31%, в 1960-х – 25%, 1980-х – 10%. На сегодняшний день 90% жителей США имеют доступ к скоростной сети автодорог в пределах 8 км от места жительства [6].

Долгосрочные программы развития автомагистралей были успешно реализованы также в странах Евросоюза (Франция, Испания), Китае, Бразилии и т. д. В результате реализации данных программ эти страны получили не только развитую современную инфраструктуру, но и качественную трансформацию экономик за счет изменения конфигурации системы хозяйственных связей и формирования единого емкого внутреннего рынка [2].

Исходя из мирового опыта, очевидна необходимость не только модернизации, реконструкции и обновления инфраструктуры автомобильных дорог, но и реализации нового подхода к развитию дорожной сети в России. По нашему мнению, на данном этапе развития России наибольший эффект и положительное влияние на экономику может принести реализация программы по строительству опорной сети автомагистралей и скоростных дорог, которая направлена на развитие внутренних территорий (региональных взаимосвязей) и на обеспечение целостности транспортной услуги от пункта отправления до пункта назначения. Речь идет о строительстве дорог, соответствующих мировым техническим стандартам, которые позволят интегрироваться в мировое пространство, а также удовлетворяющих растущие требования потребителей к состоянию инфраструктуры автодорог, скорости, комфорту передвижения, удобству перевозок и качеству обслуживания и безопасности.

Опорная сеть автомагистралей и скоростных автомобильных дорог – это совокупность дорог федерального значения первой технической категории, создаваемых для обеспечения устойчивых взаимосвязей между наиболее крупными агломерациями, основными центрами экономической активности и для обеспечения движения существенных объемов грузо- и пассажиропотоков [3].

Согласно Федеральному закону «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.11.2007 № 257-ФЗ, автомагистраль соответствует категории IA, а скоростные автомобильные дороги – категории IБ. Нормативные характеристики автомобильных дорог приведены в табл. 1.

Таблица 1

Нормативные характеристики автомобильных дорог

Техническая категория дороги / Показатель	Автомагистрали I-А категория	Скоростные автодороги I-Б категория	Обычные автодороги	
			I-В категория	II, III, IV,V категории
Количество полос движения	4 и более		не более 4	не более 2
Ширина разделительной полосы	6 м	5 м		–
Расчетная интенсивность движения	более 14 000 ед./сут.		14 000 ед./сут.	200–6 000 ед./сут.
Расчетная скорость	150 км/ч	120 км/ч	100 км/ч	60–120 км/ч
Доступ к дороге с примыкающей дороги в одном уровне	не допускается	допускается не чаще чем через 5 км		допускается
Нагрузка на ось	не менее 11,5 т			до 10 т

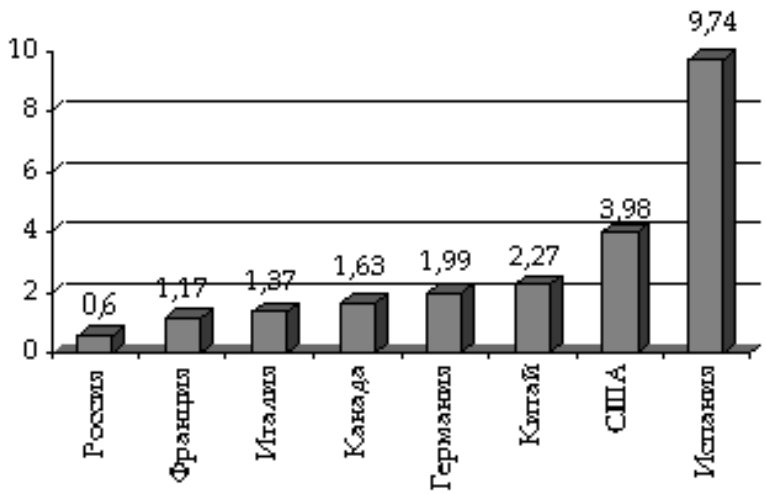
Источники: ФЗ № 257 от 08.11.2007 г. «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Постановление Правительства Российской Федерации от 28.09.2009 г. № 767 «О классификации автомобильных дорог в Российской Федерации».

В настоящее время создание сети автомагистралей и скоростных дорог – одна из приоритетных задач Транспортной стратегии Российской Федерации[4]. Возросший в последнее время интерес к ско-

[4] Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2008 г. № 1734-р «О Транспортной стратегии РФ на период до 2030 г.» (в редакции распоряжения Правительства Российской Федерации от 11.06.2014 г. № 1032-р.

ростным дорогам вызван рядом существенных преимуществ перед другими видами транспорта. К ним относятся: во-первых, маневренность и подвижность (наиболее удобная доставка грузов «от двери – до двери» отсутствует необходимость дополнительных погрузок и выгрузок, что способствует сохранности и целостности грузов и повышает скорость доставки); во-вторых, разнообразие перевозимых грузов; в-третьих, более гибкий подход автоперевозчиков к установлению тарифов, набору услуг и интересам потребителей [6].

Доля автомагистралей и скоростных автодорог в нашей стране составляет менее 1% от общей протяженности дорог и 11% от федеральной сети (5,6 км). Это очень незначительная доля по сравнению с развитыми странами, где этот показатель колеблется от 1,17% во Франции и до 9,74 – в Испании (см. рис.)



Источник: [2].
Рис. Доля сети автомагистралей и скоростных дорог в общей протяженности сети автодорог общего пользования в разных странах мира, в %

В настоящее время Государственной компанией «Российские автомобильные дороги» совместно с Министерством транспорта Российской Федерации разрабатывается долгосрочная стратегия развития сети автомагистралей и скоростных автомобильных дорог в России[5], в соответствии с которой компания планирует создать опорную сеть

[5] На заседании президиума по вопросам совершенствования сети автомобильных дорог в целях комплексного освоения территорий страны, проведенного 8 октября 2014 г. в Новосибирске в рамках Государственного совета, Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил о необходимости разработать специальную программу правительства о развитии скоростных магистралей.

автомагистралей и скоростных автомобильных дорог протяженностью 20 000 км, соединяющую регионы, в которых производится 80% ВВП и проживает 70% населения, соответствующую всем технико-эксплуатационным стандартам и отвечающую требованиям безопасности и экономичности перевозок [3]. Некоторые отдельные участки скоростных дорог уже построены или находятся в стадии реализации. Без сомнения, невозможно реализовать столь масштабный проект в условиях ограниченных возможностей федерального бюджета без привлечения частных инвестиций и внедрения новых эффективных организационно-правовых и финансовых механизмов подготовки, реализации и последующего управления инфраструктурным проектом. В связи с этим государственная компания активно использует механизм государственно-частного партнерства при реализации проектов.

Стоит отметить, что данная программа должна не только соответствовать целям социально-экономического развития страны, но и быть встроена в систему программных документов и планов развития, к которым в первую очередь относятся: Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 г., Государственная программа Российской Федерации «Развитие транспортной системы» (2010–2020 гг.), программа деятельности Государственной компании «Российские автомобильные дороги» (2010–2020 гг.), а также свод планов Федерального дорожного агентства и территориальных планов субъектов Российской Федерации.

Ожидаемые эффекты от реализации долгосрочной стратегии развития сети автомагистралей и скоростных автомобильных дорог представлены в табл. 2.

В рамках работ по подготовке долгосрочной стратегии государственной компанией был оценен совокупный объем социально-экономического эффекта с 2020 до 2030 г., он составляет 16 826 млрд руб. [3]. Показатели, учитываемые при расчете, представлены в табл. 3.

По некоторым подсчетам мультипликативный эффект составит порядка 30 трлн руб. до 2040 г., из которых более 40% – за счет роста выпуска товаров и услуг предприятиями (приблизительно 13 трлн руб.).

Количественные и качественные характеристики существующей в настоящее время в России дорожной инфраструктуры не позволяют в полной мере и эффективно удовлетворять спрос растущих сегментов национальной экономики, поддерживать должный уровень мобильности населения, обеспечивать конкурентоспособные позиции на мировом рынке транспортных услуг.

Создание опорной сети скоростных дорог повлечет за собой развитие общей сети федеральных и региональных автодорог и приведет

к развитию инфраструктуры других видов транспорта. Развитие сети автомагистралей и скоростных автомобильных дорог приведет к ускорению роста ВВП.

Таблица 2

Ожидаемые эффекты от создания сети автомагистралей и скоростных автомобильных дорог в России

Экономические эффекты
– ускорение роста ВВП, ВРП и обеспечение инновационного сценария развития региональных и национальных экономик;
– создание условий для развития МСП и высокотехнологичных производств;
– рост выпуска товаров и услуг предприятиями;
– создание условий для развития территорий (качественное улучшение логистики);
– развитие внутреннего рынка и интенсификация межрегиональных хозяйственных связей
Транспортные эффекты
Качественное улучшение параметров транспортной инфраструктуры России:
– повышение коммерческой скорости (до 1100 км/сутки);
– обеспечение кратчайшего скоростного сообщения между регионами;
– создание привлекательных условий для транзита грузов;
– создание условий для внедрения новых перспективных технологий, включая беспилотные транспортные средства;
– снижение транспортных издержек
Социальные эффекты
– повышение мобильности населения;
– повышение безопасности на дорогах;
– создание новых рабочих мест;
– повышение транспортной доступности для населения (развитие внутреннего туризма)
Бюджетные эффекты
– обеспечение высокой бюджетной эффективности за счет применения механизмов ГЧП;
– сокращение удельной доли бюджетных расходов до 50%;
– повышение эффективности дорожной деятельности

Источник: составлено автором по материалам Государственной компании «Российские автомобильные дороги».

Таблица 3

Компоненты социально-экономического эффекта создания сети автомагистралей и скоростных автомобильных дорог

№ п/п	Показатели	2020–2030 гг.
1	Снижение смертности от ДТП при повышении безопасности движения	53 млрд руб.
2	Рост выпуска товаров и услуг предприятиями	7 631 млрд руб.
3	Экономия времени населения и организаций на передвижение	8 973 млрд руб.
4	Экономия затрат населения и организаций на топливе	169 млрд руб.
5	Изменение рыночной стоимости имущества граждан	174 млрд руб.

Источник: составлено автором по материалам Государственной компании «Российские автомобильные дороги».

Создание сети автомагистралей и скоростных автомобильных дорог, соответствующей по параметрам (необходимая протяженность и оптимальная конфигурация) задачам долгосрочного социально-экономического развития, – один из главных вызовов, стоящих перед национальной экономикой в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Queiroz C., Gautam S.* Road infrastructure and Economic development. Some diagnostic indicators // Policy Research Working Paper WPS 921. World Bank. 1992 , June.
2. *Дитрих Е.И.* Доклад о планировании развития сети скоростных автомобильных дорог. Транспорт России. 08.07.2016. transportrussia.ru/item/3074-strategiya-prioritetov.html.
3. Презентация государственной компании «Российские автомобильные дороги» стратегии развития сети автомагистралей и скоростных автомобильных дорог. Стратегическая сессия. Екатеринбург, 2016 апрель. www.russianhighways.ru/about/strategiya/khod-razrabotki/uralskiy-federalnyy-okrug/Prezentaciya_Ekaterinburg.pdf.
4. *Решетова Е.М.* Механизмы финансирования дорожной инфраструктуры в России и в мире: история развития, современное состояние, лучшие мировые практики/ М.Е. Решетова; под науч. ред. М.Я. Блинкин. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
5. *Солодский А.И.* Организационно-экономические основы формирования дорожной сети в контексте регионального развития: автореферат дисс… уч. степени д.э.н. СПб., 2009.
6. *Твардовский Д.В.* Развитие автомагистралей и скоростных автомобильных дорог в России // Транспорт Российской Федерации. 2015. № 6 (61).
7. *Aschauer D.A.* Is Public Expenditure Productive? // Journal of Monetary economics. 1989. Vol. 23. P. 177–200.

ABOUT THE AUTHOR
Daria Aleksandrovna Shvelidze – Assistant of the Chair "Public-Private Partnership"of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. DAShvelidze@fa.ru

DEVELOPMENT OF A CORE NETWORK OF HIGHWAYS AND HIGH-SPEED MOTOR ROADS AS A FACTOR OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

The network of roads is the most extensive part of the transport infrastructure, performing the most diverse tasks, and road transport is the most universal, providing all types of passenger and freight traffic. Russia lags significantly behind the leading foreign countries in terms of mobility indicators, speed of delivery of cargo, density and quality of the road network, which leads to a high share of the transport component in the cost of production, to a decrease in the competitiveness of domestic producers, to restraining labor productivity growth and to reducing the investment attractiveness of the territories. As a result of the discrepancy between the level of development of the road network and the growing demand, our country is suffering significant economic losses. International experience confirms that synchronous (or even leading) expansion and improvement of the state of the national road network is an integral factor in the economic development of any country. In Russia, the need to implement a new unified approach to the development of the road network in Russia, is obvious. Significant improvement in the state of the Russian economy can be achieved through the implementation of a long-term program for the creation of a backbone, core network of motorways and high-speed roads, that runs throughout the country and connects major economic centers.

Key words*: economic development, infrastructure, road network, long-term development strategy, highways and high-speed motor roads , social and economic effects.*
JEL: O18, O20, R42.